

Екатерина Герц



ТВОИ ПИСЬМА

НЕ

ЛГУТ

триллер

драма

Спустя десять лет я возвращаюсь в родной город Мортимор на похороны своего лучшего друга. По официальной версии следствия смерть не носит криминальный характер. Но вскоре мне начинает казаться, что в этой трагедии замешан кто-то ещё. Чем глубже я погружаюсь в своё собственное журналистское расследование, тем больше страшных тайн мне предстоит узнать.

Твои письма не лгут

Екатерина Герц

1. Дорога

Я резко выворачиваю руль вправо и ударяю по тормозам, когда яркий свет от фар едва не ослепил меня, а над ухом прогудел протяжный сигнал встречного автомобиля. Под ногами жалобно пискнули тормоза. Через мгновение мне удаётся вернуть управление и набрать скорость.

Дьявол!

Я бросаю тревожный взгляд на свою дочь, Алису, в зеркало заднего вида. Она не выглядит напуганной и даже не отрывается от телефона. Лицо подсвечено приглушённым светом от экрана. Что ж, во всяком случае, ей определённее спокойнее, чем мне!

Мы находимся в пути уже около часа. Сказывается усталость. После бессонной ночи я плохо соображаю. Много думаю и не могу избавиться от тревожных мыслей. Вставать пришлось рано: собирать вещи и выдвигаться. Солнце тогда ещё только начинало восходить, окрашивая небо в приглушённые оранжевый и пурпурный цвета.

Наш путь лежит в маленький неприметный городок к востоку от Таганрога. Если точнее, в город, где я выросла. Население едва ли превышает двадцать тысяч человек. Чтобы кратко охарактеризовать Мортимор, я скажу всего одну фразу — все друг друга там знают.

Я не была в Мортиморе уже десять лет. С тех пор, как поступила на юрфак в Таганроге, у меня началась новая жизнь. О родном городе остались смутные воспоминания. Помню пасмурность и сырость, которые являются неотъемлемой частью Мортимора. Почти как в Санкт-Петербурге, только Мортимор не построен на заболоченной территории. Местные называют это аномальной зоной: солнце почему-то не любит эти края.

Иногда созваниваюсь с матерью, но она мало обсуждает местные сплетни. Куда больше интересуется моими достижениями и Алисой.

— Мам, долго нам ещё ехать? — устало спрашивает Алиса спустя время, прерывая мои сдавленные размышления.

Я вновь смотрю через зеркало заднего вида в её большие серые глаза:

— Нет, милая, буквально не больше часа!

Алиса недовольно ворчит и вновь переключает внимание на гаджет, где через мобильный интернет на протяжении всей дороги вещает ведущий её любимой передачи. А я лишь тяжело вздыхаю.

Она знает, что мы едем в Мортимор на похороны моего лучшего друга. Она уже достаточно взрослая, чтобы знать о таких вещах. Конечно, изначально я не планировала тащить её с собой, но оставить одну дома тоже не могу. А попросить посидеть некого. Алина, моя хорошая коллега, слегла с простудой в самый неподходящий момент. А Игорь, отец Алисы, живёт в Москве, и я не могла попросить его: поездка получилась сумбурной и незапланированной.

Потерзавшись в сомнениях, я приняла решение взять Алису с собой. Естественно, не приводить домой к незнакомым ей людям. Мама с папой будут рады с ней посидеть. Они давно не видели любимую внучку.

О смерти Германа я узнала два дня назад. Для меня это известие оказалось шоком. Мы правда были лучшими друзьями в школьные годы, но после моего отъезда связь постепенно оборвалась.

Поначалу часто переписывались на расстоянии. По старинке: только письма. Герман не

признавал соцсети. В этом даже была какая-то изюминка. Помню, возвращаясь в съёмную квартиру из университета, я всегда проверяла почтовый ящик в ожидании нового письма. Он подробно описывал всё, что происходило с ним за неделю.

Герман, в отличие от многих одноклассников и меня, не поступал никуда после окончания школы. У его родителей в то время были серьёзные финансовые проблемы. Он был вынужден устроиться на работу, чтобы как-то помогать с деньгами. Совмещать тоже не получилось: плохой аттестат лишил надежды на стипендию, а платное обучение оказалось не по карману.

Работал на мясном комбинате. Было тяжело, платили мало. Но никуда больше не брали. Иногда подрабатывал халтурой, но не всегда попадалась. Делился планами выучиться чуть позже хотя бы на повара в местном техникуме. Любил готовить. Но так и не поступил.

Со временем мы начали общаться всё реже. Он писал исправно каждую неделю, но я отвечала редко. У меня налаживалась личная жизнь. Встретила хорошего парня. Как-то раз он случайно наткнулся на письма, которые я хранила у себя в ящике. Не помню уже, что он тогда сказал, но очень нелестно выразился о Германе. Посчитал его одержимым мной. Я тогда лишь отмахнулась, но вскоре после этого общение полностью сошло на нет. Кроме того, проучившись год в Университете, я приняла решение полностью поменять специализацию и направление. Забрала документы уже летом. Это тоже было не так просто.

Последние несколько лет я даже перестала вспоминать о Германе. Пока два дня назад мне не позвонила мама с печальными известиями. По официальной версии никакого криминального характера. Просто ушёл в лес и не вернулся. Это был его добровольный выбор...

Сначала я не очень хотела ехать. Не потому, что у меня не осталось светлых чувств к Герману. Просто мы не общались уже столько времени. Он стал чужим для меня, только хорошим воспоминанием. Но что-то заставило меня передумать. Я взяла отпуск за свой счёт на неделю, выдернула Алису из школы и покинула Таганрог.

Смотрю на время на панели управления и невольно думаю, что близкие Германа уже готовятся навсегда проститься с ним. Немного надавливаю на газ, хоть и не собираюсь присутствовать при захоронении. Это всё не для меня.

За окном мелькают виды. Заметив вдалеке знакомый указатель, сбавляю скорость и вскоре сворачиваю с дороги. Асфальт сменяется просёлочной дорогой. Старый лес недоверчиво взирает на нас со всех сторон. Он всегда тихий, насколько я помню. Лесополоса пролегает на километры вперёд, через весь Мортимор, тем самым как бы оттесняя его от внешнего мира. По таким крутым дорогам далеко не каждый турист захочет заезжать далеко. И в лес ходить немного страшно. С детства пугали разными слухами о леших, страшных чудовищах и оголодавшем зверье. Правда, слушались редко. Сбегали периодически и бродили по лесным тропинкам. К счастью, ничего страшного не происходило.

Какое-то время молча едем по лесистой местности, пока, наконец, не замечаю неприметный ржавый указатель с названием города. Или большой деревни, если так угодно.

Ну что, мрачно промелькает у меня в голове, как хорошо быть дома!

2. Мортимор

Вскоре нас встречают первые дома. Неказистые жилые постройки мелькают тут и там, нагнетая атмосферу давно старого и забытого. Обшарпанные и деревянные, они навевают на меня меланхоличную тоску. Я словно вновь переношусь на десять лет назад в день, когда покидала родной город. Смутно помню ощущение радости и предвкушение перед началом нового этапа жизни: самого важного, ведь я впервые сделала осознанный выбор.

Алиса отрывается от телефона и с любопытством глядит по сторонам. Но интерес быстро пропадает при виде скучных серых пейзажей.

— Мам, мы уже приехали? — спрашивает она, явно надеясь на отрицательный ответ.

— Да, здесь я выросла.

— Я думала, здесь будет красивее!

В её взгляде появляется разочарование. Мысленно я с ней соглашаюсь: смотреть особо не на что. Ближе к центру поинтереснее, но это вам не Таганрог с его красивейшими парками, шикарной Пушкинской набережной, где она так любит гулять, и другими достопримечательностями. Аквапарк и пляж здесь тоже не обнаружить.

— Потерпи, ты ещё не видела наш дом! — пытаюсь подбодрить её, но выходит не очень. Тогда прибегаю к другой тактике. — Бабушка и дедушка уже заждались!

Лицо Алисы моментально светлеет. Она напоминает маленькое солнышко: единственный источник света в мрачном Мортиморе. А, может, просто я его таким запомнила? Так или иначе, сейчас он полон скорби и тоски. И стал очень пуст, потеряв единственного светлого человека во всём городе. Если не считать моих родителей.

Погружённая в противоречивые мысли, я не сразу замечаю церковь, которая возвышается подобно небоскрёбу на фоне множества одноэтажек. В Мортиморе есть ещё собор недалеко от Главной Площади, и небольшая церквушка где-то ближе к северной черте города. Но почему-то меня тянет остановиться именно здесь.

В общем-то, я и не планировала. Меня крестили, как и всех детей в Мортиморе, и какой-то частью себя всегда буду верить в высшие силы. Но никогда не могла найти нужный путь в те минуты, когда нуждалась в помощи. Не хватало духу попросить. Неужели приспичило сейчас? Или просто атмосфера города так влияет?

Недолго думая, паркуюсь на обочине приблизительно в ста метрах от церкви. Алиса удивлённо поднимает на меня взгляд. Поворачиваюсь и одариваю её мягкой улыбкой: по моему, немного вымученной, но она этого не замечает.

— Милая, подожди, пожалуйста, в машине! — прошу я, не планируя задерживаться сильно долго. — Я скоро вернусь.

— Ну, мам, тут скучно! — недовольно ворчит она. — Когда мы уже поедem к бабушке и дедушке? Я есть хочу!

— Сейчас, попей пока водички!

Я достаю из подстаканника бутылку с негазированной водой и протягиваю дочери. Выпивает немного: больше предпочитает сок или чай. Затем выхожу из машины. Напоследок обещаю не задерживаться. На всякий случай блокирую замки. Город у нас спокойный, но мало ли. Алиса провожает меня скучающим взглядом, но быстро возвращается в виртуальный мир.

Я неуверенно семеню вдоль обочины. Прохожих почти нет: это единственное по чему я

скучаю. Останавливаюсь напротив церкви, не решаясь перейти дорогу. На меня взирает благородное здание в форме креста с золотыми куполами: блеклыми на фоне сероватого неба. Невидимая тяжёлая тень ложится на белые апсиды и колонны. Я ощущаю странное величие церкви, её силу и необычную энергетику.

На сердце ложится тяжёлый камень. Мне вдруг становится очень грустно при мыслях о Германе. Он всегда поневоле был лишён многого. Главным образом, возможности жить для себя и развиваться. Никогда не жаловался, но я чувствовала, как ему этого не хватало. К сожалению, не могла найти нужных слов, да и помочь. Слишком была увлечена собственной жизнью.

И самое ужасное, что после смерти он в одночасье лишился права на то, что имеют другие почившие: панихиду и возможность для родственников достойно проводить в другой мир. Это как-то нечестно, хоть я и понимаю, что у него был выбор. И всё же что-то в этой истории не даёт мне покоя. Никак не вяжется с тем Германом, которого я помню. Стараюсь лишней раз не думать об этом.

Перед глазами невольно вспыхивает воспоминание, в котором Герман ещё жив. Мы оба юны, любим рассказывать друг другу о своих мечтах. Сидим на скамейке. Нас окружает недавно отстроенная аллея. Напротив виднеется собор, от которого нас отделяет спокойная река Силентия. Летом иногда бывает солнечно, и это был один из таких редких дней. Я люблюсь, как яркие блики отражаются от воды, как сверкают многочисленные купола собора. Недалеко вышагивают упитанные голуби: главный символ Мортимора. Они здесь повсюду. Нигде больше мне не доводилось видеть так много голубей.

— Ты веришь в Бога? — вдруг спрашивает Герман, нарушая комфортное молчание.

Я лишь пожимаю плечами. Обычно не люблю рассуждать на тему религии, но ему никогда не боялась открыться.

— Наверное! — лениво отвечаю я и задаю встречный вопрос. — А ты?

— Конечно! Он всегда с нами. Без него этот мир был бы совсем невыносимым.

Я скашиваю глаза на своего друга, не воспринимая эти слова всерьёз. Мы всего лишь дети: нам около двенадцати лет.

— А молиться умеешь? — ехидничаю я, надеясь поймать на лукавстве.

— Угу. Бабушка научила.

— Уже просил о чём-то?

Герман смотрит на меня коротким взглядом. Зеленоватые глаза заставляют меня думать о цветочном луге на даче. Мы с родителями ездили туда каждое лето в сезон урожая. Она находится за городом. В основном сажали картофель, капусту, морковь и свеклу. Есть ещё теплица с огурцами. Всегда любила пробираться туда и срывать пару самых крупных: свежих и сочных. Грызла втихаря от родителей, не утруждаясь помыть.

— Бабушка говорит, что просить нужно о важном, а не о всякой ерунде! — рассказывает Герман. По его тону я не могу понять, воспринимает ли он это всерьёз. — Она часто ставит свечки за нас. Чтобы всё хорошо было. Мама сказала, что этого достаточно. Поэтому они с папой не ходят в церковь. А я вот тоже думаю, что у Бога много дел, и если каждый будет просить о всякой ерунде, он не сможет помочь тем, кто правда нуждается.

— А разве Он не слышит всех? — удивляюсь я.

— Наверное, слышит. Но правду же никто не знает. Боюсь, что если буду слишком часто ему надоедать, Он не поможет, когда мне будет очень-очень нужно. Понимаешь?

— Вроде бы! — киваю я. — Жаль, что у него нет времени на отдых.

Мы вновь погружаемся в звенящую тишину, греемся в лучах солнца и наслаждаемся красотой Силентии.

Воспоминание рассеивается, оставляя после себя неприятное послевкусие. Я вновь нахожусь посреди улицы, а напротив темнеет старинная церковь. Словно бросает мне вызов: осмелюсь ли принять его?

Странный холодок пробегает по спине. Мне вдруг хочется закурить, но я одёргиваю себя: бросила, как только узнала о беременности. Было сложно, но пересилила. Правда, до сих пор иногда тянет, когда нервничаю или слишком расстроена.

Вероятно, Бог всё-таки не помог, когда Герман так нуждался в помощи. Разве он мог не попросить? Что толкнуло его на такой страшный шаг? Я теряюсь в догадках и ловлю себя на мысли, что не могу пропустить через себя всё это. Иначе не найду в себе силы явиться на поминки, где всё будет напоминать о нём. Глупо, верно?

Смахнув несуществующие слезинки, спешу обратно в машину. К счастью, Алиса не обращает внимания на моё подавленное состояние. В спешке поворачиваю ключ зажигания, переключая скорость и спешу покинуть пустынную улицу.

Родители проживают в частном доме на Тиморской улице. По пути мы проезжаем рынок, Площадь, небольшой парк, кинотеатр. Яркие афиши тут же привлекают внимание Алисы. Она пристаёт с вопросами, и я обещаю сводить её на днях в кино. Заодно покажу город.

Ближе к центру находится больше многоэтажных зданий, но в самых высоких не больше пяти этажей. О лифтах не может быть и речи. Лифт есть только в Центральной больнице, да и то частенько бывает сломан. Знаю, потому что мама не раз жаловалась.

Мы заезжаем в микрорайон под названием Роцца. Он представляет из себя комплекс заселённых улиц и магазинов. Ещё может похвастаться наличием вполне приличного парка, где удобно гулять с детьми. Вокруг дома: всё как на ладони. Недалеко детский сад. Разве что школы не хватает, чтобы сделать это место своеобразным аквариумом для детей во имя спокойствия их родителей. Я и сама ходила в здешний детский сад.

Преодолев симпатичные одинаковые коттеджи, сворачиваю на нужную улицу, избежав ожидания на светофоре. Движение здесь ещё более вялое, чем в центре: машины ездят, люди ходят, но дышать свободно есть где.

Дорога оставляет желать лучшего: кругом пробоины и ямы. Сбавляю скорость до двадцати километров в час, и ещё около десяти минут мы подпрыгиваем на решётчатом асфальте со скоростью черепахи.

Наконец, подъезжаю к нужному дому. Алиса не спешит выскакивать из машины. Я тоже около пары минут рассматриваю забор, который видела ежедневно на протяжении семнадцати лет.

Чтобы не оставлять себе шансов медлить, нажимаю на руль, возвещая родителям о нашем прибытии. Плевать, что соседи переполошатся. Здесь и так обо всём знают. Слухи разносятся со скоростью света.

Улицу разрывают три коротких сигнала автомобиля. Мой бедненький джип едва пережил поездку. Заботливо открываю дверь и ступаю на каменистую дорожку. Невольно вдыхаю полной грудью знакомый воздух с лёгким ароматом сирени. У нас под окнами растёт несколько кустарников.

На нашей улице громоздятся только частные дома, но все достойно обустроены: отделка приличная, ничего не обшарпано. И территория ухожена. Соседи тщательно следят за этим.

Вполне милый район, если не считать всеобщего любопытства. Это как болезнь, которую невозможно вывести. Даже высокий забор не помогает сохранить личную жизнь в тайне. Меня всегда это раздражало.

Слышится хлопок входной двери, и вскоре родители выходят нас встречать. Сразу распахивают ворота, чтобы я могла проехать. Но я даю им время поприветствовать внучку. Алиса сразу радостно выскакивает из машины, заметив бабушку и дедушку. Они долго обнимаются, наполняя улицу звонким смехом и ощущением радости.

Потом приходит и моя очередь, но я почему-то не чувствую себя счастливой. Стараюсь это скрыть, чтобы не задавали ненужные вопросы. Я всё думаю об этой поездке, как о чём-то вынужденном, хотя по сути никто из родственников Германа не просил меня приехать. Но я всё равно ощущаю на себе какую-то ответственность.

Родители искренне радуются нашему приезду. Я, наконец, сажусь за руль и неспешно выезжаю во внутренний двор. Паркуюсь прямо под сиренью. Маленькие бледно-фиолетовые цветочки будут осыпаться на серое покрытие, но мне всё равно. Слишком сильно люблю эти цветы, чтобы злиться из-за них.

Пока мама и Алиса уходят в дом, я остаюсь разгрузить вещи. Папа берётся помогать. Последнее, что я слышу прежде, чем звонкий голос дочери затихает за дверью, это рассказ о танцевальном кружке. Она описывает какой танец они сейчас разучивают. Алиса обожает танцы. Жаль, что придётся пропустить эту неделю. Но ничего, наверстает. Она у меня смьшлѐнная.

Вещей у нас немного: две сумки и детский рюкзак. Я брала только самое необходимое. Закидываю одну сумку на плечо, а вторую вместе с рюкзаком передаю отцу. Собираюсь закрыть багажник, но он указывает на коробку в углу.

— Погоди, тут ещё коробка! — произносит он и тут же хватается её.

Я смотрю на коробку и осознаю, что напрочь забыла о ней. Там письма от Германа. Сама не знаю зачем взяла их, закинула буквально в последний момент. Большинство из них почти не помню, какие-то до сих пор не распечатаны. Мне становится стыдно перед ним за это, и я виновато опускаю взгляд. Постараюсь прочесть, когда будет время. Так будет правильно.

Дома прямо на пороге на нас налетает Леди, игривая овчарка. Родители завели её пару лет назад. Вероятно, от скуки. Я видела её лишь на фото, но она почему-то сразу доверяет мне и позволяет потрепать себя за ухом. А потом забавно скулит и заваливается на спину, подставляя живот.

— Леди, погоди ты, дай хоть дух перевести с дороги! — ворчит отец, но в его голосе не чувствуется раздражения.

С кухни доносится соблазнительный аромат жареной курицы, моей любимой, по маминому рецепту. Слышу звон тарелок и столовых приборов. Вещи оставляем на полу, затем я медленно снимаю верхнюю одежду. Мягко глажу напоследок Леди и шествую за папой на кухню. Она тут же вскакивает и несётся за нами, игриво высывая язык. Запрыгивает на диван к Алисе и радостно трётся о её руку.

Наконец-то я вижу на лице дочери настоящую радость с начала поездки. Она давно спрашивает меня завести собаку, но я всё не решаюсь. И сейчас, видя как она весело смеётся, невольно подумываю согласиться. Пусть учится заботиться о ком-то. Плюс появится надёжный друг, способный поднять настроение и подбодрить.

— Лера, останешься на обед или сразу поедешь к Мартыновым? — интересуется мама,

когда чайник на плите почти закипает.

Кухня тут же блекнет в моих глазах. С печалью вспоминаю зачем приехала. Мы неосознанно избегаем этой темы, но постоянно бегать не получится. В голове прокручивается телефонный разговор два дня назад, когда мама сообщила о трагедии. Она не смогла ответить на мои вопросы, да и откуда ей знать. Родители не вхожи в дом семьи Германа.

И всё же мне не хочется спешить туда. Хочу побыть немного здесь, в кругу семьи. Забыть ненадолго о трагедии. Почувствовать забытое тепло и комфорт нашей старенькой кухни. Насладиться маминой стряпнёй.

— Ты правда думаешь, что я откажусь от своей любимой курицы? — усмехаюсь я, отбрасывая мрачные мысли. — Успею ещё съездить, всё равно не планирую задерживаться.

Мама понимающе кивает. Мы садимся за стол. Я налетаю на нежное пюре и сочную курицу с хрустящей корочкой, но почти не чувствую вкуса. В основном говорит Алиса, чем невольно избавляет меня от необходимости поддерживать атмосферу разряжённой. Я ощущаю домашний уют, но всё кажется каким-то неестественным. Хочу остаться, но при этом кусок в горло не лезет. Шучу и отвечаю на вопросы, но мыслями где-то далеко.

В итоге понимаю, что нет смысла откладывать. Благодарю за вкусный обед и понемногу собираюсь. Захожу в ванную, бегло умываюсь прохладной водой. Это помогает немного успокоиться. Рассматривая в зеркале бледное лицо, замечаю на пороге маму. Она сильно беспокоится.

— Ты в порядке? — спрашивает она немного приглушённым голосом.

Не хочет беспокоить Алису. Краем уха слышу как она показывает деду какое-то видео на телефоне.

— Не знаю. — честно признаюсь я. — До сих пор не могу поверить...

— Я тоже! — кивает мама. — Он всегда был таким необычным юношей, но я даже подумать не могла...

Она замолкает, не решаясь закончить. Я невесело усмехаюсь.

— Он давно уже не был юношей, как и я уже не девчонка! — твёрдо подмечаю, словно убеждаю саму себя. — Пора с этим покончить!

Поеду к нему домой, выражу соболезнования и при первой возможности вернусь домой. Даю себе указание не заикливаться на Германе, а использовать это время с пользой для себя и Алисы. Мы давно не проводили время с семьёй, будет полезно. А потом вернёмся в Таганрог, и всё станет по-прежнему.

— Ну, с Богом! — благословляет мама.

Я заглядываю на кухню и предупреждаю Алису, что скоро вернусь. Она не сильно расстраивается. Бабушка и дедушка явно придумают интересное занятие. Быстро обуваюсь и вылетаю на улицу, пока не стала искать очередной повод задержаться. Меня провожает только Леди. Но я не выпускаю её во двор, мало ли напраказничает.

Смахиваю с капота опавшие цветки сирени и открываю ворота. Выезжая на дорогу, замечаю на обочине соседку с полными пакетами. Предложить помощь, конечно, благое дело, но я лишь киваю в знак приветствия и мчусь прочь на скорости около двадцати километров в час. Её недовольное лицо остаётся позади, но я даже невольно усмехаюсь. Уж больно не люблю этих сварливых соседок с их вечным ворчанием!

Но скоро мне уже не до смеха. Пальцы нервно дрожат, сжимая руль. Неторопливо еду на другой конец города и понимаю, что будет очень тяжело.

3. Дом Мартыновых

По пути заезжаю в магазин за водой. В этом нет необходимости, но я всё ищу повод где-нибудь задержаться, придумываю несущественные дела. Выйдя на улицу, тут же открываю бутылку и делаю несколько неторопливых глотков. Мне не очень нравится привкус воды: какой-то горьковатый.

Прохожие бросают на меня странные взгляды, словно принимают за туристку. Я не скрываю отвращения. По моему лицу сразу можно понять, что лучше не пытаться со мной заговорить. Если кто-то вздумает докучать вопросами, я этого не переживу.

Быстрым шагом возвращаюсь в машину, оставляя ненавистный внешний мир за тонкими стёклами. Какое-то время молча сижу, собираясь с мыслями. Когда из продуктового магазина выходит смутно знакомый человек, на автомате завожу двигатель и уезжаю. Не хватает ещё пересекаться со школьными учителями. Вот тогда начнётся настоящее мучение!

Миную центр и оказываюсь в знакомом районе быстрее, чем хотелось бы. В юности блуждала по этим улицам столько раз, что до сих пор помню их наизусть с закрытыми глазами. Как и его дом: типичное многоквартирное здание, живёт... жил на пятом этаже. Балкон с видом на детскую площадку, где сломаны все качели. Во всяком случае, так было раньше. Сейчас, возможно, восстановили.

Тяжёлая энергетика улицы сбивает меня с толку. Паркуюсь на обочине под окнами нужного дома. С каменным лицом выхожу на свежий воздух. По ощущениям неприятно. Ловлю себя на мысли, что, возможно, Герман никогда не был по-настоящему счастлив. Прожить столько лет с родителями, не имея собственного угла... Неужели не было возможности съехать?

Нехотя поднимаюсь по обшарпанным ступеням. Зависаю на домофоне. Долго смотрю на цифры, обозначающие номер квартиры. Прекрасно помню, но нет сил вот так объяснить кто я и зачем пришла. Вдруг не помнят меня. На всякий случай дёргаю дверь, и она поддаётся. С тёмного подъезда веет сыростью.

Смутно обращаю внимание, как потеряно поднимаюсь по лестнице на пятый этаж. Один лестничный проход сменяет другой. Дыхание даже не сбивается, поскольку за годы учёбы, стажировки и работы я набегалась на всю жизнь вперёд и запросто могу подняться хоть на пятнадцатый этаж, даже глазом не моргнув.

Со всех сторон на меня глядят облезлые болотно-зелёные стены. Кое-где встречаются нецензурные граффити. Под ногами слои вековой пыли. С маленьких окошек поступает уличный свет. Каждый раз смотрю на обрывок серого неба через стёкла в разводах. Слышу, как внизу открывается дверь, и кто-то громко топает на второй этаж. Потом скрип двери, и всё затихает.

Наконец, ступаю на площадку, где на стене чёрной краской выведена огромная цифра пять. А вот и нужная дверь с номером восемьдесят два. Золотистая краска практически слезла с цифр. На стальной двери местами заметны небольшие вмятины.

Нажимаю на дверной звонок и ненароком вздрагиваю от знакомого сигнала. Я звонила в него очень много раз, но никогда не чувствовала такого желания сбежать, пока не поздно. В последний момент натягиваю на себя невозмутимость, когда слышу тихие шаркающие шаги на той стороне и щелчок замка.

Первыми, что я вижу, были опухшие от слёз глаза матери Германа. Краснота

практически полностью вытесняет белый оттенок склер. А выраженные мешки под ними выдают бессонные ночи. Я не видела её уже много лет, но точно помню, что она всегда выглядела моложе своего возраста, даже несмотря на финансовые трудности и частые конфликты с мужем. Сейчас всё это кажется таким несущественным, когда на их плечи рухнула такая трагедия. Которая будто в одночасье нагнала внешности утерянные годы и добавила сверху. Даже в волосах заметно много седины.

— Здравствуйте, Елизавета Аркадьевна! — тараторю я сбивчивым голосом, как только понимаю, что неприлично долго молчу. — Я... э-э-э...

— Лера... — по-простому, без неловких формальностей, вспоминает она. — Подруга Германа.

— Да, со времён школы... — на всякий случай добавляю я и произношу необходимые слова. Они даются тяжело, но так надо: обязывает этикет. — Примите мои соболезнования! Я приехала, как только смогла... не знаю зачем. Просто не могла не приехать!

К неожиданности для меня, она вдруг заливается слезами и порывисто меня обнимает. Я застываю, как вкопанная, не решаясь как-то отреагировать. Чувствую, как через меня льётся фонтан боли, который вырывается с каждой слезой и каждым стоном. Теперь я больше не думаю о нормах приличия: мне искренне жаль Елизавету Аркадьевну. Руки невольно ложатся ей на спину, отвечая на объятье. Так мы стоим ещё бесконечные пару минут.

Потом она отстраняется, вытирает слёзы носовым платком. Волосы, заплетённые наскоро в длинную косу, выглядят неопрятно. На ней домашний халат и меховые тапки.

— Прости, Лерочка, что так налетела! — оправдывается Елизавета Аркадьевна, стыдясь своего поведения. — Проходи-проходи, пожалуйста! У нас тут стол небольшой. Так, посидеть-повспоминать... Попрощаться с моим мальчиком.

Она старается сдержаться, но предательские слёзы душат. Я её не виню. Хочу сказать, что всё в порядке, но ком в горле не даёт. Поэтому молчу, но она, кажется, не замечает этого.

Аккуратно снимаю обувь и иду в комнату за Елизаветой Аркадьевной. Это самое большое помещение в квартире, где она спит с мужем. Но сейчас её преобразовали для посиделок. Широкий складной диван собран. В центре стоит длинный стол. Еды и правда немного: замечаю холодец, пару каких-то салатов, остывшая картошка, нарезанные ломти хлеба, а также стопки и полупустую бутылку водки. К еде почти не притронулись. Аппетит, вероятно, плохой. Зато под столом виднеется уже пустая вторая бутылка. Винить не могу: каждый справляется с горем по-своему.

Меня немного радует, что они могут хоть как-то проводить душу Германа. Пусть даже так, по-простому. Возможно, это поможет ему найти хоть какой-то покой. Я не могу злиться за этот выбор. Не имею право. Зато имеют они: его близкие люди. Мне больно видеть заплаканную Елизавету Аркадьевну и потерянного Сергея Андреевича, отца Германа. Он сидит, сторбившись над столом, и глядит на пустую стопку. Небрежно вертит её по кругу. Мыслями явно далеко. Не замечает моего появления.

Меня усаживают на диван, с краю. Впрочем, способных мест полно. Здесь только его родители, дедушка, две бабушки и ещё одна женщина. Возможно, тётя, или кто-то вроде того. Я знаю только самых близких родственников. Нет друзей или коллег. Хотя никто из них не стал бы сидеть в этом кругу. Проводят по-своему, может, просто вспомнив словом. Надеюсь, хорошим. Или используют как повод выпить. В такое охотно верю.

Я неловко обмениваюсь со всеми дежурными любезностями, ещё раз выражаю сочувствие. Под вернувшуюся тишину неловко еложу на краю дивана, пока Елизавета Аркадьевна суетится, накладывая мне всего в чистую тарелку. Есть не хочу, но отказываться невежливо. Поэтому коротко благодарю и начинаю ковыряться вилкой, выковыривая кусочки картошки.

Под звон столового прибора родственники Германа разливают крепкий напиток. Предлагают и мне, но я отказываюсь, мол, за рулём. В последующие пол часа слушаю рассказы о Германе: забавные случаи из детства, как Елизавете Аркадьевне было непросто во время беременности. Она мечтала о девочке, и даже сильно расстроилась после родов. Плакала весь первый день. Но потом, говорит, ни разу не пожалела больше, что родила такого замечательного сыночка. Всю жизнь помогал, вытаскивал из долгов.

— Как мы теперь без него? — заливаясь слезами, вопрошает она.

Её мать, Клавдия Егоровна, утешает, а потом начинает рассказывать, как Герман починил стиральную машину буквально пару недель назад. Она расстраивалась тогда сильно. Машинка хоть и старенькая, но много лет прослужила. А новую не могла себе позволить: пенсия маленькая. А как же, на похороны нужно откладывать, а то не дело молодых хоронить! Ещё помогать детям. В частности, второй дочери, у которой тоже какие-то долги. Без Германа пропала бы.

По голосу слышу, что винит себя: не углядела. Всегда улыбался, когда в гости приходил. Хорошо ел, помогал по хозяйству. За покупками сам ходил и приносил пакеты. Всегда подарки на праздники дарил, хоть она и просила ничего не покупать: денег у самого не так много. Хотела, чтобы жизнь свою наладил. Нашёл девушку, женился. Советовала откладывать деньги. Но Герман не слушал. Да и не тратился сильно. В последние годы увлекался выжиганием по дереву. Красивые поделки дарил: рамки, шкатулки, кухонную утварь.

Хочу спросить, как именно всё случилось, но боюсь затрагивать щепетильную тему. До сих пор до конца не верю в произошедшее, словно речь идёт о двух разных людях. Вспоминаю о письмах. Нет ли там ответов?

Не в силах слушать очередную историю, отпрашиваюсь в туалет. Помню, где находится, но мне на всякий случай напоминают. На ватных ногах покидаю жильцов. Краем глаза замечаю комнату Германа. Дверь плотно закрыта, но так и манит заглянуть внутрь. Не знаю зачем. Видимо, хочу ещё раз погрузиться в его мир, как следует попрощаться. Сложно сделать это в кругу родственников, где мне так неловко. Не могу открыться по-настоящему.

Убеждаюсь, что никто не идёт, и тихонько пересекаю коридор. К счастью, дверь не заперта. Бесшумно проскальзываю внутрь. Нерешительно замираю на пороге. Чувствую спёртый воздух: помещение давно не проветривалось. Возможно, это лишь мои догадки, но рискую сделать предположение, что таким образом его родители невольно пытаются сохранить частичку сына. Как бы дико это ни звучало. Тёмно-синие, почти чёрные, шторы плотно задёрнуты; не пропускают уличный свет.

Даю глазам время привыкнуть к полумраку и подхожу к письменному столу, установленному прямо под окном. Нерешительно провожу пальцами по столешнице. Я помню этот стол и эту кровать, даже шкаф. Всё стоит на тех же местах. Герман ни разу не делал перестановку. Либо делал, но потом вернул мебель обратно.

Завершив беглую оценку обстановки, переключаюсь на личные вещи. Меня не покидает смутное ощущение дежавю. Я будто рассматриваю фото в старом альбоме: вижу, как многое

поменялось, но при этом будто осталось прежним. Теперь вместо учебников и принадлежностей для рисования на столе лежит совсем простенький пирограф. Красный трансформатор глянцевый: можно запросто рассмотреть собственное отражение, а шнур небрежно скручен, словно Герман в спешке выдернул и забыл убрать. С краю стопкой лежат деревянные заготовки, напоминающие холсты.

В юности Герман очень любил рисовать. В основном аниме героев. Похоже, с возрастом его увлечение не поменялось. Только сменил карандаши на электрический выжигатель, а бумагу на дерево.

Обращаю внимание на настольную лампу: совсем старенькую, выключатель уже перепаён. Щёлкаю выключателем и какое-то время наблюдаю, как бледно-белый кружок света разливается по поверхности стола, едва достаёт до стен. Раньше у кровати весел тёплый ковёр, плакаты с аниме и рок-звездами. Сейчас лишь голая стена с бежевыми обоями. Тоже старые, уголки у потолка понемногу отклеиваются.

С любопытством приближаюсь к книжному шкафу и рассматриваю полки. Нечаянно ударяюсь мизинцем о стоящий рядом комод.

Дьявол! Как же это больно!

Но сдерживаю вырывающуюся вместе с болью в ноге брань. Может, это душа Германа пытается прогнать меня из комнаты? Становится не по себе, и я прогоняю подобные мысли. Когда пульсация в ноге стихает, перевожу взгляд на книжные полки и невольно застываю.

Коллекция любимых книг занимает верхние две полки полностью. Много классики. Провожу кончиками пальцев по корешкам увесистых томов "Войны и Мира", "Тихого дона", "В поисках утраченного времени". Замечаю "Преступление и наказание" Достоевского и аккуратно вытаскиваю книгу.

Это далось непросто, поскольку книги стоят вплотную. Рассматриваю обложку, пролистываю пожелтевшие от времени страницы. Это была любимая книга Германа. Когда на уроке литературы мы проходили Достоевского, он лучше всех знал эту тему. Написал тогда самое лучшее сочинение. Получил высшую оценку, но одноклассники не оценили.

Случайно замечаю на корешке старую надпись, написанную чёрной ручкой: "Любимому сыночку от мамы и папы на День рождения! Оставайся всегда таким же светлым и счастливым! 8 июня 2007 года".

Глаза невольно слезятся, и я захопываю книгу. Возвращаю её на место. Безразлично скольжу взглядом по следующей полке, мимо книг Стивена Кинга, на последнюю, с личными вещами. Смотрю на фотографии в деревянных рамках, украшенных выжженными узорами. На первой Герман совсем маленький с родителями: большие зелёные глаза горят красным из-за вспышки фотоаппарата. Зато как улыбается! Сразу видно, счастливый и беззаботный. Как и большинство детей в его возрасте. На следующей фотографии узнаю себя лет в пятнадцать. Даже помню этот момент: мы делали домашнее задание на кровати, когда пришла Елизавета Аркадьевна и неожиданно сняла нас на цифровой фотик. На моём лице навеки застыло замешательство. Зато Герман улыбается во все тридцать два зуба. На этой фотографии он такой же счастливый, как на детских снимках.

Забавные лица вызывают у меня лёгкую улыбку. Помню, после того, как фото было сделано, Елизавета Аркадьевна пригласила нас пить чай.

И тут мой взгляд падает на третью рамку. Это выпускной, где мы с Германом стоим нарядные, с красивыми атласными ленточками. На мне нежное розовое платье в пол, волосы красиво уложены, такой же нежный макияж. Герман в чёрном костюме. Не новый, конечно.

В тот период с деньгами оставалось плохо. Покупал с рук за полцены. Никто не заметил. Мне тоже не говорил, но я догадливая. Правда, молчала об этом.

На этой фотографии я улыбаюсь, словно предвкушаю долгожданный момент поступления и начала новой жизни. А Герман немного печальный. Вполне понимаю: он тогда уже знал, что останется в Мортиморе. Но не рассказывал об этом до последнего. Я узнала позднее.

Неприятный осадок напоминает о себе где-то внутри. Видя всё это, я понимаю, что нахожусь в комнате человека, застрявшего в прошлом. На рамках нет пыли: либо так тщательно убирал, либо часто рассматривал фотографии. Но мне так и не удалось узнать что-то о человеке, которому было практически тридцать лет. Ничего не характеризует его как личность. Только пирогграф. Знаю, что у него было хобби. И всё.

Не оборачиваясь, чувствую, как на кровати сидит его дух. Или воспоминание, так будет точнее. Он смотрит на меня с осуждением.

Конечно, тебе не понравилось бы, что я вот так тут шарю, ищу что-то! Но я хочу знать почему... Не могу отделаться от чувства вины, словно я во всём виновата. Сделала что-то не так, теперь вот стою и бешусь здесь, пока его родственники горюют за стеной.

Устало провожу руками по голове, зарываюсь пальцами в волосы. Как же это глупо! Обвожу комнату взглядом. В последний раз. Прощаюсь с ним как могу. Но от этого не легче.

Замечаю, что в столе наполовину открыт верхний ящик. Оттуда виднеется корешок блокнота или записной книжки. Борюсь с любопытством лишь минуту и принимаю решение пролистать. Вдруг записывал важные события или переживания. Теперь ему всё равно, если кто-то прочитает.

Догадка подтверждается: это оказался дневник. При виде знакомого почерка внутри что-то ёкает. Писал Герман всегда каллиграфически: читать сплошное удовольствие. Без труда могла прочитать все письма, как и записи в школьном дневнике. Листаю до последней страницы. Запись оставлена неделю назад. Сердце бьётся в бешеном ритме и едва не заглушает приближающиеся шаги из прихожей.

В последний момент я успеваю кинуть дневник в ящик, когда распахивается дверь. Елизавета Аркадьевна удивлённо застывает на пороге.

— Лера, тебя долго не было... — она осеклась. Глаза с подозрением бегают по моему лицу. Я чувствую, как ревностно она охраняет эту комнату и сдерживает желание прогнать меня взащей.

Я быстро выдумываю оправдание, словно находиться здесь без разрешения является преступлением:

— Простите, я увидела его комнату и не смогла удержаться. Не хотела врываться вот так...

Мне неловко и стыдно, как будто я стою перед ней лет пятнадцать назад. Но мы с Германом никогда не давали родителям повод злиться. Насколько я помню. И всё же такая стремительная реакция застаёт меня врасплох. От опустошённых горем глаз исходит невысказанный упрёк.

Какое-то время мы молча смотрим друг на друга: я, застывшая посреди комнаты Германа, и Елизавета Аркадьевна, нависающая надо мной с порога. Чувствую, что мне пора уходить, и она явно намекает на это. Но что-то не даёт уйти, не задав очень важный вопрос.

— Елизавета Аркадьевна, заранее прошу прощения за каверзный вопрос, но это мучает меня третий день! — я делаю тяжёлую паузу прежде, чем продолжить. По моему тону она

сразу понимает, что последует дальше. — Что случилось с Германом?

Она облокачивается на дверной косяк и скрещивает руки на груди: иссохшие, на них заметны выступающие синие дорожки вен. Хмурится, из-за чего на лице появляются новые морщины. Тем не менее, глаза остаются сухими, и в голосе не присутствует дрожь.

— В каком смысле что случилось? — вопрошает женщина. — Он ушёл навсегда. Моего мальчика больше нет.

Вижу, что она явно не настроена обсуждать эту тему, но не могу теперь сдаться без боя. Пусть это бестактно и жестоко, но больше некого спросить. Сегодня день поминания для Германа. Пусть завтра делают вид, что не случилась по-настоящему ужасающая трагедия. Люди просто так не сводят счёты. Я верю, что в семье его любили, так что им нечего стыдиться и бояться.

— Вы знаете о чём я говорю! — подмечаю мягким, но решительным тоном. — Я понимаю, что это очень тяжело, и не стану настаивать. Но поймите, что он тоже был дорог мне. Хочу надеяться, что заслуживаю правду.

Елизавета Аркадьевна бросает странный взгляд на книжную полку, где стоят его фотографии... наши фотографии. Лицо сына, улыбающееся ей с другого конца комнаты, смывает решимость и раздражение. Я вновь вижу страдающую измученную женщину, которая открыла мне дверь час назад. Которая долгие минуты обнимала меня, сломленная горем.

— Ты ведь знаешь, что он испытывал к тебе сильные чувства ещё со времён школы? — вдруг огорошивает меня Елизавета Аркадьевна неожиданным вопросом. — Думаю, ты оставалась дорога ему всё это время. Но не вспоминала о нём до его смерти. — заметив мою реакцию, она добавляет. — Лерочка, не бери в голову, у тебя своя жизнь, у него была своя. И ты не должна считать себя чем-то обязанной. Это только наше горе, с которым мы будем справляться сами. Хочешь знать, что случилось? Его обнаружили в лесу на дереве. Он пров*сел там всю ночь... Пока мы тут с ума сходили. Ни записки, ни предупреждения... Просто ушёл и не вернулся!

Последние слова дались с надрывом из-за приступа слёз. Она отшатывается назад и закрывает лицо рукой, чтобы хоть как-то сдержать эмоции.

Я чувствую себя паршиво из-за этого. Мучаю несчастную женщину вопросами о событии, подробности которого она, скорее всего, хотела бы навсегда забыть. Довожу до слёз своей жестокостью. Хочу извиниться, но понимаю, что легче от этого не будет. И лучшим решением остаётся уйти, оставить Мартыновых в покое.

— Спасибо, что поделились! — всё же пытаюсь сгладить углы. — Простите... Мне не понять, как Вам тяжело. Зря завела эту тему. И в комнату не стоило заходить. Спасибо Вам за всё! Думаю, мне пора!

Она лихорадочно кивает и с трудом проговаривает сквозь слёзы:

— Спасибо, что зашла, Лерочка! Герману было бы приятно.

То, что она сказала о Германе, вызывает во мне смешанные чувства. Мне кажется, будто он действительно здесь, рядом. Какая-то часть него. Наблюдает за нашим разговором. И всё то время, пока я обуваюсь, мои мысли лишь о нём. Елизавета Аркадьевна провожает меня до самой двери и хлопывает дверь перед моим носом.

Я вновь оказываюсь в прохладном подъезде. Даже не успела попрощаться со всеми. Впрочем, им явно не до меня.

Потерянно спускаюсь по лестнице и выхожу на улицу. Здесь вроде теплее, но меня

пробирает нервная дрожь. Не могу выкинуть из головы слова Елизаветы Аркадьевны. Значит, молча ушёл... Вновь думаю о его дневнике. Наверняка Елизавета Аркадьевна его не читала. Вряд ли нашлись силы на это. Ещё мало времени прошло. Может, со временем решится разобрать его вещи. В дневнике могут быть ответы.

Задумчиво семеню к машине. Почему меня так волнуют причины? Мы не общались много лет, и я действительно не обязана копаться в этом дерьме. Могло произойти что угодно: неизлечимая болезнь, глубокая депрессия, расстройство личности, связь с криминалом... Что угодно могло толкнуть его на этот шаг. Только почему-то не верится, что это был осознанный выбор. Но кому могло понадобиться избавляться от него? Мог ли он случайно стать свидетелем того, что не должен был видеть?

Я прокручиваю в голове разные теории, пока еду домой. Ни одна из них не кажется мне в полной мере правдивой. Явно что-то упускаю. Но, подъезжая к Тиморской улице, стараюсь выкинуть из головы мысли о Германе. Я сделала всё, что планировала. Навестила его семью, попрощалась с ним. Пора отпустить и спокойно провести время с родителями, показать Алисе Мортимор: все его положительные стороны.

Этой ночью не могу уснуть. Мы с Алисой спим на одной кровати. Пока она уже мирно посапывает, я безнадежно мечусь с одного бока на другой. Даже её тепло не помогает прогнать тревогу, которая длинными когтями скребёт душу.

У стены виднеются очертания наших вещей и коробки с письмами. Меня одолевает желание их разобрать, но не сейчас. В первую ночь на новом месте и так сложно спать, а я хочу, чтобы Алиса выспалась и максимально насладились этой поездкой. Хоть кто-то из нас двоих должен.

Какое-то время смотрю на расслабленное лицо дочери, подсвеченное слабым лунным светом. Аккуратно, чтобы не разбудить, убираю шелковистую прядь волос со лба. Затем переворачиваюсь на спину. Вновь думаю.

Если так дело пойдёт и дальше, я всю неделю буду терзаться в теориях и переживаниях. Из этого ничего хорошего не выйдет. Конечно, с отъездом всё может измениться. Я вновь вернусь в свой прежний мир и перестану так много думать о Германе. Здесь многое напоминает о нём, почти всё. Плюс любопытство. Или издержки профессии. А вдруг не перестану думать и вспоминать?

Дьявол! Это невыносимо! Утыкаюсь носом в подушку, чтобы сдержать раздражённый стон. Ладно, если другими способами ответы не получить, есть ещё один вариант. Конечно, я могу просмотреть письма, но на это уйдёт много времени, и далеко не факт, что смогу что-то откопать. Ими я обязательно займусь, но есть одна идея... Возможно, провальная. Почти невыполнимая. Но я ведь знаю свой город...

Наконец, принимаю решение, и на душе становится на удивление легче. Я решаю выяснить всё сама и намерена завтра заехать в городской морг. Побеседую с патологоанатомом и постараюсь выяснить подробности всеми возможными способами. А идей у меня хватает.

За окном шумит протяжный ливень.

4. Морг

В предутренний час тени начинают двигаться по комнате. Мне удаётся поспать не больше четырёх часов, но я не чувствую усталость. Наоборот, меня переполняет желание действовать. Но я остаюсь лежать ещё какое-то время, составляя в голове план действий.

Примерно через полтора часа просыпается Алиса. Я люблю, как она сладко зевает и потягивается. Лениво разлепляет веки, мысленно уговаривая себя поспать подольше. В полутёмной комнате серые глаза кажутся темнее, почти карими. Я ласково улыбаюсь, когда она поднимает на меня сонные глазки.

— Доброе утро, соня! — почти шёпотом говорю я. — Хорошо спала ночью?

— Да-а... — лениво протягивает Алиса, и её ответ плавно перетекает в очередной зевок.

Я знаю, что она останется такой не дольше десяти минут. Потом словно получит заряд энергии и вскочит с кровати быстрее меня. Слышу возню на кухне. Значит, все уже проснулись. Нет смысла валяться без дела. Откидываю одеяло и спускаю ступни на мягкий ковёр. Сладко потягиваюсь каждой мышцей.

— Хочешь в туалет? — поворачиваюсь к дочке. — Иди первая.

— Хорошо.

Она перелезает к краю кровати и неспешно плетётся за дверь. Я же подхожу к коробке и переставляю её на стол. Внутри больше нескольких дюжин писем. Беру охапку и бегло просматриваю даты отправки на конвертах. Многие вскрыты, но есть не распечатанные. В любом случае это мне ничего не даёт. Я плохо помню содержание прочитанных писем.

Со вздохом кладу их обратно, признавая бессмысленность затеи. Выхватываю первое попавшееся и достаю из конверта письмо. Пробегаюсь по нему глазами:

«Мое мнение о путешествиях кратко: путешествуя, не заезжай слишком далеко, а не то увидишь такое, что потом и забыть будет невозможно» (Даниил Хармс).

Вот и я считаю, что дома всегда лучше, спокойнее, привычнее. Рад, что тебе приглянулся солнечный Таганрог. Не стану напрашиваться, но приглашай в гости, как освоишься. Буду рад на время сменить обстановку. А то работа отнимает много времени и сил.

Видел вчера твою маму на рынке. Она меня не заметила, но решил поздороваться. Сказала, ты очень волновалась в первый день. Не переживай, Лера, ты умная и находчивая. Всё у тебя будет хорошо. Будь у меня хотя бы половина твоих амбиций, я мог бы делать намного больше. Но ничего, пропущу год, а летом постараюсь поступить куда-нибудь поближе. Буду совмещать с работой, а потом поищу место попримичнее.

Надеюсь и тебя видеть в Мортиморе почаще. Хотя бы на праздники. Ещё лучше — и на выходные. Грибной сезон начался. Нашёл одно интересное место в лесу. Покажу как-нибудь. Если Таганрог тебя не изменит. Слышал, там всё по-другому. К хорошему люди быстро привыкают.

Завтра опять собираюсь в лес, если не сильно устану с работы. Ты всегда говорила, что там по-особенному спокойно. Соглашусь, но без тебя уже не то. Одиноко, что ли. Рассказывай о своих планах, и как проходят дни. Уверен, каждый день происходит что-то новое. Буду ждать ответное письмо.

С любовью, Герман».

Две тысячи тринадцатый год, сентябрь. Мой первый семестр в Университете. Герман всегда вместо приветствия в письмах использовал цитаты любимых классиков. Это была его особенность. Я помню это письмо и момент, когда обнаружила его в почтовом ящике. Прошла первая неделя учёбы. Я понемногу привыкала к смене обстановки, но до сих пор было страшно, сложно и одиноко. Как и ему здесь без меня. В тот день это письмо стало для меня долгожданным глотком свежего воздуха. Он обещал писать, но я сомневалась, что будет. Но всё же дождалась. Проплакала тогда весь вечер, потому что было плохо без Германа. В слезах излила и накопившийся за последнее время негатив. А потом стало легче. И следующие недели проходили намного лучше. Я знала, что мне придёт очередное письмо, и затем охотно отвечала. Первое время.

Теперь же я улавливаю совершенно другой смысл. То, что раньше не замечала: как ему плохо. Никогда не спрашивала его об этом, только изливала свои проблемы. Но нам было по семнадцать. Для него всё должно было наладиться.

В этот момент в комнату влетает Алиса и радостно подбегает ко мне.

— Мама, где моя щётка? — нетерпеливо спрашивает она. — Пойдём уже умываться!

Что ж, жизнь зовёт! Возвращаю письмо в коробку и оставляю на столе. Алиса вряд ли проявит к ним интерес, да и почерк не разберёт. Мама не имеет привычки лазить по моим вещам. Займусь письмами позже.

Алиса виснет на моей шее. Светлые волосы щекочут моё лицо.

— Ладно-ладно, идём!

Я достаю из сумки две зубные щётки. Вместе идём умываться. Затем помогаем маме на кухне. Она делает омлет с грибами и зелёным луком. Невольно вспоминаю о грибном сезоне, и как мы с Германом ходили в лес. Он рядом с городом: рукой подать. Далеко не заходили, но летом и в начале осени проводили там очень много времени.

По телу разливается тоска, но я тут же её подавляю. Пока нарезаю салат из свежих огурцов и помидор, Алиса достаёт тарелки и вилки. Папа в комнате смотрит телевизор. До нас долетают обрывки какой-то передачи. Под столом лежит Леди. Предлагаю ей кусочек огурца, но она, естественно, не проявляет к нему интерес.

— Какие планы на сегодня? — интересуется мама, пока суетится у плиты.

Вот-вот закипит старенький чайник. Ароматный пар от сковороды поднимается к вытяжке.

— Мам, пойдём сегодня в кино? — воодушевлённо спрашивает Алиса. — Ты обещала, помнишь?

Я виновато пожимаю плечами. Обещала, конечно, но планы менять не хочу.

— Прости, родная, у меня есть на сегодня дела! — с сожалением признаюсь я. — Давай подождём до завтра? Обещаю провести вместе весь день. Сходим в кино, погуляем по площади. А ещё свожу тебя в своё любимое кафе, где сможешь выбрать всё что захочешь!

Алиса, которая уже начинала дуться, вдруг светлеет и утвердительно кивает. Я радуюсь, что удалось найти компромисс.

— А что у тебя за дела такие? — удивляется мама. — Только вчера приехала.

— Да так... с подружкой планирую пересечься. Давно собирались.

Об истинных планах говорить не хочу. Она не поймёт. Да и начнёт только охать, да переживать понапрасну. Как будто я собираюсь ограбить банк. Да, получать медицинские сведения о чужих людях недопустимо, но я и не планирую проникать в морг незаконным путём.

А мама будто забыла о существовании Германа. С одной стороны, это правильно. Не родственник же. Да и не стоит говорить о покойниках при Алисе. Она хоть и маленькая, но уже многое понимает. Восемь лет, а не три! Вот и я решаю оставить свои планы в тайне. Это лично моё дело, с которым я планирую разобраться уже сегодня. А завтра позволю себе отдохнуть.

За завтраком съедаю всё до последней крошки. К моему удивлению, Алиса не отстаёт: розовые щёки в постоянном движении. Ещё и пытается что-то говорить с набитым ртом. Мама и папа каждый раз предупреждают, что сперва нужно прожевать. Но ей хоть бы что: старательно прожёвывает, повторяет то, что хотела донести, а затем вновь орудует вилкой, и ситуация повторяется.

Затем помогаю маме убрать со стола. Принимаю решение помыть посуду сама, хоть и пора уже собираться. Мама выглядит немного хмурой, словно догадывается, что я немного лукавила. Но ни она, ни я не поднимаем эту тему. Так будет лучше.

Наконец, с облегчением выключаю воду и тянусь к полотенцу. Замечаю на посудомоечной машине пластиковый флакон с таблетками без этикетки. Удивлённо верчу его в руках, но не обнаруживаю никакой маркировки.

— Что это? — поворачиваюсь к маме с находкой в руке.

Она тут же выхватывает флакон и поспешно прячет на верхнюю полку гарнитура. На ходу поясняет:

— Лекарство от тревожности! Принимаю иногда, давление скачет.

— А почему нет этикетки?

— Зачем она мне? — отмахивается мама. — Получила по рецепту в больничной аптеке. Там сразу нужную дозировку отсыпали.

— А название помнишь? — с сомнением уточняю я.

— Ммм? Не думаю. Тебе-то зачем знать?

Я лишь пожимаю плечами. Наверное, и правда зря завожусь.

— Вот и правильно, оставь свои журналистские замашки хотя бы здесь!

Сказано-сделано. Принимаю бодрящий душ и привожу себя в порядок. Перерыла всю сумку прежде, чем нахожу что-нибудь подходящее. Разве есть подходящая одежда для морга? В любом случае хочу чувствовать себя максимально комфортно. В моей практике хватает разных экспериментов, но подобное происходит впервые.

Пока в привычной манере подкрашиваю глаза, волосы успевают высохнуть. Тщательно их расчёсываю и оставляю распущенными. Чаще предпочитаю завязывать хвост. Меньше лезут в глаза, и ветер не превращает в мочалку. Но сегодня другое настроение.

На прощание целую Алису в макушку, желаю всем хорошо провести время. Не забываю взять с дочери слово рассказать потом все детали в подробностях. Она довольно кивает. Я улыбаюсь. Знаю, что она это любит.

Когда выхожу во двор, в лицо ударяет непривычно морозный для сентябрьского утра ветер. С идеально уложенными блестящими волосами можно сразу попрощаться. Раздражённо достаю из кармана пальто резинку, которую по личному опыту всегда таскаю с собой, и небрежными движениями завязываю привычный хвост.

М-да, утро сразу не задалось!

Это подталкивает меня заехать в ближайшую кофейню за порцией эспрессо без сахара. Знаю, где можно взять на вынос. Нет желания пить в заведении, хоть и знаю, что в такой час посреди рабочей недели можно спокойно наслаждаться одиночеством за любым столиком.

Может, в другой раз.

Уже через пол часа я выхожу из милой кофейни с огненным названием "Феникс" с горячим стаканчиком свежего кофе в руке. На ходу делаю несколько глотков и быстро согреваюсь. Жар распространяется от горла по всему телу. Даже холодным красноватым пальцам становится теплее.

Плюхаюсь на водительское кресло и ставлю свой эспрессо в подстаканник. Итак, теперь мне нужно в центр. Часто патолого-анатомические отделения находятся в подвальных помещениях районных больниц. Бывают и специально оборудованные отдельные здания. Попасть в морг через больницу сложнее: необходимо преодолеть ряд препятствий. Да и сильно повезёт, если не попадусь никому. А уж о том, чтобы попытаться договориться с персоналом, и речи быть не может: руководство в прямом смысле над головой.

В моём случае будет проще. Мортиморский морг оборудован в отдельном здании на территории центральной больницы. Всего один в городе. При необходимости там проводят и судебно-медицинские экспертизы, и устанавливают причины смерти без насильственного характера. И хранят тела до момента погребения. Там же рядом и взрослая поликлиника. Все эти здания составляют единый комплекс. Это значительно упрощает задачу.

Выпиваю где-то половину кофе перед тем, как поехать. Утренний туман укутывает газоны и фундамент домов. Крыши и дороги мокрые после ночного ливня. Хмурое небо глядит на меня со своих высот, словно осуждает. И, как бы в подтверждение этому, спускает на Мортимор очередную порцию воды. Пока дождь только краплет. Вскоре придется включать дворники, которые оставляют на стекле изогнутые разводы.

Доезжаю до центра без происшествий. Паркуюсь дальше от территории больницы. Придётся сперва перейти дорогу и пройти по тротуару. Жалею, что не взяла зонт. Недовольно гляжу на серость улиц, как бы в поисках объяснений. Надеюсь, что завтра погода не подведёт. Не хочется опять переносить планы с Алисой.

Спокойно допиваю кофе, наблюдая за синхронной работой дворников на стекле. Дождь постепенно набирает силу, и я понимаю, что дальше ждать нет смысла. Осенние дожди в Мортиморе обычно длятся долго и нудно: то затихают, то вновь льют как в последний раз. Не зря практически на каждой улице установлены специальные стоки для воды, иначе весь город мог бы превратиться в реку. Почва и так постоянно разбухает от количества дождевой воды. Именно поэтому многие жители редко выращивают что-то у себя в огороде на территории, где живут. Предпочитают покупать дачи за городом. Там так называемая аномальная зона обрывается. Возможно, и сейчас дождь льёт только здесь.

Закидываю на плечо сумку и со вздохом покидаю машину. Сапоги из натуральной кожи легко перенесут подобную погоду, чего нельзя сказать о пальто: ни капюшона, ни надёжного воротника. Плотнее запахиваю струящийся шарф и края верхней одежды, и быстрым шагом перехожу через дорогу. Меня провожают только фары запоздалой машины. Она пронесётся по асфальту, едва не окатив меня из лужи.

Чтоб тебе шины проколело, урод!

Продолжаю недовольно ворчать ругательства, пока пересекаю тротуар вдоль чёрного металлического заборчика, обозначающего территорию больницы. Волосы успели намокнуть. Хорошо, что макияж не потечёт: специально взяла с собой водостойкую тушь, как чувствовала.

По пути встречаются одиночные прохожие, лица которых скрыты за плотными зонтами. Красными, фиолетовыми: хоть где-то в Мортиморе попадаются яркие цвета, разбавляющие

вьевшуюся серость.

Нужное здание нахожу без труда. Оно значительно меньше больницы: облезлая кирпичная кладка, старая металлическая дверь. На ней замечаю потёртую табличку с надписью: "Приём тел".

Полагаю, здесь и есть нужный мне вход. Нет желания обходить здание по кругу. Вдруг кто заметит в окнах больницы. Будут задавать вопросы. Помню же, что в Мортиморе даже чихнуть нигде нельзя: сразу узнают и растрезвонят. А тут, к тому же, новое лицо. Сомневаюсь, что меня ещё помнят. Хрупкая, светловолосая, семнадцатилетняя девушка с детским лицом давно осталась в прошлом.

Когда я берусь за холодную ручку и открываю тяжело поддающуюся дверь, меня охватывает странное чувство. Никогда ещё не доводилось посещать подобные здания. От одной только мысли, что за стеной находятся трупы, меня передёргивает от отвращения.

Я вхожу в вестибюль, мокрая от дождя и побледневшая от страха. С волос на пол капает вода. Пахнет вполне терпимо, но что-то не так. Сердце барабанит, отдаваясь в ушах глухим стуком. Мой самый первый опыт посещения места окончательной регистрации граждан оставляет желать лучшего.

Сжимаю зубы и двигаюсь вперёд в поисках регистратуры. Или чего-то вроде того. По пути придумываю план. Обстановка напоминает хоррор игры: всё старое, облезлое и жуткое. Пол и стены из кафеля, как в больницах. Температура не намного выше, чем на улице. Либо меня просто морозит от страха.

К счастью, регистратуру нахожу практически сразу. Это смежные помещения. Но облегчение быстро тает на фоне осознания, что сейчас мне предстоит убедительно врать. На меня льётся белый свет из встроенного в потолок освещения. Из-за него руки выглядят ещё бледнее. Вероятно, цветом кожи я никак не отличаюсь от здешних пациентов.

Пациентов... Дьявол, постарайся меньше о них думать, Лера!

Молча соглашаюсь с собой, ведь разбивать голову о кафельный пол и пачкать его кровью особо не хочется. Здесь и так хватает такого добра. Но состояние недалеко от обморочного.

Прежде, чем подойти к стойке регистрации, глубоко вздыхаю и привожу мысли в порядок. Из персонала застаю только медицинского регистратора: тучную даму пенсионного возраста с зализанными в тугой пучок волосами.

Заметив меня, она поднимает удивлённый взгляд, словно никак не ожидала моего появления. Я плохо вижу её глаза, спрятанные за линзами очков, поскольку в них отражаются квадратные люстры. Но стараюсь выглядеть так, словно всё в порядке, и я на своём месте. Хотя по моему виду такое вряд ли скажешь.

— Добрый день, я могу чем-то помочь? — спрашивает она низким прокуренным голосом.

Я коротко киваю прежде, чем ответить. В моей голове поначалу был другой план: прикинуться студенткой медиком, которая пишет курсовую работу на тему медицинской патологии. Пришла якобы для сбора статистических данных. Но в последний момент решила отказаться от этой идеи. Слишком высока вероятность облажаться. Я не знаю медицинских терминов, да и практически ничего из того, что должен знать студент медицинского университета или колледжа. Плюс нет студенческого билета, без которого и так никто не поверит в мою легенду.

Поэтому решаю сыграть роль родственницы Германа. Якобы появились вопросы к

заведующему отделением. Тоже может не прокатить: наверняка спросят данные, захотят проверить личность. Но я хорошо знаю Германа половину его жизни. Как-нибудь выкручусь. Да и какое им, собственно, дело? Лишь бы поскорее отделаться. А я буду упрямой и противной. Всё равно придётся позволить поговорить с заведующим, чтобы ушла. На худой конец буду ломать комедию со слезами и скорбью.

Придерживаясь плана, я здороваюсь с медсестрой за стойкой регистрации и стараюсь, чтобы голос звучал отстранённо и печально. Стараться особенно не приходится: я без усилий выгляжу так, словно у меня кто-то умер.

— Здравствуйте, я бы хотела поговорить с заведующим отделением! — сообщаю я максимально невинным голосом. — Буду очень благодарна, если подскажете, где его найти.

Медсестра удивлённо откидывается на спинку мягкого кресла. За толстыми линзами очков на мгновение блеснули глаза.

— А по какому вопросу, дорогая? — уточняет она. — Может, я могу помочь?

Её вальяжный тон очень раздражает, но я успешно скрываю это за маской печали и отпечатка скорби. По моему мнению, выглядит убедительно.

— Возможно, Вы помните поступившего три дня назад Германа Мартынова. — с лёгкой заминкой предполагаю я. Язык не поворачивается назвать его "покойным" или более тривиально "телом". — У меня возникли кое-какие вопросы по результатам вскрытия.

Она не может скрыть лёгкий смешок: конечно, помнит. Не удивлюсь, если об этой трагедии буквально знает весь город. Все обмусолили эту тему вдоль и поперёк. Вскоре забудут, но всё равно как-то неприятно, что о Германе сплетничают совершенно чужие люди. Они ведь даже не знают, что на самом деле произошло.

— А кем Вы ему приходитеесь? — интересуется медсестра. — Мы имеем право излагать информацию только близким родственникам, официальным представителям или по заверенной доверенности.

— Я знаю. Я его сестра! — знаю, что потребует паспорт. Главное, заговорить зубы, чтобы выдала нужную информацию. А дальше что-нибудь придумаю. Посмотрим, что представляет из себя заведующий патологоанатомическим отделением.

— Вся необходимая информация о медицинском заключении есть в свидетельстве о смерти! Оно уже было выдано родителям Вашего брата два дня назад.

Моё терпение понемногу лопається. Стараюсь сделать акцент на своей утрате, чтобы немного сбить её с толку. Выжимаю несуществующие слезинки. К счастью капли дождя создают нужный эффект. Даю понять, что эта тема для меня болезненна.

— Простите, но именно по свидетельству о смерти у меня и возникли вопросы! — надломленным голосом признаюсь я. Добавляю больше экспрессии. — Родителям этого достаточно, но я считаю, что произошла какая-то ошибка! Понимаете, я знаю своего брата и убеждена, что всё написанное в заключении — не про него. Он не мог... Просто не могу перестать об этом думать. Мне правда нужно поговорить с заведующим.

В какой-то момент теряюсь сама, где заканчивается игра, и начинаются настоящие чувства. Медсестра смотрит на меня сочувствующим взглядом, словно ей и правда не плевать на чужое горе.

— Ох, дорогуша, мне искренне жаль, но в заключении не может быть ошибки! — с наигранным сочувствием говорит она. — Если так угодно, можете поговорить с Евгением Сергеевичем, но лишь зря потратите время. Мы не имеем права разглашать медицинскую тайну и предоставлять иные медицинские документы, кроме свидетельства о смерти.

Максимум возможно получить выписку из протокола патологоанатомического вскрытия, но для этого придётся написать заявление на имя главврача, и дальше уже будет решаться вопрос.

На всё это требуется время, что меня не устраивает. Плюс я не имею права получать подобные сведения. Остаётся только настаивать на своём.

— Пусть он скажет об этом лично! — твёрдым тоном говорю я.

Мне приходится пережить продолжительную паузу, словно благосклонно дают возможность передумать. Не меняюсь в лице, добавляю лишь побольше разбитости. В итоге медсестра тяжело вздыхает и набирает нужный номер со стационарного телефона. Молча жду дальнейших указаний. Она связывается с заведующим и сообщает о моей ситуации, не вдаваясь в подробности. Пауза, во время которой говорит человек на другом конце провода. Я даже не нервничаю, так как у него нет причин для отказа. Разве что заставят ждать.

— Хорошо, Евгений Сергеевич, я передам!

Медсестра вешает трубку и поворачивается ко мне:

— Евгений Сергеевич ждёт Вас в своём кабинете. Это прямо по коридору, ближайшая дверь.

— Спасибо! — довольно сухо благодарю я и покидаю регистратуру под её пристальным взглядом.

5. Первая зацепка

На ватных ногах нахожу нужную дверь. Неуверенно стучу и слышу разрешение входить. Голос звучит довольно молодо. Возможно, это сыграет на руку, поскольку люди старшего поколения чаще бывают принципиальные до мозга костей. А я всё-таки намереваюсь просить о невозможном.

Неуверенно вхожу в небольшой кабинет. Стены здесь не такие обшарпанные, но мебель явно из далёких времён СССР. Жилистый мужчина средних лет, заведующий отделением, сидит за столом, сложив пальцы веером. Перед ним лежат какие-то отчёты. Очень много бумажной документации. Рядом темнеет стационарный телефон. За его спиной окно с поднятыми жалюзи. Замечаю, что дождь до сих пор барабанит по стеклу.

— Здравствуйте! — нарушает он тишину несколько слащавым голосом. — Ну-с, рассказывайте, что у Вас стряслось такого, что не смогли решить вопрос в регистратуре.

Невольно обращаю внимание, как пристально он скользит по мне оценивающим взглядом. Что-то в выражении его лица и манере говорить наталкивает на мысль, что у меня вполне получится договориться. Для начала решаю продолжить играть свою роль.

— Прошу прощения, что отвлекаю от работы, — неловко извиняюсь я, опустив взгляд на мокрые от дождевой воды сапоги. — Хочу узнать, имею ли я право, как ближайшая родственница, просмотреть некоторые медицинские документы погибшего?

Неровные брови выразительно ползут вверх. Теперь он тоже понимает, что может получить от этого разговора определённую выгоду. Или я ошибаюсь?

— Закройте, пожалуйста, дверь и присаживайтесь! — он указывает на свободный стул у письменного стола, намекая на конфиденциальность дальнейшего разговора.

Я молча подчиняюсь. Нарочито аккуратно прикрываю дверь. Сама даю возможность оценить меня со всех сторон. Что он, собственно, и делает. Буквально чувствую на себе пристальный взгляд, из-за которого невольно хочется намыться. Затем медленно опускаюсь на край стула и поднимаю на него печальные глаза с пушистыми ресницами.

— Теперь давайте поподробнее!

Евгений Сергеевич не стыдится обращаться ко мне в подслащенном подчинительном тоне. Я всецело подыгрываю. При этом незаметно скольжу взглядом по его рукам и замечаю след от кольца на безымянном пальце. Женат или разведён? След явно свежий. Скорей всего, первое. Снимает в рабочее время, чтобы не мешало. Или не хочет, чтобы я заметила?

— Дело в том, что причиной смерти моего брата обозначили не криминальный характер... — осторожно начинаю я. — Он поступил к вам три дня назад.

Мужчина утвердительно кивает. Его взгляд проясняется.

— Герман Мартынов, верно? — уточняет он. — Всё правильно, мех*ническая асфиксия вследствие сд*вления органов шеи.

Я делаю паузу и нервно прикусываю нижнюю губу, выражая несогласие. Слышать подобные слова для меня слишком. Воображение невольно рисует эту картину, но я знала на что иду.

— Верно... — бесцветным тоном соглашаюсь я. — Так если я сомневаюсь в достоверности заключения, имею право просмотреть выписку из протокола вскрытия?

— Вы сомневаетесь в нашей работе? — задаёт Евгений Сергеевич встречный вопрос. — Причина смерти указана в соответствии с протоколом и заключением медицинской

экспертизы. Были проведены соответствующие исследования. Тело... простите... Было тщательно осмотрено и изучено. Вскрытие проводилось должным образом. Для любой бумажной волокиты Вам будет достаточно справки. В чём ещё проблема?

— В том, что я знала своего брата! — сухо заявляю я. — Он не мог совершить этого сам.

Мужчина лишь разводит руками:

— Увы, всякое бывает! Даже самые близкие люди умеют удивлять.

Понимая, что разговор идёт в неправильном направлении, я как бы невзначай подаюсь вперёд, представляя его взору линию декольте. На мгновение закрываю лицо руками, как бы собираясь с мыслями. И обращаюсь к собеседнику, стараясь вложить в свои слова как можно больше мольбы.

— Поймите, это не даёт мне покоя! — сдавленно признаюсь я. — Не прошу нарушать правила, нет... Просто позвольте здесь, в стенах этого здания, просмотреть результаты экспертизы. Возможно, это поможет... Конечно, я не сомневаюсь в вашей работе! Просто хочу узнать больше деталей.

Он тяжело вздыхает, старательно избегая смотреть ниже уровня моих глаз.

— Если в этом есть такая необходимость, напишите заявление. Получите выписку законным путём. Я не могу просто взять и предоставить Вам медицинскую документацию. Это будет нарушением врачебной тайны. При жизни покойный не подписывал никаких соглашений. Ближайшие родственники имеют право получить только свидетельство о смерти.

— Для этого нужно время! — сокрушённо подмечаю я. — А если не получится, придётся обращаться в прокуратуру и опять же терять время. Есть ли вариант ускорить этот процесс? Мне не нужны никакие выписки и копии. Я просто хочу просмотреть протокол прямо здесь и уйти, не доставляя Вам больше проблем. Об этом никто не узнает, даю слово. А если и узнает, Вы скажете, что не при делах, и я всё выдумываю.

Делая двусмысленное предложение, незаметно посылаю сигналы языком тела. Казалось бы, невинные. Но, похоже, он клюёт на мою удочку. Теперь его взгляд опускается ниже. Не может больше игнорировать происходящее.

Мужчина наклоняется ближе. Нас разделяет только пара метров. Чувствую исходящий от него запах дешёвых сигарет. Стараюсь не выдавать отвращения.

— Ну, знаете, если строго между нами, — произносит он с противной ухмылкой. — Думаю, мы сможем найти компромисс.

Просушенные пальцы скользят по гладкой столешнице, минуя стопку документов, и касаются моих побледневших рук, которые я аккуратно держу на краю стола. Пора переходить к следующей части спектакля. Тут я резко отстраняюсь и устремляю на него полный возмущения взгляд.

— Что Вы себе позволяете? — с выраженным отвращением возмущаюсь я. — Трахнуть меня захотели?

Он потерянно выпрямляется, как испуганный таракан, и тут же напускает на себя маску праведника.

— С ума сошли, дамочка? — недоумевает Евгений Сергеевич. — Пришли тут с незаконными предложениями, ещё и извивались на стуле, как гадюка! Я уважаемый человек и не намерен иметь с Вами никаких дел! Убирайтесь из моего кабинета!

— Вот, значит, как? — с вызовом отвечаю я. Мои глаза сужаются, а тон приобретает холодную окраску. Достая из сумки наличкой несколько крупных купюр и демонстративно

кладу на стол. — Давайте поступим так: Вы предоставляете мне необходимую информацию, и взамен я забываю об этом инциденте. Уйду, как и собиралась, при этом не забуду отблагодарить Вас за оказанную поддержку. И не стану трезвонить на весь город, как Вы меня домогались!

— Домогался? — брызжа слюной, выпаливает заведующий. — Это грязная ложь! Ещё и взяточником меня считаете!

Я невинно повела плечами. Стряхиваю с пальто несуществующие пылинки.

— Ложь-не ложь. Скажем так, частичная правда! — вешать ярлыки не мой конёк. Теперь решаюсь надавить. — Главное, чтобы Ваша семья не поверила слухам, верно? — я невольно улыбаюсь, наблюдая за его реакцией. — Поводов сомневаться в себе не давали? При желании могу и приукрасить. И даже заявить о попытке изнасилования. Не составит труда порвать на себе одежду, оставить пару синяков. А Ваши отпечатки здесь повсюду. Могут запросто оказаться и на мне.

Провожу ладонью по столу и замечаю:

— Моего ДНК тоже хватает. Ну, так что?

Он сжимает губы в тонкую линию. Лицо становится пунцовым.

— Тебе никто не поверит, тварь! — цедит сквозь стиснутые зубы.

— Проверим? — с вызовом предлагаю я. Затемдвигаю по столу аккуратно сложенные купюры ближе к нему. На всякий случай добавляю. — Зачем выпендриваться? Я не отстану. Конечно, сможете доказать в итоге свою невинность, но знатно подпортите перед этим репутацию. Особенно, если уже есть секреты. И жену можете потерять. А тут ещё получите неплохую премию. Обновите резину на тачке или сделаете приятно жене.

Он медлит ещё мгновение, принимая решение. В итоге нехотя забирает деньги. Явно выявил больше плюсов, если пойдёт на сотрудничество. Пусть уже меня ненавидит. Главное, поможет. А если подкинёт свинью, придётся выполнить свои угрозы. Плюс есть факт принятия взятки.

— Ждите здесь! — сдержанно говорит заведующий и покидает кабинет.

Я откидываюсь на спинку стула, ничуть не жалея о своих действиях. Будь он хорошим человеком, у меня язык не повернулся бы угрожать. Но я сразу почувствовала гнильцу. Не удивлюсь, если этот уважаемый человек ещё и жене своей изменяет. В таком случае, поделом мудаку!

Он возвращается довольно быстро с протоколом в руках. Небрежно бросает на стол прямо передо мной. Я уже не смотрю, как он продвигается к своему креслу и усаживается напротив. Мой взгляд прикован к титульному листу, где вижу имя Германа.

— Давайте только поскорее! — с отвращением требует мужчина. — Я и так сильно рискую.

— Конечно!

С этими словами принимаюсь листать протокол, пока не дохожу до нужной страницы. Многого мне непонятно. Но я жадно вчитываюсь в каждое слово.

Итак, предварительный диагноз... мех*ническая асфиксия, как заведующий и сказал. Заключительный мало отличается. Затем идёт подробное описание макроскопического и микроскопического исследования внутренних органов. Это мало о чём говорит.

Ещё раз перелистываю к началу описания вскрытия. Пробегаюсь глазами по характеристике внешнего вида. Труп мужчины среднего (нормостенического) телосложения, удовлетворительного питания, длиной тела 170 см. Труп на ощупь холодный. Трупное

окоченение хорошо выражено во всех исследуемых группах мышц. Трупные пятна... На шее обнаружена одиночная, замкнутая, непрерывная, косовосходящая странгуляционная борозда...

Дальше идёт описание размера и диаметра, а также точное расположение. Но меня привлекает другая деталь. В проекции наружных яремных вен в передней части шеи заметны бледные равноудалённые отверстия, напоминающие следы от укулов. Диаметром 5 на 5 мм. Выявлены признаки свёртывания крови.

— Простите за вопрос, удалось ли выяснить, что за повреждения были на шее помимо борозды? — интересуюсь я, делая вид, что между нами не произошло ничего такого.

К моему удивлению, Евгений Сергеевич отвечает. Его тон мне не нравится, но я не придаю этому значения.

— По всей видимости, укус или что-то похожее! — пожимает он плечами. — Место, конечно, необычное, но это не значит, что такого не бывает. Тем более, в лесу, где и был обнаружен труп.

Он прямо-таки смакует последнее слово, и меня передёргивает. Но если сорвусь, не смогу получить ответы.

— Есть предположения кто мог это сделать?

— Я склоняюсь к летучей мышши-вампиру! — почесав нос, признаётся мужчина. — Насколько мне известно, они чаще предпочитают других животных, но и случаи нападений на человека случались. Кусают в основном за конечности. В нашем случае место укуса атипичное. Но лично я уверен, что такое вполне может быть.

Я поднимаю на него удивлённый взгляд. Вижу противную ухмылку и пытаюсь понять разыгрывает ли он меня. Или просто мстит, наслаждаясь моей болью?

— Летучие мыши? — недоверчиво переспрашиваю я. — Разве они обитают здесь?

В ответ снова лишь пожал плечами:

— Я не эксперт по части животных, откуда мне знать, дамочка! Моя работа заключается в другом.

— Но в заключении об этом нет ни слова!

— В заключении указана причина смерти! — со вздохом отвечает заведующий. — Укус или что бы там ни было, не был этой самой причиной. Это лишь сопутствующее повреждение, полученное ещё при жизни. Судя по всему, как минимум, за два часа до наступления биологической смерти.

— Откуда такая уверенность? И что это не связано?

— Ну, если бы повреждена была сонная артерия, я бы ещё поверил! — с явным раздражением поясняет Евгений Сергеевич. Жилистые пальцы мнут край стола, выдавая напряжение. — В таком случае, он просто истёк бы кровью. При повреждении вен намного проще остановить кровь. Она успела свернуться ещё до его гибели. Была проведена и судебная экспертиза. Судмедэксперт заключил, что смерть не носит криминальный характер. Так что Вы просто занимаетесь охотой на ведьм!

Благоразумно решаю промолчать и внимательно просматриваю текст документа в поисках других зацепок. Мужчина демонстративно кашляет, как бы намекая на время. Я оставляю это без внимания.

На коже волосистой части головы в проекции правой теменной кости обнаружен линейный белесоватый рубец длиной 8 см ориентированный на 5 и 11 часов условного циферблата. Кожные покровы лица без видимых повреждений, на туловище присутствуют

ушибленные раны диаметром... с наружной части локтя, на предплечье в проекции лучевой кости, на лопатке справа. Под ногтями обнаружена грязь, следы биологического материала не выявлены.

— Разве все эти ушибы на теле не говорят о возможной борьбе? — не унимаюсь я.

— Успокойтесь, ради Бога! — закатывает глаза заведующий. — Он мог получить их где угодно. И если бы была какая-то борьба, на нём осталось бы ДНК нападавшего. По результатам исследования ни под ногтями, ни на теле не обнаружено никаких следов. Уж поверьте, судмедэксперты знают, где и что искать! И вам пора бы уже уходить, у меня через пол часа вскрытие!

Вроде и разложили всё по полочкам, но некоторые детали не дают мне покоя. Слишком странно всё это. Пусть я не эксперт, но интуиция редко подводит. Почему-то мне кажется, что в протоколе упущено что-то ещё. Но спрашивать об этом мужчину напротив, естественно, не стану.

Оставшуюся информацию просматриваю бегло. Не хочу задерживать Евгения Сергеевича. Пусть он и хотел получить от меня услуги интимного характера, но в итоге здорово помог. Это немного разбавляет мою неприязнь.

Не замечаю больше ничего необычного. Разве что перелом шейных позвонков, но мужчина раздражённо пояснил, что это нормально для подобных случаев. В этом у меня не возникает сомнений.

Нехотя возвращаю ему папку. Изначально я не надеялась обнаружить что-то необычное, но теперь мне очень хочется сохранить у себя копии. К сожалению, не получится. И Евгений Сергеевич ни за что не пойдёт мне на встречу.

Устало поднимаюсь со стула под его облегчённым взглядом.

— Благодарю, что уделили мне время! — сдержанно говорю я. — Вы правда очень помогли.

— Ага, надеюсь никогда не увидеть Вас вновь! — сухо отвечает он и вдруг улыбается. Кривоватая бровь многозначительно поползла вверх. — Кто же Вы такая? Я более, чем уверен, что у Германа Мартынова нет никаких сестёр!

Отличная работа, Ватсон! Я возвращаю ему улыбку и ограничиваюсь всего одной фразой:

— Полагаю, Вам лучше не знать!

И гордо покидаю кабинет заведующего патологоанатомическим отделением. Вскоре нахожу входную дверь и выскакиваю на свежий воздух. По лицу хлещет дождь, но я не спешу к машине. Медленно покидаю территорию больницы. Старательно обхожу лужи.

В моей голове столько мыслей, что хватило бы на целый конспирологический роман. Журналистка из меня хорошая, но от полученной информации не стало легче. Надежды похоронить связанное с Германом прошлое рухнули, разбиваясь вместе с дождевыми каплями. Я чувствую, что в этой истории есть что-то мутное и тёмное. Ещё мне кажется, что от правды лучше держаться подальше.

На ум невольно приходят возможные заголовки для будущей статьи. Не хочу пиариться на смерти лучшего друга, но хочу, чтобы его запомнили, чтобы люди узнали его историю. И я так просто не сдамся. У меня есть ещё пять дней. Вполне достаточно, чтобы капнуть поглубже. Ради себя? Нет, скорее, ради него. Что-то случилось с Германом, что-то плохое. То, что толкнуло его на необратимый шаг, или убило само. Если получится раскопать эту тайну, буду решать, как поступить потом с этим грузом.

6. Прогулка

Следующее утро встречает Мортимор непривычным ярким солнцем. Дождь шёл вчера весь день, но к ночи неожиданно прекратился. Я радуюсь возможности отдохнуть от серости и с наслаждением вдыхаю воздух. Пахнет сыростью, на дорогах много прозрачных луж. Но мягкие солнечные лучи греют наши лица, напоминают о доме. Это помогает на время забыть о других проблемах.

Алиса радостно прыгает в очередную лужу. Брызги воды разносятся во все стороны. Вместе с тем лениво разбегаются упитанные голуби. Далеко не отходят. Здесь они не боятся людей. Кто-то подкармливает, кто-то гоняет. Дети часто так забавляются.

— Алиса, не усердствуй, а то тебя не пустят в таком виде в кинотеатр! — предупреждаю я, хоть и знаю, что в Мортиморе никому не будет до этого дела.

Но маленькая хитрость срабатывает: теперь она чаще обходит лужи. Мы приняли решение прогуляться до кинотеатра пешком. Далеко идти не пришлось: весь город можно обойти примерно за час. Конечно, местами очень много грязи, которая сильно размокла после дождя. Но в центре дороги нормальные, даже тротуары выложены кирпичами. И я уже успела показать несколько небольших фонтанов и памятник Александру Сергеевичу Пушкину. По правде говоря, в детстве обожала его творчество. До сих пор сохранился сборник стихов. А "Евгения Онегина" могу дословно процитировать от начала до конца.

Алиса, похоже, искренне радуется всему, что видит. Задаёт много вопросов, на которые я с удовольствием отвечаю. Прохожих сегодня тоже много, словно жители города решили насладиться редким солнечным днём по полной. Иногда я рассматриваю встречающиеся лица, выискивая старых знакомых. Но это скучное занятие, которое быстро надоедает.

Мы пересекаем широкий мост, пролегающий через Силентию. У воды довольно ветрено, но Алиса предлагает немного задержаться и полюбоваться собором в окружении пышных деревьев. Местами листья постепенно начинают желтеть, но они ещё не утратили роскошную листву.

Какое-то время глядим на ребристое отражение внизу и на солнечные блики, сверкающие как бриллианты. На решётчатом ограждении ржавеют замки влюблённых: многие висят уже много лет, но есть и новые, более красивые. Никогда не задумывалась о смысле, который они несут в себе. Вот так висят здесь, символически сковав две человеческие души и их судьбы. Вроде и ерунда, но до боли романтичная. Мы с Игорем никогда не делали ничего подобного. Кто знает, может, поэтому и разбежались. Или пришлось бы кому-то нырять в воду в поисках ключа после расставания. Боже, какая глупость!

Когда замечаю, что у Алисы краснеет нос от ветра, дующего с северной стороны, предлагаю двигаться дальше. Через десять минут мы уже входим в двери кинотеатра. От приятного аромата карамельного попкорна у меня бегут слюнки. Но сперва двигаем к кассе. Я даже не пыталась заказать билет заранее: в местном кинотеатре всегда есть свободные места. В юности ходила в кино не так часто, но на всех сеансах залы оставались полупустыми. Вряд ли что-то изменилось.

Ассортимент фильмов довольно скудный и скучный. Алиса выбирает мультфильм. Он доступен в 3D, что меня радует. Хоть какой-то интерес. Я, конечно, ничего не имею против мультфильмов, но в прокате ничего не привлекает. Посмотрим, что будет на деле.

На экране высвечивается план зала, на котором замечаю всего несколько крестиков. Выбираю самые удобные места. Хотя сеанс будет проходить в малом зале, мы будем далеко от других зрителей. Вот и замечательно.

До сеанса остаётся примерно двадцать минут. За это время мы покупаем два больших стаканчика попкорна с карамелью и пол литровую бутылку лимонной воды. Во время ожидания рассматриваем огромные афиши на стенах и стендах. О некоторых фильмах в прокате я даже не слышала. Есть много патристических, несколько комедий, что-то из фантастики, и немного мультфильмов. С лёгкой усмешкой подмечаю, что фильм для просмотра лучше выбирать заранее, чтобы не тратить зря время и нервы.

Через два часа мы с Алисой довольные выходим из кинотеатра. Сеанс мне понравился. Мультфильм не показался слишком "детским". Бывали, конечно, глупые моменты, но в целом сюжет оказался не скучным. Центральными персонажами предстали домашние животные. Довольно обаятельный пёс наслаждался беззаботной жизнью, пока его хозяин не решил завести ещё одну собаку. Поначалу пёс воспротивился этому и сделал всё возможное, чтобы избавиться от нового соседа. Это затянуло их в водоворот опасных приключений. Посыл о том, как важно заботиться о животных мне нравится. Создатели тонко показали сторону жизни домашних и бездомных четвероногих. И к чему приводит безалаберное и жестокое отношение к ним. Пусть для детей это не очевидно, но невольно они видят, что доброта спасает этот мир.

— Мам, смотри! — Алиса восторженно указывает на стаю голубей возле скамеек. Среди них очень много белых и коричневых особей. — Какие необычные! Я думала, что таких почти не бывает.

— В Мортиморе и не такое бывает! — хихикаю я. — Здесь голубей любят, подкармливают чуть ли не все в городе. Вот и расплодилось всякие разные.

— А давай дома тоже их кормить! Чтобы всякие разные были!

— Если захочешь! — соглашаюсь я. Не говорю о том сколько от них может быть вреда. — Но если за дело возьмутся и другие люди, то эффект настанет быстрее.

На мгновение её лицо приобретает задумчивый вид, от которого я едва сдерживаю улыбку.

— А ты напиши об этом в своём журнале! — осеняет Алису. — Тогда все узнают и помогут!

Какое-то время мы гуляем по Площади, разговаривая на различные темы. Я почти не думаю о Германе, о работе и своих теориях. На душе непривычно спокойно и хорошо. Солнце уже минует полукруг, окрашивая облака в золотистый цвет. Время постепенно клонится к вечеру.

Проголодавшись, решаем заглянуть в кафе. Я привожу дочь в "Меридию", в котором была уже не единожды десять лет назад. Приятно чувствовать эту постоянность, когда всякую ностальгию можно унять, сходя в некогда любимое место.

Обстановка кажется смутно знакомой. Я уже и сама точно не помню. Стиль кантри с преобладанием отделки из тёмного дерева. Текстильные обои, мягкая цветовая гамма, ковры с орнаментом, лепнина на потолке, резные столики. Нас будто переносит в эпоху старины. Я чувствую лаконичность и уют. Прекрасно понимаю, что хотел донести владелец заведения.

Всё ещё находясь под впечатлением, предлагаю Алисе выбрать столик. Посетителей немного: заняты всего три столика. Так что есть где разгуляться. И дочка выбирает столик возле стены, украшенной модульными картинками, выдерживающими стиль помещения.

Через пару минут нам приносят меню и оставляют, чтобы спокойно просмотреть ассортимент блюд. Я критично листаю плотные страницы, где под каждым названием прилагается и аппетитная картинка для наглядности. Ничего мудрёного: только привычные знакомые блюда.

— Выбрала уже что-нибудь? — спрашиваю я. На всякий случай просматриваю цены: мало ли. К счастью, вполне приемлемо. Кошелёк к концу посиделок останется доволен.

— Да, хочу вот это! — Алиса тычет пальцем в клубничный чизкейк. — И ещё коктейль. Конечно, мне хотелось бы, чтобы она поела что-то более существенное вроде супа или мясного блюда. Но обещание закон! Поэтому делаю заказ, когда возвращается официантка. Для себя заказываю жаркое из томлённой курицы и чай с мятой. Мало ли, вдруг получится уговорить Алису съесть хоть пару ложек. А если нет, не страшно. Сегодня особенный день для нас обеих, так что можно забить на правила.

Пока ждём заказ, Алиса с интересом рассматривает картины. Меня радует, что сегодня она даже не вспоминает про свой телефон. Мы будто негласно решили посвятить это время друг другу и оторваться от всего приземлённого.

Позади меня хлопает дверь. В кафе заходит высокий мужчина в полицейской форме. Бронзовые волосы аккуратно вьются, делая его похожим на ангела. Я на мгновение пугаюсь. Вдруг патологоанатом решил впутать полицию? Но быстро успокаиваю себя. Едва ли в морге ведётся видеонаблюдение, а иначе мою причастность не доказать. Да и откуда им знать, где меня искать. Я сохранила свою личность в тайне.

Полицейский проходит к стойке, даже не взглянув в нашу сторону. Но на всякий случай я отворачиваюсь. Осторожность лишней не будет.

Алисе быстро надоедает ожидание. Мы начинаем обсуждать танцевальный кружок, куда она ходит. Она рассказывает о музыкальном конкурсе, в котором хочет участвовать. В качестве приза победитель получит грамоту и билеты в аквапарк. Я охотно поддерживаю её стремления. Главное, что нравится. Да и с её уровнем и хорошей подготовкой есть вполне реальные шансы победить.

Наконец, нам приносят заказ. Пока официантка ловким движением рук расставляет на столе красивые тарелки, я невольно оборачиваюсь на стойку. Мужчина, видимо, зашёл только за кофе. Перед ним уже ожидает стаканчик из биоразлагаемого материала. Из отверстия в крышке струится пар.

Мужчина вываливает на стол бумажную купюру, забирает свой кофе и направляется к выходу. На мгновение наши взгляды встречаются, и я отворачиваюсь, чтобы не показаться бестактной. Моё внимание тут же увлекает бесподобный аромат горячего жаркое. Оно настолько прекрасно, что живот жалобно скулит и расходится в громком урчании.

Когда я запихиваю в рот уже четвёртую ложку, над ухом раздаётся мужской бархатный голос:

— Приятного аппетита! Прости... ты ведь Лера? Лера Арсенева?

В смятении оборачиваюсь и едва не давлюсь горячей картошкой. На меня с высоты взирают задумчивые голубые глаза. На мгновение они овладевают моими мыслями. А потом я вдруг представляю, как сижу сейчас с набитым ртом, давясь божественным жаркое, и растерянно хлопаю ресницами. Становится как-то неловко. Но я уверенно прожёвываю и проглатываю. Только затем отвечаю:

— Да, а мы разве знакомы?

Полицейский улыбается уголком рта, и это делает его невероятно привлекательным в

моих глазах. Я силюсь узнать ровные черты лица и эти бронзовые кудри. Но пока глухо.

— Олег Китов! — подсказывает он, лаская слух своим бархатным голосом. — Мы учились вместе с пятого класса.

А, точно, кажется, теперь припоминаю. В памяти вспыхивает слегка веснушчатое и несуразное лицо долговязого мальчишки. Он всегда задирает нас с Германом, особенно в старших классах. Иногда невинные подколы, но бывали и оскорбительные шутки. Тогда у него не было границ.

Сейчас я едва узнаю его. Похорошел и возмужал — можно смело печатать на обложке модных журналов на радость женщинам. Возможно, поумнел. Но неприятный осадок остался.

— Точно! — хмыкаю я, сжимая под столом пальцы. — Тебя прям не узнать!

— Тебя, кстати, тоже! — с интересом подмечает Олег. — Ты изменилась в лучшую сторону. До последнего сомневался, что это ты.

— А ты у нас, значит, стал полицейским! — констатирую я, выражая этими словами своё мнение как о нём, так и о выбранной профессии. Как бы не имею ничего против, но отношусь с осторожностью.

— Служу во благо города! — в шутливой манере отчеканивает он и горделиво выпрямляется. Затем голубые глаза обращают внимание на Алису. — А это, значит?

— Моя дочь Алиса! — нехотя представляю я, размышляя как бы скорее покончить со всеми формальностями и спровадить его отсюда.

— А, значит, ты замужем?

Чувствую разочарование в его голосе, и мне становится смешно: неужели планировал подкатить? И это к девочке, которую никогда по-настоящему не замечал. В принципе, как и я его.

— Папа не живёт с нами! — вдруг вмешивается в разговор Алиса. Ей вроде бы нравится дядя полицейский, но я предпочла бы прикинуться замужней.

— Вот как! — в голосе мужчины вновь скользит интерес.

— Да, они с мамой давно не вместе.

Она закапывает меня всё глубже, и я уже не знаю куда деться от всей этой неловкости.

— Так, может, как-нибудь встретимся, Лера? — предлагает Олег, пока я не успеваю выдумать какую-нибудь отговорку. — Надолго в городе?

И вот он, мой шанс!

— Нет, знаешь, приехали на несколько дней по семейным обстоятельствам! — принимаю решение не говорить о Германе, вдруг ему неизвестно об этом. Вряд ли, конечно. Но не хочу это обсуждать. — Время не подходящее. Давай как-нибудь в другой раз, если доведётся приехать.

— Понятно.

Олег достаёт из кармана ручку и блокнот. Наспех чиркает и протягивает вырванный лист с небрежными цифрами:

— Вот мой номер, вдруг передумаешь.

Я киваю и сую листок в карман пальто, лишь бы только отстал. Разумеется, не собираюсь звонить, но иметь при себе контактные данные полицейского вполне неплохо. Вдруг пригодится.

— Удачного дня, девчонки! — игриво подмигнув, мужчина покидает заведение.

Наконец, могу насладиться едой, но аппетит уже не звериный. Алиса задаёт вопросы о

моём однокласснике. Я отвечаю поверхностно: сама ничего не знаю, кроме того, что видела глазами. Да и он меня мало интересуется.

И всё же эта встреча смывает всю беззаботную радость от сегодняшнего дня. Невольно поддаюсь мрачным размышлениям о своей жизни, прошлом. Вспоминаю не самые приятные моменты из школы, отчёт о вскрытии, заплаканные глаза Елизаветы Аркадьевны. Пытаюсь представить, каково было бы мне на её месте. Знаю: я бы не остановилась. До последнего искала бы правду. Это не могло вернуть погибшего ребёнка, но зато принесло бы хоть какое-то облегчение, если узнать причины. Реальные причины.

Я смотрю на дочь, слушаю её в пол уха, а сама скрепя сердце думаю о той боли, что испытывают родители Германа. Это так грустно и неправильно. Может, стоит рассказать им о своих догадках? Или лучше не сыпать соль на рану?

Вечер пролетает как в тумане. Возвращаемся домой не слишком поздно. И я решаю заехать потом к Мартыновым. Если не рассказать о деталях вскрытия, так хоть поддержу. Родителям говорю, что собираюсь в магазин.

Всю дорогу меня терзают смутные чувства. Солнце незаметно скрывается за плотными облаками, словно подражает моему настроению. Старенькое здание встречает меня неестественной вязкостью, в которой утопаю, стоит только бросить взгляд на пятиэтажный дом. Он такой же, как и другие дома на этой улице, но кажется для меня слишком огромным и недосягаемым.

По пути к входной двери замечаю нескольких ворон на детской площадке с гладкими чёрными перьями. Они сидят на верхней перекладине качелей, на ветке дерева. Одна спустилась к песочнице. От их протяжного карканья становится не по себе. А слишком осмысленный взгляд будто прикован ко мне. Вероятно, на фоне стресса начинаю придумывать всякое.

В дверях по инерции здороваюсь со спешащим куда-то жильцом, даже не посмотрев в его сторону. Запомнился только тянувшийся след за ним по подъезду запах табака. Отмечаю громкий писк домофона: в прошлый раз он был отключён.

Через несколько минут я уже звоню в нужную дверь. Ждать приходится долго. Уже начинаю думать, что никого нет дома. Но вот доносятся знакомые приглушённые шаги, щёлкает дверной замок. В дверном проёме образуется щель. Я уверена, что Елизавета Аркадьевна осмотрительно посмотрела в глазок перед тем, как открывать дверь. Поэтому задаюсь вопросом почему она так сторонится.

— Здравствуйте, Елизавета Аркадьевна! — повторяю я те же самые слова, которые говорила в день поминок.

Щель становится немного шире, и теперь я вижу её глаза: не такие опухшие, но полные всё того же опустошения.

— Здравствуй, Лера! — сдержанно отвечает она в ответ на любезность. Больше ничего не добавляет.

Чувствую, как растёт напряжение. Мне явно не рады, но хочу попытаться что-то сделать. Не знаю что, да и зачем вообще приехала к людям, которые давно стали мне чужими. Наверное, просто мне не наплевать. И хочу, чтобы она тоже это знала.

— Простите, что пришла без предупреждения, — неуверенно бормочу я, — только хотела узнать, как у вас дела.

Чёрт, как же глупо это звучит! Как могут быть дела у людей, которые меньше недели назад потеряли единственного сына? Это понятно по глазам и безжизненной бледности на

лице. На этот вопрос можно даже не отвечать.

Мать Германа тяжело вздыхает.

— Чай будешь? — сдержанно спрашивает она.

Я киваю, и она пропускает меня внутрь. Внутри квартиры ощущаю непривычный холод, пробирающий до костей. При этом явно не проветривали: стойкий запах перегара и сигаретного дыма явственно чувствуется прямо с порога.

Аккуратно скидываю обувь, пальто нехотя вешаю на крючок к двум курткам. Елизавета Аркадьевна ведёт меня на кухню. Меньше площадью, чем у моих родителей, но вполне уютно. Было когда-то.

Сажусь на старый деревянный табурет и неловко наблюдаю, как женщина ставит на огонь почерневший от накипи чайник. Все движения неторопливы и лишены осмысленности. Она будто делает всё на автомате, а мыслями далеко отсюда.

Бросаю короткий взгляд на стол, накрытый старой клеёнкой с изображением натюрморта. Края уже облезли и потрескались. На ней много крошек, какое-то липкое пятно: скорее всего, от кофе. Подавляю желание схватить тряпку и протереть стол. Понимаю, пока Елизавете Аркадьевне не до уборки.

Пока ждём закипания чайника, обе молчим. Кажется, проходит целая вечность. Но вот я слышу долгожданный свист. Потом слушаю, как она наливает горячую воду в две кружки, предварительно опустив чайные пакетики. Затем размешивает сахар. Неспешно ставит передо мной кружку и садится с другой стороны стола. Свою кружку оставляет рядом, но не спешит пить чай.

Я делаю неуверенный глоток и едва не обжигаю рот. Зато поможет согреться. Елизавета Аркадьевна предлагает пряники, а сама отстранённо глядит в пол. На вкус пряники уже дубовые: не откусить. Но по свежести наверняка были очень вкусными: шоколадные.

— А где Сергей Андреевич? — интересуюсь я, чтобы хоть как-то скрасить неловкость. Не могу избавиться от чувства, что меня не замечают.

Женщина переводит на меня растерянный взгляд, словно не расслышала вопрос или пропустила мимо ушей. Отвечает неуверенно, будто и сама не знает.

— Спит... — едва слышно произносит она. — День выдался тяжёлый.

Благоразумно решаю промолчать, но прекрасно догадываюсь по какой причине он спит. Стойкие ароматы в квартире говорят о многом.

— А Вы как справляетесь? — обеспокоено спрашиваю я. Хочу обнять её или взять за руку. Пообещать, что всё будет хорошо, когда-нибудь наладится. Но сдерживаюсь.

— Потихоньку!

Елизавета Аркадьевна говорит коротко и отстранённо. Понимаю, что в мире нет таких слов утешения, которые реально могли бы облегчить её состояние. Но мне искренне тяжело видеть её такой, как и условия, в которых они пока живут.

— Если что-то понадобится, обращайтесь ко мне! — искренне прошу я и чувствую, как в моём голосе звучат слёзы. — Могу принести продукты или помочь по дому. Я буду в Мортиморе ещё несколько дней.

— Спасибо, Лерочка, не нужно! — тут же отказывается женщина. — Мы сами, не переживай.

Но я так просто не сдаюсь.

— Это не просто жест любезности, а реальное стремление помочь! — начинаю настаивать я. — Навязываться не стану, но сама понимаю, как вам сейчас тяжело. Не хочу,

чтобы вы чувствовали себя одиноко.

Она вдруг вздрагивает и прячет слезящиеся глаза за носовым платком. Делаю глоток чая, который быстро остывает в прохладном помещении. Давить дальше не стану. Пусть думает, что мне на самом деле нет дела. При желании без спроса заеду в магазин и привезу нормальной еды. На одной водке долго не просидеть.

Вновь отпиваю из кружки в ожидании. Чай немного переслащен. К пряникам больше не притрагиваюсь.

— Ох, Лерочка, ты совсем не изменилась! — сквозь слёзы подмечает Елизавета Аркадьевна. Морщины становятся более выраженными, когда она плачет. В эти моменты выглядит такой беззащитной и хрупкой. И эти дрожащие худощавые руки. — Всё такая же светлая. Таким был и мой Герман... Как же нам с ним повезло. Жаль, ему повезло меньше. Не смогли дать ему нормальную жизнь. И будущее.

У меня разрывается сердце от того, как она винит себя в смерти сына. Думаю, на её месте я бы чувствовала то же самое. Хоть и понимаю, что на самом деле она не виновата. Не может быть виновата. Герман никогда не винил родителей за отсутствие финансовой стабильности, царских апартаментов и чистенького шевроле под окном. Он любил их за доброту и заботу. Они сполна одаривали его более важными ценностями. Как можно с такой поддержкой захотеть перейти черту? Либо я чего-то не знаю об этой семье.

— Не вините себя, он всегда был счастлив иметь таких родителей! — мягко советую я, нервно водя пальцами по краям кружки.

Но женщина отрицательно качает головой.

— Нет, из-за нас он отказался от планов получать образование! — сдавленно произносит она. Громко высмаркивается в платок, нос после этого становится красным. Взгляд уже затуманился от слёз. — Я же видела, что он был несчастен здесь. Ему следовало идти своим путём. Получил бы диплом, устроился на работу, завёл семью. Но он был слишком добрым. Не захотел оставлять нас без поддержки. Ох, если бы я знала к чему это приведёт...

Конец фразы оборвался под громкими всхлипами. Я растеряно наблюдаю за ней и не знаю, что делать. Она будет терзаться намного сильнее, пока не перестанет винить себя. Мне невыносимо смотреть на это. Хочу хоть как-то облегчить её боль. Слова поддержки выглядят насмешкой. Поэтому неожиданно для самой себя я признаюсь:

— Герман никогда не совершил бы подобный грех! Что если с ним просто случилось что-то очень плохое?

Елизавета Аркадьевна скашивает на меня расширенные от удивления и непонимания глаза. Руки до сих пор дрожат, а в голосе сохраняется прерывистость.

— О чём ты говоришь? — задаёт она вопрос, на который мне не хочется отвечать.

Я неопределённо повела плечами, словно намереваюсь ускользнуть от ответа. Но вдруг ей это и правда поможет?

— Простите заранее, что влезла не в своё дело, но я решила узнать подробнее о том, что произошло... — признаюсь я и при этом ощущаю себя так, словно совершила грязное преступление. — Мне удалось поговорить с заведующим отделения в морге и выяснить несколько странных деталей. Возможно, полиция просто не захотела в этом разбираться. Либо и правда нет оснований.

— Странные детали? — с каждым вопросом её тон всё больше меняется, и я невольно сжимаюсь под его напором. Но не могу уже отмотать время назад. — Ты говорила с кем-то о

Германе?

— Д-да... — подтверждаю я, сбита с толку звучащей в голосе ревностью. — Повторюсь, что сомневаюсь в официальной версии. И разговор лишь подкрепил сомнения. Не думаю, что тут есть какой-то заговор или что-то подобное, но даже если Герман совершил это сам, у него наверняка были веские причины. И дело точно не в вас... Просто не хочу, чтобы вы винули себя. Это худшая пытка.

Елизавета Аркадьевна как-то странно кивнула. Теперь она выглядит неестественно спокойной, но пальцы нервно перебирают платок.

— Скажи, Лерочка, а кем ты работаешь? — вдруг интересуется женщина и впервые задерживает на мне взгляд.

— Журналисткой. — отвечаю я, не понимая какое это имеет отношение к делу.

Она выпрямляется, нервно берёт кружку и делает два громких глотка. Я буквально слышу, как жидкость бежит затем по пищеводу.

— Теперь понятно! — сухо констатирует она, как только с силой ставит кружку обратно. — Решила нажиться на нашем горе?

— С чего Вы взяли? — удивляюсь я.

Я непонимающе хлопаю ресницами. Но вскоре начинаю подозревать, что ей так не нравится. Прежде, чем успеваю пояснить свои действия, Елизавета Аркадьевна додумывает всё за меня и расставляет по полочкам где-то в собственной вселенной.

— Думаешь, я поверю, что ты решила раскапывать подробности его гибели по доброте душевной? — с отвращением заявляет она. — Напишешь потом статью? Или ещё что-то... — Елизавета Аркадьевна вдруг вздрагивает, словно её осенило. — Может, и сюда пришла, чтобы разнюхать больше информации? В нашей семье произошло горе, а ты лишь делаешь ещё хуже! Сама не разговаривала с Германом столько лет, и вдруг проснулось желание проявить сознательность! Он мёртв, и никакие подробности этого не изменят. Я не хочу даже думать об этом, и как мой мальчик страдал! Если у тебя есть хоть капля совести, ты оставишь его в покое!

Она на мгновение замолкает и наполняет лёгкие воздухом. Я молча слушаю.

— Убирайся из моего дома! — требует женщина и выразительно указывает на выход. — И никогда больше не приходи!

— Хорошо! — проглотив тугой ком в горле, соглашаюсь я. — Спасибо за чай.

Встаю, но ощущаю себя так, словно поднялась лишь моя душа, а тело осталось сидеть на твёрдом табурете. В дверном проёме поворачиваюсь к Елизавете Аркадьевне, зная, что она не станет меня провожать. Она опустила голову на согнутую руку: острый локоть глядит в сторону кухонного гарнитура. На меня больше не смотрит.

— Я не хотела Вас расстраивать. И не собираюсь писать никакие статьи! — с сожалением говорю я. В холодной и тихой квартире мой голос звучит слишком громко. Через секунду слышу кряхтение в большой комнате: вероятно, крики Елизаветы Аркадьевны разбудили её мужа. — Наверное, это просто мой способ искупить вину перед Германом за годы молчания, пока он тянулся ко мне. Его не слышали при жизни, но я добьюсь, чтобы слышали после смерти. Главным образом, все кто был ему дорог. Надеюсь, это принесёт его душе покой.

Я покидаю квартиру в расстроенных чувствах. Елизавета Аркадьевна так и не вышла из кухни. Пока спускаюсь по лестнице, прокручиваю в голове её слова. Следовало ожидать подобной реакции. Не всегда правда приносит облегчение. Да и нет ещё никакой правды,

только мои догадки... Следовало подождать, пока не соберу больше информации. В итоге только сделала хуже.

За рулём мне становится тяжелее. Всю дорогу упрекаю себя за необдуманный шаг. Мнимое благородство... Не зря говорят, что нельзя лезть в чужие проблемы. Вот куда ты полезла, Лера?!

Настроения нет, но заезжаю в магазин, чтобы не приставали с вопросами, где я была на самом деле. В итоге это оказалось ошибкой. С эмоциями справиться получается плохо, и я на автомате беру вместе с каким-то печеньем и бутылкой молока пачку сигарет. Выкладываю за них целую сотку. Немного подумав, беру на кассе ещё мятную жвачку.

Закуриваю почти сразу, как выскакиваю на улицу: впервые за девять лет. Ощущения странные, мне сразу ударяет в голову. Но после нескольких затяжек нервы немного успокаиваются. Теперь всё не кажется таким ужасным.

Перед тем, как сесть в машину, я выбрасываю в мусорное ведро бычок и отправляю в рот сразу два квадратика жвачки. Мята приятно освежает язык. Но на душе остаётся так же затхло и паршиво.

7. Кладбище

Я безмолвно стою напротив свежей могилы и растерянно гляжу на табличку с именем Германа. Найти её оказалось непросто: без посторонней помощи я обошла старое кладбище вдоль и поперёк, пока случайно не наткнулась на нужную могилу где-то на самом отшибе. Здесь рядом овраг, куда скидывают старые венки и выцветшие искусственные цветы.

На могиле почти нет цветов: только сырая вскопанная земля и деревянный кол, на который и прибита скромная табличка. Мой взор приковывает дата: 10 сентября 2022 года. День, когда его не стало.

Сегодня серо и хмуро, но на мне надеты солнцезащитные очки. Они скрывают последствия бессонной ночи. Я видела жуткие кошмары, которые и сподвигли меня спонтанно навестить старого друга. Возможно, в первый и последний раз.

Поблизости никого нет. Меня это утраивает. Спокойно достаю из кармана пачку сигарет и зажигалку. Через минуту прикуриваю и выдыхаю облако дыма. Невольно вспоминаю, как мы с Германом впервые попробовали сигарету. Одну на двоих. Да, он никогда не был абсолютно идеальным, как считают его родители. Я тоже не была. Просто обоим было интересно почувствовать себя взрослыми. Я продолжала с тех пор загонять себя в омут вредной привычки. А Герман не стал: не понравилось.

И теперь я выпускаю в памятную табличку очередной столб дыма, как бы напоминая ему о старых временах. Хочу что-то сказать, но не уверена, что он меня услышит. Вместо этого достаю из кармана одно из нераспечатанных писем. Слишком долго я откладывала их в дальний ящик. Выразительно трясую конвертом в воздухе.

— Герман, если ты меня слышишь, прости, что пропадала столько лет! — неуверенно произношу я, чувствуя себя полнейшей дурой. Виновато смотрю на конверт с моим домашним адресом в Таганроге. Невольно вспоминаю, что письма перестали приходить сразу после переезда со старой съёмной квартиры. Он вполне мог присылать ещё, но я уже никогда их не прочитаю. — Вот, решила наверстать.

Выдерживаю паузу, словно ожидаю получить какой-то знак. Со всех сторон меня окружают ухоженные могилы с красивыми памятниками. Надеюсь, Герману тоже сделают. Он заслуживает большего, чем простая табличка.

Неспешно разворачиваю письмо, датированное 2016 годом, и начинаю читать, пока в руке тлеет выкуренная наполовину сигарета:

«Жить в мире и ничем не обозначить своего существования — это кажется мне ужасным» (Николай Гоголь).

Не хочу жаловаться тебе на жизнь и никоим образом вызывать чувство жалости по отношению ко мне. Ты не ответила на моих два последних письма. Мы оба понимали, что этот момент когда-нибудь настанет. Невозможно поддерживать регулярную связь, когда на самом деле нас больше ничего не связывает. Вероятно, это моё последнее письмо.

Я устал жить в прошлом, а для будущего не хватает смелости. В последний раз случайно виделся с твоим отцом месяц назад. Он заходил ко мне за мясом. Я тогда продал целых два килограмма свежей свинины и штук шесть куриных окороков. Он говорил, у тебя всё отлично, встретила хорошего парня. Уже тогда я почему-то подумал, что на этом будет всё.

Хочу, чтобы ты знала: я искренне рад за тебя и надеюсь, что твоя жизнь сложится удачно. Я всегда считал, что у тебя красивая улыбка. Улыбайся почаще, даже когда очень

грустно. В любом случае, я всегда буду готов тебя поддержать. Даже если мы не будем общаться долгие годы.

У меня тоже появилось новое увлечение, и это история города. Ты знала, что в Мортиморе на самом деле происходило много исторических событий? Не настолько масштабных, чтобы заносить в учебники по истории. Даже в сороковые года, во время войны, немцы обошли его стороной, будто вовсе не заметили. А вот Таганрог провёл в оккупации практически два года. Южный город тогда не приносил своим жителям солнечный свет и тепло. Теперь они отмечают день освобождения города 30 августа.

Для мортиморцев же самым значимым событием остаётся фермерская ярмарка, приуроченная к дачному сезону. Для тех, кто всерьёз занимается земледелием, есть возможность похвастаться своим урожаем и подзаработать. Мы не раз посещали с тобой это мероприятие. Теперь я сам продаю картофель, яблоки и морковь, которые выращивают родители. Отличный вариант сбыть лишнее и пополнить карманы.

Помимо этого в Мортиморе происходили пожары где-то в двадцатых годах прошлого века. Они напоминали по масштабам Великий лондонский пожар, охвативший центральные районы Лондона в начале сентября 1666 года. Всё происходило также, по чистой случайности. Но с нашим домом связаны и более тёмные события. Не буду портить тебе этим настроение. Если когда-нибудь заинтересуешься историей города, узнаешь много интересного. Может хватить на целый цикл статей.

С наилучшими пожеланиями, Герман».

Колючий ветер разносит сигаретный дым, на землю сыпется пепел. Что Герман подразумевал под тёмными событиями? Неужели тяга к истории могла завести его не туда?

Я перевожу взгляд на могилу, словно он может ответить на вопрос. Задумчиво делаю последнюю затяжку, затем бросаю бычок вниз и придавливаю подошвой сапога. В моих руках до сих пор шелестит письмо.

Прошло семь лет с того момента, как он отправил это письмо. Видимо, чтобы лучше понять Германа, надо углубиться в его интересы. Начну с архивов, поищу похожие случаи. Если здесь и правда замешано что-то тёмное и незаконное, Герман мог стать не единственной жертвой. И это может пролить свет на то, что с ним произошло.

Имеет смысл покопаться в его личных вещах. Наверняка он собирал записи. Но Елизавета Аркадьевна на пушечный выстрел не подпустит меня к его комнате. Так что придётся всё делать самой.

Тяжело вздыхаю и бережно запикиваю письмо обратно в конверт. Насколько я помню, это всё же не последнее его письмо. Возможно, он мог подробнее написать о том, что выяснил. Перерою всю коробку. Но, пожалуй, вечером. Не хочу пока возвращаться домой. Лучше начну с библиотеки. Но сперва заскочу в кафе: до жути захотелось кофе.

Бросаю тяжёлый взгляд на последнее пристанище Германа. Не произношу ни слова, но мысленно прощаюсь и даю обещание выяснить правду. Вспоминаю жуткий сон. Мне снился наш лес и Герман, который долго-долго бежал, цепляясь за ветки. В глазах, которые сливались с зеленью листьев, читался страх. За ним кто-то гнался и вскоре нагнал: жуткий монстр с лохматой чёрной шерстью. Он повалил Германа на землю и принялся высасывать кровь, прокусив тонкую кожу на шее с пульсирующими венами. Отчётливо запомнился крик, и как его волочили затем еле живого. Станный зверь, наделённый способностью критически мыслить. Он обмотал вокруг шеи Германа шарф, сорванный с шеи, и повесил на дереве. Герман брыкался недолго. Из-за потери крови был слишком слаб. А я проснулась

в холодном поту и больше не могла сомкнуть глаза до самого утра. К счастью, Алиса крепко спала и ничего не слышала.

И сейчас, охваченная мрачными воспоминаниями, случайно замечаю расплывчатую фигуру вдалеке. В первое мгновение мне кажется, что это дух Германа стоит и наблюдает. Даже стягиваю очки, но странная фигура оказывается простым надгробием в форме ангела. Видимо, пора уходить, пока вконец не разыгралось воображение.

Одинок бреду по старому кладбищу в сторону дороги, за которой начинается парковка. Кладбище находится за городом, но совсем близко. Надо мной сгущаются тучи. Возможно, скоро пойдёт дождь.

Через пол часа я уже паркуюсь рядом с кафе, где вчера была с дочерью. Заказываю только кофе. На этот раз латте со взбитыми сливками. Хочется хоть чем-то подсластить не покидающую горечь.

Чтобы зря не тратить время, достаю смартфон и собираюсь проверить кое-какую информацию. Благо здесь раздают бесплатный вай-фай. Правда, скорость почти никакая. Но мне хватает. Быстро ввожу нужный текст в строку поиска и просматриваю результаты. Одним движением открываю приглянувшийся сайт.

Передо мной выскакивает фотография летучей мыши. Вполне милое создание с короткой мордой и чёрными глазами, если не считать клыков. Буроватый мех и длинные крылья. Ниже нахожу статью.

Подсемейство млекопитающих, семейство листоносых летучих мышей, питающихся кровью. Обитают в Центральной и Южной Америке от засушливых до влажных тропических и субтропических районах. Летучие мыши-вампиры предпочитают тёмные места вроде пещер, полых деревьев и зданий, а также старых колодцев. Живут колониями.

Пока вожу пальцем по экрану, пролистывая статью, не замечаю, как к моему столику подходит официантка. Краем глаза улавливаю едва заметное движение и на автомате вздрагиваю, будто на меня планируют напасть. Девушка пугается и едва не опрокидывает стакан на пол. В последний момент сохраняет равновесие.

— О боже, простите! — виновато лепечет она. — Я Вас не облила?

— Нет, это Вы простите. Что-то утро у меня не задалось! — вздыхаю я, недовольная собственным поведением. Ну в самом деле как будто крыша поехала!

Официантка ставит передо мной красивый стакан, ещё раз извиняется и удаляется. Я смотрю на свой напиток, наслаждаясь волшебным ароматом. Сверху взбитые сливки украшены молотой корицей: моей любимой. В Таганроге редко занимаюсь выпечкой, но в такие моменты всегда добавляю немного специй в крем или тесто. Особенно люблю добавлять в овсяное печенье и слойки с яблочным джемом.

Пробую на вкус свой латте и следующие несколько минут растворяюсь в божественном сладковатом вкусе воздушного кофе. Меня будто подбросило на пушистые облака, где я могу утонуть в неземной мягкости и невесомости.

Затем возвращаюсь к поискам. Попутно попиваю кофе. Так могут ли такие мыши укусить человека в шею? Эта мысль кажется мне дикой. Нужно проверить. Перед глазами замелькали заголовки. Бразильские летучие мыши-вампиры стали нападать на людей. Мыши-вампиры, которые питались до этого кровью птиц, начали целенаправленно нападать на людей. Жёлтая пресса или правда? Читаю дальше, пытаюсь разобраться.

Внутри мышей, по словам биолога, могут сохраняться ДНК животного, чью кровь пил мохноногий вампир. Это полезно для исследования. Подобные следы ДНК удалось найти и

образцах экскрементов летучих мышей, большая часть которых содержала в себе обрывки генов кур. Но в трёх из них обнаружены следы человеческого генетического материала, что подтверждает слухи о том, что мыши-вампиры расширили свой рацион до человеческой крови.

Такое открытие, как считают учёные, говорит об экологических и потенциальных медицинских проблемах. Известно, что летучие мыши могут являться носителями крайне опасных заболеваний, таких как бешенство, лихорадка Эбола, вирус атипичной пневмонии, геморрагическая лихорадка, и др.

По моей спине пробегает холодок. А ведь с виду такие милые зверьки. За пол часа я успеваю просмотреть многие сайты. В основном они отрицают потенциальную угрозу нападения летучих мышей-вампиров на человека. Выделяют отдельные особи, представляющие опасность, но они якобы водятся только на территории Южной Америки. В любом случае, это лишь разбросанные факты. Более точный ответ может дать только эксперт. Но едва ли у меня есть время и желание на поиски нужного специалиста.

Впрочем, на ум приходит один человек из редакции. Могу, положив руку на сердце, с уверенностью заявить, что он самый гениальный и скупулёзный из всех кого я знаю. Он может отыскать практически любую информацию. До того, как занял должность в редакции, занимался программным обеспечением и программированием. Но пришлось уволиться из-за каких-то нарушений. В его первый год работы в редакции ходили слухи, что он был уволен за создание какой-то хакерской программы. Сама я не разбираюсь в этих нюансах. В любом случае, навыки не утратил, но теперь это лишь хобби.

Наши отношения с Антоном нельзя назвать тёплыми, но и врагами никогда не были. Возможно, поможет, если пообещать взамен что-то стоящее. С этой мыслью открываю мессенджер и отправляю ему личное сообщение с просьбой проверить информацию о летучих мышах. Делаю вид, что нужно для статьи. Обещаю взамен месяц отдавать свой ланч. Теперь остаётся только дожидаться ответ.

Какое-то время молча пью кофе. Но пальцы непроизвольно барабанят по столешнице. Ждать неохота, любопытство сильнее. Поэтому пробую забить в поисковик ещё один запрос. Встречаются ли летучие мыши-вампиры в Ростовской области? Если такие случаи не были зафиксированы или в принципе невозможны из-за особенностей мест их обитания, то и к чему вся эта чертовщина? Но тогда вопрос останется открытым. Кто-то всё же покусал Германа, и этот кто-то, по всей вероятности, обитает в лесу.

Вновь вспоминаю жуткий сон и отбрасываю мысли о нём. Сверхъестественного не существует. Это обязательно должно быть какое-то животное или насекомое, а не мифический монстр.

Результаты поиска меня удивляют. Нашествие ночных вампиров стало ужасом и кошмаром для жителей Ростова. Они залетают в квартиры, и таких случаев достаточно много. Могут заниматься поиском крова или временного укрытия. В любом случае, ростовские зоологи советуют избегать контакта с этими млекопитающими, не трогать их и, тем более, не давать себя укусить. Лучшим вариантом будет поставить на окна сетки. Это снизит вероятность попадания летучих мышей в квартиры. С наступлением холодов ситуация может осложниться.

Одна статья датируется далёким 2017 годом, но есть и более свежие, за 2022 год. Значит, проблема с летучими мышами не решена. Пазл вроде как встаёт на место, но меня терзают сомнения. С другой стороны, кто ещё мог укусить Германа? Возможно, заведующий

моргом оказался прав.

Меня пугает внезапный телефонный звонок, и я подпрыгиваю на стуле, ударившись коленями о столешницу. Дьявол, когда я только успела сделаться такой нервной?

На экране высвечивается номер главного редактора. Меня охватывает раздражение. Я ведь просила у него отгул, не должен был забыть. Но "Синяк", так мы с коллегами между собой называем Арсения Игнатовича, никогда не звонит просто так. В основном только, чтобы отчитать или загрузить дополнительной работой. Лично меня он частенько раздражает из-за своей экспрессивности и откровенного хамства.

Невольно грею мысль проигнорировать звонок: ни к чему лишний раз портить себе настроение. Но любопытство берёт верх. Надеюсь, не пожалею об этом.

— Да, Арсений Игнатович? — с наигранным дружелюбием отвечаю я, готовясь услышать привычный повышенный тон. Что тебе от меня понадобилось?

— Алло, Лера, ты где? — спрашивает он без каких-либо приветствий.

Тяжело вздыхаю и натянуто отвечаю:

— Меня нет в городе. Помните, я же предупреждала, что мне нужно уехать по семейным обстоятельствам?

И без того слащаво-высокий голос едва не срывается на писк:

— Ничего не знаю! Долго ты ещё будешь пропадать? Мне срочно нужно готовить к печати новый выпуск, а эти идиоты не справляются! Нужны все, понимаешь? ВСЕ!

Мне приходится убрать телефон от уха, чтобы не оглохнуть. Что ж, всё как обычно: запарки у нас в редакции случаются на постоянной основе. И Синяк ходит каждый раз с ума, как будто ответственен за самый престижный журнал в мире. А ведь это просто развлекательная макулатура.

— Простите, Арсений Игнатович, но я отпрашивалась на неделю, — устало напоминаю я. Потом, немного задумавшись, прикидываю сколько времени ещё осталось. — И, возможно, буду вынуждена попросить у Вас ещё пару дней отгула. Не успеваю разрешить проблему.

Он на мгновение замолкает, потеряв дар речи.

— И думать забудь, Арсенева! — рычит в трубку главный редактор. — Чтобы в понедельник была как штык! Либо можешь скинуть мне на почту готовую статью. К ПОНЕДЕЛЬНИКУ! Но возьмишь на себя ещё колонку о советах домохозяйкам. Так что в итоге жду от тебя две статьи, и гуляй дальше! Если не напортачишь, конечно!

Я закатываю глаза. Отлично! Теперь у меня в два раза больше работы. Ладно, черновик собственной статьи подготовила ещё до поездки. Нужно только исправить пару моментов. Я веду новостную колонку, но чаще предпочитаю писать о событиях, произошедших в разное время. Которые меня реально интересуют. Часто роюсь в архивах, собираю данные, просматриваю статистику, списываюсь с экспертами в той или иной области. Несколько раз даже доводилось брать интервью у известных личностей. Но советы домохозяйкам? Серьёзно?

— Хорошо, будет сделано! — нехотя соглашаюсь я.

Нахватаю по чуть-чуть с разных порталов, перефразирую. Главное, не быть банальной. И потянет. Всё-таки я люблю свою работу и не хочу, чтобы потенциальные читатели теряли интерес к журналу. Многие покупают его только ради отдельных колонок. Постараюсь не подвести. Правда.

— Вот и отлично, тогда жду статьи!

С этими словами он сбрасывает звонок. Разговор длился всего пять минут, но настроение уже безнадежно испорчено. Я оплачиваю кофе и оставляю щедрые чаевые: пусть хоть у кого-то сегодня будет повод для радости.

На улице попадаю под ливень. Ворча себе под нос, добегаю до машины. Курить приходится в салоне, но предварительно открываю окно. Наблюдаю, как холодные капли залетают внутрь и разбиваются о внутреннюю обивку и край кресла. Затем отправляюсь в библиотеку, размышляя о том, какие советы могут реально пригодиться для облегчения работы по дому. Дождь сопровождает меня всю дорогу.

8. Архив

Маршрут до Городской библиотеки хорошо помню без GPS-навигатора. В школе нас иногда водили сюда на некоторые мероприятия, читательские кружки и на экскурсию. Особенно в младших классах.

Выглядит библиотека неказисто: на первый взгляд можно запросто спутать с обычным жилым домом. Да и путь лежал через дворы. Так было короче и безопаснее: меньше риск, что кто-то из детей вздумает выбежать без разрешения на дорогу. Зато внутри, насколько я помню, всегда было по-хорошему уютно. И в распоряжении персонала ещё более десяти лет назад числилась достойная коллекция книг разных изданий. Помню даже несколько раритетов.

Я паркуюсь рядом с обшарпанным домом, на котором висит крупная табличка с именованием улицы "улица Теней". Очень поэтичное название. Вдоль узких тротуаров высажено так много кустарников и деревьев, что они и правда отбрасывают широкую тень на дорогу. Возможно, это послужило вдохновением при выборе названия.

Перед тем, как зайти в здание, привожу телефон в беззвучный режим. Я не частый гость в библиотеках, но кое-что усвоила: шум там не приветствуется. Противный дождь успеваешь намочить волосы. Похоже, пора всерьёз задуматься о приобретении зонта. Через мгновение я оставляю весь негатив снаружи.

Попадаю в хорошо освещённый вестибюль. Без проблем нахожу гардеробную, но сперва направляюсь к стойке регистрации. Не очень хочу проходить этот нудный процесс, но иначе мне будет отказано в доступе к данным архива. Откидываю назад мокрые волосы. Холодные капли стекают за воротник.

Улыбчивая женщина просит предоставить соответствующие документы. Пока она приступает к оформлению читательского формуляра, мне предстоит ознакомиться с "Правилами пользования библиотеки". В ближайшие несколько минут это становится моим единственным занятием. Что-то из самых важных пунктов женщина озвучивает сама, как бы акцентируя моё внимание. Я лишь согласно киваю.

Когда меня спрашивают для каких целей я пришла, открыто отвечаю, что работаю журналисткой и собираю информацию для будущей статьи. Это, похоже, очень заинтересовало библиотекаря, но она не задаёт больше вопросов, пока мы не завершаем регистрацию. В конце я подписываю все документы и получаю читательский билет. Вкладываю его в паспорт и засовываю в сумку.

Теперь библиотекарь предлагает помощь в поисках необходимой литературы. Просит рассказать подробнее о моём исследовании. Я прошу предоставить мне доступ к старым архивным данным: газетам и журналам. Желательно за последние двадцать лет. А лучше и к более давним выпускам. Нужно проследить происходило ли в Мортиморе что-то странное за эти годы.

— В таком случае, Вам лучше поговорить с архивариусом! — миловидно предлагает женщина и указывает на соседний зал. — Подождите, пожалуйста, в читальном зале. Это займёт всего несколько минут. А я пока найду Карину Степановну.

Я соглашаюсь с натянутой улыбкой и прохожу через овальную арку. Предварительно оставляю пальто в гардеробной. Читальный зал представляет из себя просторное помещение, но исключительно в рамках такого маленького городка. Я видела библиотеки и побольше.

Много свободных парт, как в учебных аудиториях. У стен возвышаются стеллажи с книгами. В просмотре зала замечаю подборку изданий по определённой тематике. Все они разделены по жанрам. В основном классика и школьная литература. Но есть отдельная категория современных популярных изданий.

Наш школьный учитель литературы называл такие книги "развлекательным чтивом". Он всегда пытался подсадить нас на классику и в красках описывал задумки знаменитых писателей и поэтов. Но я всегда придерживалась иного мнения. Читать предпочитала исключительно подростковую фантастику. И, по моему мнению, глупо навязывать кому-то свою позицию. Хорошо когда человек читает, и неважно классика это или сказка о магах для подростков. В любой книге можно почерпнуть что-то полезное. Не всем обязательно должна нравиться классическая литература. Это лишь показатель высокой образованности и добавляет пару очков к становлению личности.

Я с любопытством рассматриваю обложки разнообразных книг и томов. Посетителей немного, но каждый обращает на меня внимание. Видимо, никогда к этому не привыкну. И хоть я уже не раз посещала библиотеки Таганрога в поисках нужной информации, для меня это чужой мир. Он принадлежал Герману. Он часто приходил сюда без меня. Я попросту не могла долго сидеть в этих стенах. У меня были другие увлечения.

Я медленно прохожусь до ближайшей свободной парты и касаюсь пальцами спинки стула. Представляю, как Герман сидел здесь много лет назад и с упоением читал своего любимого Чехова, или Достоевского, или Дюма. Помню, с каким восторгом рассказывал о романе Жюль Верна "Таинственный остров". Но я так и не прочитала. А жаль. Может, стоит взять экземпляр когда вернусь в Таганрог. Возможно, теперь я достаточно созрела, чтобы понять любовь лучшего друга к печатным изданиям.

Невольно задумываюсь когда вообще он в последний раз приходил сюда. Вряд ли с окончанием школы прошла и любовь к литературе. Какие-то книги брал домой, но мог сохранить привычку проводить время в стенах библиотеки. Герман объяснял это тем, что здесь всегда спокойно, можно отдохнуть от мирских проблем и открыть для себя что-то новое. Да, без него библиотека уже не та...

Вскоре в читальный зал возвращается библиотекарь в компании миниатюрной женщины с короткой стрижкой. Волосы пепельные, а на лице заметны возрастные отпечатки, оставленные временем. Обе подходят ко мне с приветливыми улыбками.

— Добрый день, меня зовут Карина Степановна! — приглушённым голосом представляется женщина с короткой стрижкой. — Я заведу архивными данными библиотеки. Как я могу к Вам обращаться?

— Можно по имени. Валерия. — так же приветливо отвечаю я.

Она награждает меня широкой белозубой улыбкой:

— Или Лера? Можно?

— Да, конечно!

На самом деле для меня это несущественно. Пусть называет как хочет, лишь бы помогла найти то, что мне нужно.

— Что ж, Лерочка, давай тогда спустимся в подвал. Там расположены все наши архивы.

Карина Степановна уводит меня из читального зала. Замечаю на её ногах симпатичные балетки. Смотрятся довольно странно, если обратить внимание на её возраст. А ещё она, как минимум, на голову ниже меня и очень худенькая.

Мы спускаемся в подвал, где нас ожидает, по моему мнению, самая ценная коллекция

данных из всего ассортимента. По пути Карина Степановна расспрашивает меня о исследовании и будущей статье. Я отвечаю без преувеличений, насколько это возможно. Рассказываю в каком издательстве работаю и какие статьи пишу. Она очень впечатляется моими ответами. Обещает приобрести несколько выпусков для библиотеки. Журналы здесь тоже бывают.

В подвале заметно холоднее, чем в читальном зале. Здесь строго соблюдается температурный режим, необходимый для длительного сохранения ценных изданий: в основном самых редких и старых.

Карина Степановна уверено ведёт меня между стеллажей куда-то в глубь архива. Я не успеваю толком смотреть по сторонам. Здесь, наверно, хранятся тысячи книг. Все расположены в строгом соответствии с библиотечно-библиографической классификацией. Ряды полок тянутся по длинным коридорам. Только опытный библиотекарь может без труда найти нужные книги.

Под газетные выпуски отведён отдельный стеллаж. Они хранятся в картонных коробках, подписанных чёрным маркером. С тоской подмечаю, что все коробки полностью набиты. В них по меньшей мере сотни аккуратно сложенных газет. Придётся потратить много времени. Но я и не надеялась, что будет легко.

— За какой период охватываем поиски? — интересуется Карина Степановна. Она бережно смахивает с коробок несуществующую пыль.

— За несколько последних десятилетий. — отвечаю я, пробегаясь глазами по датам.

Миниатюрная женщина ориентируется за считанные секунды и передаёт мне увесистую коробку. В ноздри тут же ударяет запах старой бумаги.

— Вот, Лерочка, это от начала двухтысячных и до две тысячи десятого года! — поясняет она. — Ты возвращайся пока в читальный зал, а я попозже принесу другие коробки. Найдёшь дорогу?

— Д-да! — неуверенно отвечаю я. — А Вам не будет тяжело?

Карина Степановна лишь махнула рукой:

— Да брось, ерунда! Вот если бы ты могла выразиться конкретнее, можно было бы значительно сузить диапазон поисков. А так материала много, придётся покопаться.

— Ничего, меня это не пугает! — хмыкаю я. — Что может быть сложного в бумажках? Я и сама не знаю, что конкретно ищу, но пойму если увижу.

— Хорошо, удачи в поисках!

Обменявшись милыми улыбками, я шагаю к выходу через длинные стеллажи. Прижимаю к себе заветную коробку. А сама с тоской думаю, что просижу здесь весь день. В любом случае, не повредит сделать потом перерыв на ланч. Поблизости вроде видела закусочную: блины, шаверма. Шаверму не признаю, но вот от блинов с творогом не откажусь.

В читальном зале занимаю парту в отдалении от всех и выгребаю на стол содержимое коробки. Газеты оставляю стопками в несколько рядов. И начинаю просматривать старые выпуски, прочитывая заголовки. Ненужное сразу складываю обратно в коробку. Тишину нарушает только шуршание бумаги.

Когда больше половины газет оказывается в коробке, Карина Степановна приносит ещё одну. Начинаю думать, что за этот отрезок времени не обнаружу ничего по-настоящему стоящего. Но всё же просматриваю до конца. Перед глазами мелькают только скучные заголовки. Ничего кричащего или таинственного. Мероприятия, выставки, ежегодная

ярмарка, конференции, открытия памятников, реставрации, туристы. Верно, даже о туристах не забыли написать, это же невидаль для этой глуши! Ещё много рекламы.

Не замечаю как пролетают следующие часы. Не успеваю даже просмотреть половину второй коробки, как парта уже ломится от новых. Глядя на всё это изобилие, понимаю, что необходимо сужать диапазон поисков.

И тут меня осеняет: Карина Степановна годами собирает газетные выпуски и архивирует. Возможно, она всё же сможет мне помочь, и я не уйду с пустыми руками. Плюс у библиотеки должны быть электронный каталог и картотека. Можно воспользоваться ключевыми словами: хоть как-то ускорить нудную работу. Обычно я люблю собирать информацию по крупицам, но сейчас не располагаю должным временем. Синяк ждёт свои статьи, Алису отпросила из школы всего на неделю. И я не могу задержаться дольше, чем на несколько дней.

Обречённо зарываюсь пальцами в волосы, надеясь сбросить с себя невидимое напряжение. Голова тяжелеет, меня клонит в сон. Делаю небольшой перерыв и занимаю себя тем, что наблюдаю за другими посетителями. Они уже давно потеряли ко мне интерес. На последней парте сидят два школьника. Оба уткнулись в одну книгу. Наверное, для учёбы, хотя в век интернета? Не важно! Замечаю ещё пару молодых ребят. Если эта обстановка их расслабляет, то флаг им в руки. Меня уже воротит от этого места. Подавляю желание выйти покурить. На улице не намного лучше из-за дождя.

Позади мелькают две фигуры. Без особого интереса наблюдаю, как женщина со стойки регистрации провожает до дверей пожилого мужчину. Выглядит довольно неплохо, тщательно ухаживает за волосами и длинной бородой. Судя по всему, он не простой читатель. На прощание мужчина мягко касается плеча собеседницы и летящей походкой покидает здание. А я вновь уткнулась носом в черно-белый печатный мир.

Карина Степановна возвращается в читальный зал и с облегчением ставит на соседнюю парту очередную коробку. Они уже занимают всё пространство.

— Последняя! — предупреждает она. — Есть и более давние выпуски, но они уже слишком стары, и я не могу предоставить их для работы. Если только в электронном формате.

— Надеюсь, так далеко мне не придётся заходить! — вздыхаю я. Она явно чувствует мою усталость.

— Может, всё же нужна помощь? — с энтузиазмом предлагает женщина. — Вместе процесс пойдёт быстрее.

— На самом деле Вы очень поможете, если сможете вспомнить, не происходили ли в Мортиморе или поблизости какие-нибудь необычные случаи! — с надеждой в голосе признаюсь я.

Карина Степановна задумывается, словно силится вспомнить. Тонкие пальцы потирают тыльную сторону ладони.

— Необычные случаи? — задумчиво переспрашивает она.

— Да: нападения, убийства или странные приезжие. Возможно, даже катаклизмы, если было.

В миндалевидных глазах вспыхивает любопытство.

— Теперь, кажется, начинаю понимать тематику твоей статьи, Лера! — с лёгкой улыбкой подмечает Карина Степановна. — На самом деле у нас всё спокойно. Ничего такого, что заслуживало внимания прессы. Разве что в восьмидесятых припоминаю

серийные нападения, но не в городе, а в радиусе десяти километров от него. Помню это даже не по газетам: слухи о серийном убийце разлетались по Мортимору очень быстро. Честно говоря, даже не берусь судить, что из этого было правдой.

Я моментально оживляюсь и уже начинаю искать нужную коробку. Попутно интересуюсь:

— Его в итоге нашли?

Она медленно качает головой:

— Нет, сам куда-то исчез спустя несколько лет. С тех пор не было никаких нападений. Никто не знал ни личность, ни мотив. А, может, милиция не разглашала.

— Вы очень мне помогли! — радостно улыбаюсь я.

— Если хочешь, могу поискать упоминания в электронной базе. Но я почти уверена, что был всего один эпизод.

— Буду очень благодарна! Лучше перепроверить.

— Хорошо, Лерочка, тогда сейчас этим займусь!

Карина Степановна награждает меня улыбкой и покидает зал. Я уже увлечена поисками. Руки немного дрожат от предвкушения. Отодвигаю всё лишнее и выгребаю содержимое коробки за 80-90-е года. Почему-то теперь почти уверена, что двигаюсь в правильном направлении.

И правда: заголовки о загадочных исчезновениях и убийствах не раз мелькают во многих выпусках. В Мортиморском лесу найдено тело женщины... Пропали двое туристов. Нападение диких животных?... Прокуратура Мортимора начала проверку после ещё одного исчезновения... В общей сложности я насчитала десять случаев. Удивительно, что эту информацию не помещали на первую полосу, а печатали чуть ли не после расписания программы телевидения. Наверняка хотели избежать лишней огласки и паники. Просматривая статьи, начинаю понемногу понимать, что в этом была необходимость. Или всё же нет?

Нападения совершались исключительно на туристов и проезжих. Ни одного моего земляка не тронули. Кто-то исчезал бесследно, а кого-то находили с признаками насильственной смерти. Я тщательно всматриваюсь в чёрно-белые фотографии. Не везде удавалось раздобыть фото жертв. Чаще всего на страницу помещали снимок с места преступления. В некоторых случаях и сами тела, если всё было прикрыто. Но мне всё равно становится жутко.

В статьях упоминается мало подробностей: в основном выражается мнение властей и полиции. Преступника обещают найти, и это обещание повторяется до тех пор, пока подобные новости внезапно не исчезают со страниц газет. Отмечаю, что нападения совершались в начале осени. На всякий случай фотографирую каждую статью.

У меня остаётся много вопросов. Из того, что мне удалось узнать, почерк убийцы отличается от случая с Германом. Да и прошло уже слишком много времени. Нападали на туристов — здесь Герман тоже не подходит. Пока удалось обнаружить лишь два сходства: место нападения и период. Всё случилось в нашем лесу. Новости о нападениях пропали где-то ближе к наступлению октября. В этот промежуток времени и погиб Герман. Никого не подвешивали на дереве, либо просто не раскрыты важные подробности. Возможно, имеет смысл попробовать переговорить с родственниками погибших, но на их поиски понадобится время. Пока придержу эту мысль в голове.

Итак, десять нападений за один месяц... Мне не нужно соответствующее образование,

чтобы понять: это слишком много. И при этом полиции удалось избежать всеобщей паники и глобализации распространения информации в СМИ. По какой-то причине всё замяли. Мог ли Герман искать информацию об этих случаях, за что его попросту убрали, подстроив такой ужасный случай? Но кто мог совершить такое? В Мортиморе орудует преступная группировка?

Пока раздумываю над этими вопросами, просматриваю криминальную сводку. Разумеется, почти не нахожу информацию об этих исчезновениях. Всё изложено кратко. Зато приложены сканы газет. Случайно натыкаюсь на фото одной из жертв. Лица не видно, как и других повреждений. Вижу только спутанные волосы и неестественную позу. Долго рассматриваю фотографию, словно надеюсь обнаружить такие же следы на шее, как у Германа. Ничего не видно из-за качества снимка. На всякий случай делаю скрин. Читаю информацию о жертве.

Остроухова Ирина Григорьевна, 29 лет. На момент убийства проживала в Ростове. Тело было обнаружено 10 сентября 1983 года возле таганрогского шоссе. Обстоятельства смерти не разглашаются.

По каким причинам соблюдается такая секретность? Мне необходимо порыться в личных вещах Германа. Я почти уверена, что у него есть то, что я ищу. Но вновь напоминаю себе, что оно того не стоит. Я и так в прошлый раз расстроила Елизавету Аркадьевну. Поэтому, стиснув зубы, принимаю решение довольствоваться тем, что имею.

Спустя пол часа ко мне подходит Карина Степановна. Передаёт несколько распечатанных страниц. Пока я бегло просматриваю их, она поясняет:

— Из таких страшных дел мне удалось найти только три случая. Пьяный мужчина зарубил собутыльника в девяносто пятом году. Подробностей хватает, можешь почитать. Я лично стараюсь избегать подобных новостей. Затем ещё более страшное событие: отчим убил падчерицу и сбросил в старый колодец. Это было, по-моему, где-то в двух тысячных. Бедная девочка, совсем малышка... И пожар в 2015 году. Частный дом сгорел на улице Нойта. К счастью, никто не погиб, но есть пострадавшие.

По её тону я понимаю, как ей неприятны эти темы. И благодарно улыбаюсь, вкладывая в свою улыбку понимание. Эти события мало привлекают моё внимание. Не думаю, что они связаны с серией нападений и Германом. Даже в газете оставила статью о пожаре без должного внимания. Но на всякий случай сохранию распечатки.

Значит, известно только об одной серии нападений, произошедших в 80-х годах. Дальше относительное затишье. Идей у меня мало. Остаётся только попробовать найти побольше информации об этих случаях. И просмотреть письма. Возможно, эти события никак не связаны с Германом, и я не там копаю. Надеюсь, он оставил хоть какую-то зацепку.

— Вы говорили, что слухи об убийце ходили тогда по всему городу! — задумчиво напоминаю я, пытаюсь сложить в голове сложный пазл без достающих деталей. — Но почему об этом так мало информации? И о погибших людях будто совсем забыли уже спустя месяц.

Библиотекарь-архивист неопределённо повела плечами. Мне показалось, что этим движением она пытается скрыть напряжение.

— Время тогда было непростое, Лерочка! — расплывчато поясняет она. Я внимательно всматриваюсь в её лицо, словно провожу допрос. — Кризисы один за другим. Мортимор лишь позднее начал процветать. А тогда люди могли жить только на то, что сами вырастили на своём огороде. Почему наши люди так чтят ежегодную ярмарку? Да потому что помнят о трудных временах. Тогда всем было не до серийных убийц. И власти старались не наводить

панику.

— Как думаете, убийцу поймали?

— Ох, будь это так, то об этом точно заявили бы публично! — качает головой Карина Степановна. — Мой тебе совет, Лерочка, будь осторожна в поисках ответов. Прошло пол века, но власти и сейчас не захотят ворошить прошлое.

— Искать ответы моя работа! — усмехаюсь я, чтобы разрядить обстановку. — Не люблю использовать искажённые факты. В любом случае, думаю, пока этого достаточно.

Возможно, мне показалось, но женщина с облегчением выдыхает.

— Рада, что смогла помочь! Надеюсь, ещё увижу тебя вновь.

— Всё может быть, — отвечаю я и бегло смотрю на часы. — Давайте помогу перетащить всё это в подвал.

Затем я желаю персоналу хорошего вечера и покидаю библиотеку. Ухожу самая последняя: гардеробная уже опустела. В общей сложности просидела практически до закрытия. На ужин опоздала, но, когда возвращаюсь домой, чувствую ещё не выветрившийся аромат картошки с мясом.

Оставив верхнюю одежду в прихожей, хочу первым делом узнать как дела у Алисы, но обнаруживаю её спящей. Оказывается, заснула пока смотрела фильм с бабушкой и дедушкой. Они уже успели переложить её в кровать и укрыть одеялом.

— Будешь есть? — почти шёпотом спрашивает мама.

Я киваю. Она решает сама за мной поухаживать и идёт на кухню. Буквально через пару минут понимаю, что это лишь предлог. По её лицу сложно что-то понять: мама всегда была непредсказуемой. Но я догадываюсь, что она чем-то изрядно обеспокоена.

— Лера, где ты пропадаешь целыми днями? — начинает она сыпать вопросами ещё до того, как я успеваю отправить в рот первую ложку. Устало опускается на другой край дивана. — Я, конечно, всё понимаю, ты уже большая девочка и не обязана отчитываться перед нами. Но ты не была здесь столько лет. А мы тебя почти не видим.

— Дела накопились. — неразборчиво бормочу я с набитым ртом.

— Какие ещё дела?

Какое-то время я молча жую. Рассматриваю узор на столе, перевожу взгляд на старенькую микроволновку. Мне не нравятся эти вопросы, но не могу отрицать, что мама права. На её месте меня тоже волновало бы чем занимается моя дочь. Вот только правда ей не понравится.

— Мама, только не нервничай и послушай! — предупреждаю я, надеясь избежать прямой конфронтации. — Ничем таким я не занимаюсь. Просто пытаюсь разобраться в том, что произошло с Германом.

Она заметно бледнеет, но, видимо, не удивляется моему признанию. Сама уже давно догадалась. Теперь попытается меня переубедить.

— Зачем тебе это, Лера? — бесцветным голосом интересуется она. — Он сам это сделал... Даже думать о таком страшно, не то что обсуждать!

— Мне важно узнать причины! — поясняю я и отправляю в рот очередную ложку. Медленно прожёвываю. Всё это время мама лишь вздыхает, хватаясь за сердце. — Брось, мам, не перегибай! Вот почему и не хотела ничего говорить. Ты слишком близко к сердцу всё воспринимаешь.

— Ничего я не воспринимаю! — отмахивается она. — И вообще это не наше дело! Да, вы дружили в школе, но прошла уже целая вечность. Зря я вообще тебе рассказала, наверное.

Я раздражённо кладу ложку и поднимаю на неё твёрдый взгляд:

— Не рассказала бы, я всё равно рано или поздно узнала. И уже сама перестала бы с тобой говорить. Близки-не близки, но о таких вещах важно знать и говорить. Спасибо, что приняла правильное решение.

— Да что толку? — расстроено вздыхает мама. — Ты теперь вон как одержимая.

— Разве?

— Видела бы себя со стороны! Как смерть бледная вся. Где ты ищешь свои ответы, дочка? Уж не нарушаешь ли закон?

Частично она права, но я предпочитаю умолчать о деталях. И отвечаю размыто.

— Mam, считай, что собираю информацию для будущей статьи. И не делаю больше, чем мне дозволено.

— Да я о другом переживаю!

— О чём же?

Она не надолго замолкает, словно боится говорить. Я в это время ковыряю ложкой в тарелке. Аппетит совсем пропал.

— Эти причины, что ты ищешь, — сглотнув, произносит мама. — Боюсь, что они и тебя не доведут до добра. Может, лучше оставишь это и поедешь с Алисой обратно? Мортимор явно не идёт на пользу вам обеим.

— Уже выпроваживаешь? — усмехаюсь я.

— Нет, что ты! Мы с отцом лучше сами к вам приедем как-нибудь.

Я киваю. Понимаю о чём она говорит. На какое-то время её слова заставляют меня задуматься. Мои поиски и правда меняют меня, либо это лишь мои предубеждения. Я становлюсь нервной и, как выразилась мама, одержимой, но вместе с этим новые зацепки захватывают меня и на шаг приближают к истине. Не люблю бросать дело на пол пути.

Мягкий голос отца отвлекает меня от размышлений. Я перевожу на него взгляд. Он стоит в дверях и почёсывает подбородок.

— Что вы тут не поделили? — спрашивает он, уловив наше общее настроение. Либо услышал перепалку.

Мама выразительно указывает на меня, как на виновницу всех грехов.

— Лерка совсем с ума сошла! — взволнованно жалуется она. — Решила поиграть в следователя. Не даёт ей покоя смерть Германа! Господи прости, чтоб и на нас ненароком не навлекла никаких грехов!

— Ты перегибаешь, Вера!

Отец моментально теряет интерес к нашей ссоре, но принимает мою сторону. Меня это радует. Но мама только сильнее заводится.

— Ты только сам подумай до чего её могут довести эти поиски!

Я закатываю глаза:

— Дайте мне всего несколько дней! Потом я оставлю это и уеду.

Мама хочет возразить, но папа её опережает:

— Оставь её в покое, Вера! Лера уже взрослая. Пусть поступает как хочет.

— Прислушайся к мудрому совету, мама! — усмехаюсь я и благодарно добавляю. — Спасибо, пап!

Он улыбается и наливает себе стакан яблочного компота. Мама явно недовольна, но принимает решение не спорить.

— Как хочешь! — недовольно ворчит она. — Но не говори потом, что я тебя не

предупреждала.

— Договорились.

На этом и закончили дискуссию. Через силу доедаю, затем мою за собой посуду. Чувствую накатившую усталость, но перед сном хочу поработать над статьями. Пробираюсь в комнату и осторожно нахожу среди вещей ноутбук. Перебираюсь на кухню, чтобы не мешать Алисе.

Следующие пару часов сижу за работой, редактируя и собирая информацию. Заканчиваю, когда стрелка на часах переваливает за три часа ночи. Все давно спят. Сонная, я отправляюсь в кровать. Пожалуй, душ приму утром.

9. Что скрыто в письмах

Я встаю под струю прохладной воды и чувствую, как кожа покрывается мурашками. Какое-то время предпочитаю ни о чём не думать. Выдавливаю на ладонь шампунь, затем неспешно массирующими движениями втираю его в кожу головы. Он быстро пенится. Вдыхаю приятный цветочный аромат.

Утренний душ бодрит меня, и к концу водных процедур чувствую себя обновлённой. Накидываю халат и ещё какое-то время тщательно промакиваю волосы махровым полотенцем. Смотрю в запотевшее зеркало.

Сегодня в моём распоряжении целый день, поэтому не тороплюсь. Родители предложили взять Алису в гости к хорошей подруге мамы. У её сына сегодня день рождения. На празднике будут присутствовать дети приблизительно одного возраста с Алисой. Мне не слишком понравилась эта затея, но родителям я доверяю. К тому же, знаю бабу Ньюру, так я её называю, ещё с пелёнок. И живёт на Тиморской улице, буквально в соседнем доме.

Я от предложения отказалась. Маме это не понравилось, но папа убедил её не драматизировать. Я успокоила её, пообещав, что сегодня весь день буду дома. Кажется, это помогло. А с Алисой договорилась вечером посмотреть кино и позволить друг другу объедаться чипсами. Слишком стыдно, что я вот так пропадаю. Хочется хотя бы пару часов в день уделять ей.

Я неспешно двигаю на кухню, наслаждаясь временным одиночеством. Под диваном замечаю Леди. При виде меня она поднимает голову и радостно машет хвостом. Наклоняюсь и ласково чешу её за ухом.

— Ну, что ты тут лежишь одна, или расстроилась, что тебя не взяли? — мягко шепчу я. Пальцы мнут густую шерсть. — Мы до вечера вдвоём. Не грусти, скоро пойдём гулять.

Леди будто понимает и нетерпеливо скулит. Я невинно развожу руками:

— Не идти же на пустой желудок. Сейчас и тебе что-нибудь найдём.

Я вываливаю в её миску мясной паштет и ставлю прямо под диван. Пока она с аппетитом поглощает еду, заправляю кофеварку и варю кофе. Всего через несколько секунд кухня наполняется кофейным ароматом. Дополняю свой завтрак парочкой блинчиков, которые обнаруживаю в холодильнике. Их подогреваю в микроволновке. Внутри начинка из творога, как я и люблю. Позволяю себе расслабиться и насладиться трапезой.

Покончив с завтраком и убрав за собой, начинаю понемногу собираться. Леди уже перебралась в прихожую и с нетерпением ждёт меня. Выглядываю в окно. Там всё такая же серость. Накидываю первое, что попадает под руку. Перед уходом в последний момент вспоминаю, что нужно причесаться. Вполне неплохо выгляжу.

Выпускаю Леди во двор. На всякий случай сую в карман пальто поводок: не уверена, что она будет меня слушаться. Но Леди ведёт себя превосходно. Это радует. Прохожу мимо своей машины и на ходу стряхиваю опавшие цветки сирени. Спешу за своей компаньонкой.

Через час мы, вдоволь нагулявшиеся, возвращаемся домой. Я немного замёрзла к концу прогулки, так что первым делом, после того, как отмываю Леди лапы, делаю себе горячий чай с каплей мёда. Он быстро согревает.

Теперь наконец-то добираюсь до писем. Вываливаю на кровать всё, что есть в коробке. Сортирую вскрытые и запечатанные. Торопливо просматриваю содержимое. Если перечитывать все, то это надолго. Поэтому принимаю решение начать со стопки

нераспечатанных писем. Просматриваю даты отправки и с удивлением обнаруживаю, что самое последнее письмо было отправлено всего год назад. Тогда мы с Германом уже давно не общались. Удивляюсь, как оно вообще умудрилось попасть ко мне. Неужели Герман как-то вычислил мой новый адрес?

Вскрываю конверт, устраиваюсь поудобнее и начинаю читать. Леди в это время запрыгивает ко мне на кровать и ложится рядом. Одной рукой поглаживаю её по спине. Сразу замечаю, что это письмо отличается от предыдущих. Герман словно был чем-то взбудоражен. Это отображается в почерке.

Пробегаю глазами по вступительной цитате:

«Однажды на белой бумаге с синими строчками он написал стихотворение. И назвал его "Осень", потому что тогда было то время года. О ней и был весь стих».

Сразу узнаю эту цитату. Я прочитала роман Стивена Чбоски "Хорошо быть тихоней", когда мне было шестнадцать лет. На тот момент это было лучшим, что мне доводилось читать. Я переживала все эмоции главного героя и пропускала через себя. Помню, неделю говорила только об этом, не останавливаясь. Герман к концу недели знал книгу наизусть, даже не прочитав и строчки. Пыталась убедить его прочесть. Уверяла, что это лучшая в мире книга. Но он отказался. Сказал, что не сможет смотреть на проблемы героя через призму адекватности. И это может его поглотить.

Используя именно эту цитату, он, видимо, хотел отдать дань общему воспоминанию. Тогда действительно была осень. Самым ярким моментом для меня из того периода остаётся запланированный поход в лес. Только мы в вдвоём. Герман хотел показать необычное дерево. Мы всегда любили лазить, где только придётся. Не боялись ободрать кожу или повредить ногу. Тогда всё было просто и понятно.

Мы шли по лесной тропе, шалыгая опавшие листья. Я настойчиво доносила, как тяжело американскому подростку в старших классах. Герман терпеливо слушал. Изредка показывал красивые листья и большие грибы. Ещё помню, что на мой день рождения он подарил мне печатное издание "Хорошо быть тихоней". Я до этого читала в электронном виде. Долго визжала от радости. До сих пор храню у себя дома.

Вдоволь отдавшись воспоминаниям, я прочитала письмо, пока перед глазами стоял осенний лес:

«Раньше я обожал раннюю осень, но постепенно перестал ощущать прежнее удовольствие. Я вижу грязь, которую она приносит с собой. Не только на улицах: я вижу её в людях. Мне не раз говорили, что я очень странный, но сами не понимают, что это я вижу их суть. Странные? Нет, скорее, лживые и порочные.

Мортимор перестал быть таким, как прежде. На днях пропала маленькая девочка. Не знаю её имени, но, по-моему, она учится в первой школе. Сработано незаметно: просто не вернулась из школы. И вот уже третий день об этом не пишут в газетах. Люди будто хотят сделать вид, что её никогда не было. Как я узнал об этом? Знаком с её отцом. Дело мутное. Говорит, полиция ломается, просит не поднимать шумиху. Обещают найти. Думают, заблудилась или связалась с плохой компанией. Знаешь какие дети сейчас пошли? Но она была не из таких, та девочка. Друг говорит, учится на отлично. Обожает рисовать, как я когда-то. А когда вырастет, мечтает стать врачом, как мама. Спасать жизни, понимаешь?

Да, я обещал тебя не тревожить, но у меня нет выбора. Ты работаешь в издательстве. Я видел твои статьи: очень талантливо и профессионально. А, главное, правдиво. Я прошу тебя написать об этом случае в своём журнале. И не только об этом: я много чего могу

рассказать. Подозреваю о коррупции в городе. Но, по-моему, это лишь малая часть. Есть что-то страшное и более опасное. Если придать это дело огласке, всё может, наконец, всплыть. Свяжись со мной, и я поделюсь всеми материалами. Возможно, хотя бы тогда власти начнут шевелиться. Я не хочу жить в городе, которому плевать на своих жителей. Хочу возродить прежний Мортимор. Но не знаю, был ли он когда-то иным. Мы были детьми, Лера, и многого не понимали. Я буду копать и дальше. Тебе останется только написать статью. Пожалуйста, ответь мне.

С нетерпением жду ответа, Герман»

Твою ж... Герман! Руки начинают дрожать, и я не могу это контролировать. Значит, Герману была нужна моя помощь, а я даже не потрудилась прочитать письмо. Видимо, сразу убрала его в дальний ящик. Времени не было. Силюсь вспомнить чем тогда я была занята, раз даже не помню, как оно оказалось у меня. Много работала. Своё место в редакции получилось заработать далеко не сразу. Но более явная причина: не хотела возвращаться к тому от чего когда-то ушла. Переписка, мнимая связь. Когда надо было просто приехать хотя бы раз. Поговорили бы, провели вместе время. Кто знает, возможно, всё сложилось бы по-другому.

Мне требуются усилия, чтобы подавить внезапное отвращение к себе. Чувствую, как щиплет внутри от чувства вины перед Германом и этой девочкой. Удалось ли её найти? На автомате достаю ноутбук и начинаю искать информацию об этом случае. Но мысли блуждают вокруг письма. Леди удивлённо поднимает голову и выглядывает на меня так, словно знает обо всех моих пороках. Неужели вижу осуждение в её глазах?

— Что? — раздражённо отмахиваюсь я. — Откуда мне было знать, что это очень важно?

Леди с минуту глядит на меня в упор своими осмысленными карими глазами. Потом лишь что-то неразборчиво кряхтит и вновь опускает голову на кровать, потеряв ко мне интерес.

Так, Лера, соберись! Потираю виски, вдавливая пальцы в кожу. Сильно зажмуриваю глаза так, что потом передо мной скачут яркие искры. Теперь ищу и ищу. Просматриваю сайты, новостные ленты, тематические группы Мортимора, хроники — нигде нет информации об этой девочке. В достоверности слов Германа не сомневаюсь, но её будто и правда никогда не существовало.

Ох, Герман, если бы ты только мог отказаться от принципов и вести блог в интернете, я смогла бы найти зацепки. А так это тупик.

Разочарованно опускаю крышку ноутбука и отставляю его в сторону. Перечитываю письмо. Возможно, что-то упускаю. Вскрываю оставшиеся письма и читаю одно за другим. Они написаны намного раньше. Соответственно, не нахожу ничего полезного. В более ранних письмах Герман даже не упоминал о своём интересе к истории города. А если точнее, к его грязным тайнам. В каких-то вскользь упоминает о подозрениях касательно некоторых дел в Мортиморе. Это похоже на конспирологический бред, но я-то теперь знаю, что он и правда что-то нарыл. Мэрия, полиция, юриспруденция, медицина и даже обычные жители — все, по его мнению, имеют тайны. Читая его домыслы, мне хочется спросить, а у кого из нас нет тайн? Очередной тупик.

Вновь беру последнее письмо. Скольжу взглядом по строчкам, а сама думаю. Случайно замечаю странный символ в углу бумаги, больше похожий на обычную кляксу. Но Герман никогда не позволял себе проявлять неаккуратность. Самое странное даже не это, а то что

этот символ мне смутно знаком. Пытаюсь вспомнить, где я видела что-то похожее. Крест внутри спирали. И тут меня осеняет.

Хватаю телефон, нахожу в галерее фото архивных газет. Листаю, пока не дохожу до фотографии одной из жертв. Внимательно всматриваюсь в снимок. Видно плохо, но на руке удаётся рассмотреть похожий знак. Герман явно оставил его не просто так. Пытаюсь прогуглить.

Нахожу похожее изображение в кельтской символике. Крест имеет множество значений, но самыми популярными являются мудрость и гармония, олицетворение моста для души, по которому она находит своё последнее пристанище. Спираль же означает развитие, изменение жизни, духовный рост. Эти символы изображены на кельтских талисманах и оберегах. Они используются для защиты, притягивают удачу и положительные вибрации. Довольно популярные символы. Их часто используют в искусстве. Вряд ли это что-то даст мне.

Почему Герман пытался акцентировать моё внимание на этом символе? Он есть на теле жертвы, но не понятно была ли это татуировка, или же дело рук убийцы. Он помешан на кельтской культуре? Знаю, что эти знаки используются ведьмами в фильмах. Например, символ трикветр или трилистник. Крест наводит меня на мысль о вампирах. На шее Германа тоже были обнаружены следы от клыков.

Чувствую, что меня начинает заносить. Устало опускаюсь на кровать рядом с Леди и задумчиво чешу её за ухом. Все мои поиски приводят только к новым вопросам. Герман никому не доверял, но если бы у меня была возможность поговорить с кем-то знающим... кто должен знать. Полиция? Нет, мне точно ничего не расскажут. Тем более, если буду прикрываться легендой со статьёй. Но было бы неплохо использовать такие связи. Попробовать.

Вспоминаю, что у меня сохранился номер Олега, моего одноклассника. Перспектива проводить с ним время меня не слишком радует, но есть шанс выведать хоть какую-то информацию. Только придётся действовать осторожно, сыграть роль. Пусть думает, что я в нём заинтересована.

Иду в прихожую и отыскиваю в кармане пальто листок с его номером. Немного медлю, но всё же заставляю себя позвонить. Протяжные гудки кажутся слишком долгими. Собираюсь отключиться, но в последний момент он берёт трубку.

— Да, слушаю? — раздаётся знакомый бархатистый голос. Мне начинает казаться, что он всегда так говорит, словно пришёл прямиком из любовного романа.

— Привет, это Лера... Арсенева! — неуверенно представляюсь я. Возвращаюсь обратно в комнату и сажусь на край кровати. — Мы виделись на днях. Ты оставил свой номер.

Секундная пауза. Потом послышался смешок. А я невольно краснею и не понимаю почему так нервничаю. Замечаю, что грызу ногти и одёргиваю себя, приказывая взять себя в руки. Видимо, не хватает опыта в свиданиях, даже если они фальшивые. Последние несколько лет в моей жизни есть только Алиса и работа. В принципе, хватает.

— Точно, Лера Арсенева! — эхом повторяет Олег, будто издевается. — Неужели появилось свободное время?

— Да, я подумала, может, встретимся завтра? — предлагаю я. Сама на ходу составляю план действий.

— За ужином?

Фу, нет, это как-то слишком интимно что ли.

— Или за обедом? — пусть изначально не думает, что между нами будет что-то серьёзное.

Он молчит, задумался. Начинаю опасаться, что передумает. Придётся тогда соглашаться на вечер. Но затем отвечает:

— Хорошо, думаю, смогу освободиться. Часа в два, окей?

— Ага, в "Меридии"!

— О как! — смеётся Олег. — Место нашей встречи, как символично.

Что-то в моей жизни появляется чересчур много символики. Собираюсь ответить, но тут слышу глухой стук в дверь. Леди зарычала и нервно вскочила. Успеваю проследить, как она бежит в прихожую с громким лаем.

— Прости, Олег, мне пора! — растерянно говорю я и иду вслед за собакой. — До завтра!

— До завтра, незнакомка! — прощается он. В голосе отчётливо ощущается улыбка, и я рада, что не вижу её.

Через секунду уже забываю об этом. Застываю в прихожей, пока Леди обеспокоенно мечется и лает. Кого это могло принести? И как они прошли через ворота?

Открываю дверь, подавляя необъяснимое чувство паники. На меня тут же повалил прохладный уличный воздух. Никого нет. Леди продолжает лаять. Я смотрю по сторонам, затем опускаю взгляд вниз. На пороге стоит небольшая коробка из-под обуви. Фирма мне знакома. Эта находка беспокоит меня ещё сильнее. Бросаю взгляд на ворота: они плотно закрыты. Кто-то принёс коробку и убежал, не забыв при этом запереть ворота? Что ещё за дурацкие шутки?

Леди ведёт себя странно: рычит, не отрывая от коробки взгляд. А когда я потянулась, чтобы поднять её, вдруг заскулила и убежала вглубь дома. Мне и самой не по себе от всего этого. Я поднимаю коробку и заглядываю внутрь, ожидая чего угодно. Кроме этого...

На меня глядит чья-то маленькая ушастая голова. Я визжу и бросаю коробку. Инстинктивно отскакиваю назад. Где-то позади лает Леди. Подойти ближе боится. Когда первый шок начинает спадать, а существо в коробке не планирует выбираться и нападать, я рискую подойти ближе и рассмотреть странную посылку.

Теперь я понимаю, что это летучая мышь. Мёртвая. Более того, я узнаю её с фотографий из интернета. Это летучая мышь-вампир. Кто мог так зло подшутить надо мной? Почему-то я уверена, что посылка предназначается мне. Это значит, что кто-то следит за мной? Неужели меня пытаются запугать таким примитивным способом?

Я опасливо обхожу коробку (на случай, если мышь вдруг очнётся и со страху нападёт) и спускаюсь на дорожку. Озираюсь по сторонам в поисках виновника.

— Кто здесь? — срываюсь на крик, не заботясь о соседях. — Чья эта шутка?

Разумеется, виновник уже убежал. Дьявол с ним, пусть не думает, что меня легко напугать. И всем своим видом показываю, что мне не страшно. На всякий случай. Но от мысли, что за мной могут наблюдать из тени, мне не по себе.

Возвращаюсь к двери и ещё раз убеждаюсь, что мышь не двигается. Почему именно она? Можно было подложить крысу или змею. Это может быть связано с укусами на шее Германа? Вдруг кто-то отчаянно пытается доказать, что это сделала летучая мышь. А ещё недвусмысленно намекает, что мне пора прекратить. Кто это сделал, я вряд ли узнаю. Но постараюсь быть осторожной. Если начнут угрожать моим близким, в особенности Алисе, я немедленно заберу её и покину Мортимор. А пока буду двигаться дальше.

Мысли о дочери заставляют меня задуматься о том, что нужно избавиться от находки, пока они не вернулись. Это оказывается сложнее, чем я думала. Страшно подходить к находке слишком близко. Безнадёжно гляжу на Леди.

— Может, поможешь? — с мольбой в голосе прошу я. — Ты ведь смелее чем я.

Но она лишь скулит и убегает в сторону комнаты. Наверняка спрячется под кровать и не захочет вылезать.

— Ну, спасибо тебе, Леди! — недовольно ворчу я.

Делать нечего, подхожу к коробке и осторожно хватаю крышку. Отскакиваю назад, словно на меня вот-вот набросятся. Спустя минуту заставляю себя приблизиться и накрыть тело животного. Теперь уже не так страшно, но когда беру коробку, мои руки предательски дрожат.

Покидаю двор и несу посылку к мусорному контейнеру так, словно эта какая-то бомба. На ходу отмечаю, что ворота и правда закрыты. Кто бы ни подложил посылку, он действовал ловко и быстро. На обратном пути невольно оглядываюсь по сторонам. Никого так и не удаётся заметить.

Возвращаюсь домой. На всякий случай запираю дверь. Последующее время я провожу на кровати в окружении писем. Не угасающая тревога отвлекает от любых занятий. Я пытаюсь искать информацию, строить версии, даже просто отвлечься на домашние дела. Но не один раз ловлю себя на том, что замираю и прислушиваюсь, не стучит ли кто в дверь или не топчется на пороге. А ещё часто смотрю в окна, опасаясь поймать взгляд таинственного шутника. Хотя какие уж тут шутки.

Но тревога постепенно угасает. А когда вечером возвращаются родители и Алиса с двумя огромными упаковками чипсов, я начинаю понемногу приходить в себя. О недавнем случае благоразумно решаю промолчать. Попробую сама разобраться, если этот некто вновь объявится.

Алисе понравился праздник. Жалеет только, что меня не было. А я лишь подумала, что это к лучшему: не хотелось бы по возвращении всей семьёй обнаружить дохлую летучую мышь на пороге. Как вспомню, аж передёргивает.

Вскоре мы всей семьёй укладываемся смотреть семейный фильм. Громкий хруст долго блуждает по комнате. Даже Леди перебирается к нам и укладывается под бок к папе. Они решили, что соскучилась. Но я больше склоняюсь к тому, что она ещё не забыла дневной случай и предпочитает быть там, где безопаснее.

Созданная атмосфера уюта и домашнего тепла постепенно наполняет меня и впервые за несколько дней по-настоящему расслабляет. Почему-то мне начинает казаться, что всё не так плохо. Я справлюсь. С этой мыслью и провожу последующие два часа, ощущая сбоку тепло, исходящее от Алисы. Мы много шутим и обсуждаем фильм. А ведь я уже успела забыть, что родители тоже умеют дурачиться.

Конец фильма приносит с собой приятную усталость. Мы по очереди умываемся, понемногу готовимся ко сну. На часах уже более одиннадцати вечера. Для Алисы слишком поздно. Но я не жалею, что так припозднились. На самом деле успела соскучиться.

По традиции укладываю её спать, как было дома. Только здесь ляжем вместе. Она сонная, часто зевает, но просит рассказать перед сном сказку. Тихим голосом описываю прекрасную принцессу и отважного рыцаря. Только в моей сказке принцесса не сидит и не ждёт, когда её спасут от ужасного дракона. Они с рыцарем помогают друг другу. Под мой монотонный голос Алиса незаметно насыпает.

Но тут нас пугает внезапный шорох. Алиса просыпается, едва заснув. Красивые серые глаза мгновенно округляются от непонимания.

— Мам, что это за звук? — полусонным голосом спрашивает она.

— Не знаю...

Я прислушиваюсь. Может, ветер шумит. Но повторный шорох заставляет решить, что дело точно не в ветре: слишком выраженный и одушевлённый. Где-то снаружи.

— Наверное, птицы. — предполагаю я, силясь успокоить нас обеих.

— А вдруг это монстр? — не унимается Алиса. — Мамочка, давай проверим.

— Не особо я хочу проверять всяких монстров.

Вижу выражение её лица и вздыхаю: выбора нет, придётся проверять. Иначе точно не заснёт, или приснится страшный сон.

— Ладно! — развожу я руками. — Жди здесь, сейчас проверю.

Надеваю тапки и храбро шагаю в прихожую, а сама в тайне молюсь, чтобы это и правда были птицы. На всякий случай достаю из сумки перцовый баллончик: всегда таскаю с собой. Застываю у двери и прислушиваюсь. Тишина. Выжидаю пару минут. Очень хочу махнуть рукой и лечь спать, но Алиса ведь не отстанет. Поэтому открываю дверь и выглядываю за порог.

Внезапно на меня что-то налетает. Инстинктивно закрываю голову руками и взвизгиваю. Вжимаюсь в стену у двери и успеваю разглядеть только большие кожистые крылья. Чёртова летучая мышь издаёт противный звук и вновь проносится над головой. Я пулей влетаю в прихожую и захлопываю дверь, пока она не влетела следом. Меня колотит нервная дрожь.

Загорается свет, и я вижу перепуганные лица всех присутствующих в доме. Шум добавляет и громкий лай Леди. Отцу с трудом удаётся её утихомирить.

— Что случилось, Лера? — хватаясь за сердце, тревожится мама. — Ты чего кричала?

Я в панике указываю на дверь:

— Там мышь... летучая мышь. Она меня очень напугала.

— Летучая мышь? — удивляется папа. — Быть того не может. Никогда не видел у нас мышей.

— Я только что видела! — продолжаю твердить я. — Она летела прямо на меня!

Отец напоследок погладил Леди и проходит мимо меня к двери. Выглядывает наружу, будто моих слов мало. На мои протесты никто не обращает внимания.

— Может, случайно залетела? Или ты перепутала с птицей? — делится предположениями мама.

Алиса пробирается мимо неё и прижимается ко мне. Вспоминаю о зажатом в руке перцовом баллончике и перекладываю его обратно в сумку, пока ненароком не нажала на распылитель.

— А эта мышь очень страшная? — взволнованно спрашивает Алиса.

— Что ты, нет! — мягко успокаиваю её я. — Просто не ожидала увидеть.

Вскоре папа закрывает дверь и поворачивается к нам.

— Нет там никого, улетела! — объявляет он. — Давайте уже спать лечь, пока не разбудили соседей.

Мы расходимся по комнатам. На этот раз я гашу свет и сразу укладываюсь вместе с Алисой. Поначалу она задаёт много вопросов о летучих мышах, а когда я удовлетворяю её любопытство, просит ещё раз рассказать сказку. Но засыпает в самом начале.

Я проваливаюсь в сон незаметно для самой себя. Видимо, слишком вымоталась за день. Мне снится что-то тревожное. Я вижу Германа, но выглядит он очень странно: кожа бледная, как у мертвеца, а под глазами выраженные тени. Он подходит ко мне и касается руки. Я чувствую холод, словно меня коснулись кусочком льда. Касается мимолётно, чтобы привлечь внимание. А затем ведёт куда-то за собой вглубь леса. Я следую за Германом на ватных ногах. Кругом много зарослей и колючих веток. Они царапают лицо. Уворачиваюсь как могу. Со всех сторон слышу трепет крыльев. Это летучие мыши. Целая стая. Они шипят на меня, сверкают в темноте страшными глазами бусинками. Я пугаюсь и зову Германа. Но он продолжает идти. Манит меня бледной рукой со странными длинными ногтями. Мне так и не удаётся узнать куда мы идём, потому что Герман неожиданно останавливается и поворачивается ко мне. Я вижу длинные клыки, которые блеснули лишь на мгновение. А потом он резко кидается на меня и впивается в шею. Мой крик разгоняет летучих мышей.

10. Когда нужны ответы

Я нервно сжимаю руль, пока мимо проносится очередной светофор с зелёным сигналом. Ругаю себя, ругаю неудачное утро, ругаю чёртовых летучих мышей и ночные кошмары. Голова идёт кругом от всех этих странностей и загадок. Мортимор преподносит сплошные сюрпризы. Поэтому не скупаюсь на выражения, разглядывая ухабистую дорогу.

За это утро я успела поссориться с мамой. Она слишком обеспокоена моим вчерашним поведением и успела обвинить в этом и одержимость Германом, и моё никому не нужное расследование. У меня на этот счёт иное мнение. К общему знаменателю не пришли. Паршивей всего для меня стало то, что Алиса присутствовала при скандале. Хотела это остановить, но меня будто переключило, и я вывалила на плечи мамы весь свой негатив и страх, скопившиеся за несколько дней. Хорошо что папа забрал Алису на прогулку с Леди. Ей явно не стоило слышать и половину того, что было сказано в стенах этого дома. В порыве злости, на эмоциях.

Позднее нам вроде как удалось замять этот конфликт, но осадок остался. Не в таком настроении стоит ехать на "свидание". Но что поделать, я умею подстраиваться под ситуацию в экстремальных случаях, так что перестроюсь.

Проезжаю собор на Площади и вдруг всерьёз задумываюсь над тем, чтобы заглянуть в церковь. Вдруг меня прокляли? Это должно помочь защититься от непонятных сущностей. Сама удивляюсь, как глупо это звучит. Но понимаю, что в глубине души допускаю существование чего-то подобного. Ночные сны и непонятные странности пугают меня, и я ничего не могу с этим сделать. Хочу почувствовать себя в безопасности, иметь возможность защититься. Просто узнать как. Посоветоваться со знающим человеком: либо посмеётся, либо правда подскажет. Только вот уже опаздываю на встречу. Так что в другой раз.

Через какое-то время вхожу в кафе "Меридия". Ищу глазами Олега. Замечаю за одним из столиков знакомого кучерявого мужчину с пленительными голубыми глазами. Одет по-простому, в мирской одежде. Так сразу и не узнать без полицейской формы. Но я лукавлю: такого можно узнать где угодно. Всё дело в странной энергетике, которую он излучает.

Олег замечает меня и машет рукой, привлекая внимание. Я сдержанно улыбаюсь и пробираюсь к его столику. Усаживаюсь напротив. Рядом с ним стоит только стакан воды. Заказ не делал. Вероятно, ждал меня.

— Ну привет! — с обворожительной полуулыбкой произносит мужчина. Нас разделяет стол, но всё равно чувствую исходящий от него приятный запах. — Рад вновь тебя увидеть.

— Привет! Взаимно! — мои слова звучат как-то более враждебно. Беру себя в руки и стараюсь выглядеть заинтересованной. — Прости за опоздание.

— Ничего, это я пришёл слишком рано! — подмигивает Олег и жестом подзывает официантку.

— Как прозаично! — вырывается у меня, но он воспринимает это как шутку.

— Готова сделать заказ? — вместо ответа передаёт мне меню. — Скажу сразу, здесь просто отменные куриные крылышки. А ещё обожаю здешний борщ. И пюре. Про рыбу вообще молчу!

— Понятно, в общем, здесь хорошо готовят!

Я задумчиво просматриваю меню. Когда подходит официантка, Олег первым делает заказ, давая мне время подумать.

— Я буду, пожалуй, грибной суп, а на второе пюре и жареную рыбку. Ты знаешь, как я люблю, подробно описывать не буду.

Девушка согласно кивает. Значит, они довольно близко знакомы. Хотя чему я удивляюсь в маленьком городе. Но меня занимает её улыбка и этот взгляд: она явно питает симпатию к Олегу. А он строит из себя дурака, либо намеренно игнорирует сигналы, чтобы я не сорвалась с воображаемого крючка.

Официантка продолжает мило улыбаться, и я кашляю, напоминая о своём присутствии. Улыбка сразу тает.

— А Вы что будете? — с деланной вежливостью интересуется она.

— Борщ и салат с креветками! — с такой же неискренней вежливостью отвечаю я.

Её улыбка становится шире, пока она записывает.

— А из напитков?

— Мне, пожалуйста, чай с лимоном и листиками мяты! — просит Олег и добавляет более томным голосом, я бы даже сказала сексуальным. — Только не переборщи с сахаром, умоляю!

— Ни в коем случае! — заверяет его девушка, скрывая румянец.

Обо мне снова забыли.

— Мне простой кофе! — говорю я и протягиваю ей меню, как бы намекая, что пора уходить.

Она нехотя оставляет нас наедине. Я успела проголодаться, но отчего-то не хочу, чтобы она возвращалась. Не нравится мне, когда откровенно флиртуют с моим спутником прямо при мне. Даже если мне он не нравится.

Олег завладевает моим вниманием, окунув в голубизну игривого взгляда. Обычно такая манера поведения меня раздражает, но с ним как-то иначе. Шутки и игривые взгляды помогают расслабиться. Это именно то, что мне сейчас нужно.

— Ты какая-то напряжённая! — подмечает мужчина. — Не бойся, я не кусаюсь. Только если чуть-чуть, но когда сама захочешь.

— Я, кстати, тоже, но это если разозлить! — ухмыляюсь я.

— Какие мы свирепые! — я вновь слышу этот бархатный смех, звучащий вчера по телефону, и мной овладевает волна необъяснимого трепета. Как школьница, ей-богу! — Только давай оставим это до следующего свидания. А пока расскажи, как сложилась твоя жизнь.

— Может, лучше сперва ты?

Не особо хочу делиться историей своей жизни, хоть и понимаю, что придётся. Олега пока ничего не смущает.

— Со мной всё понятно! — пожимает он плечами. — Живу в Мортиморе, закончил юридический институт МВД в Ростове. Дом-работа. Иногда развлекаюсь.

— Главное, что есть с кем! — подмечаю я, намекая на влюблённую официантку.

Как ни странно, он понимает с полуслова.

— Уже ревнуешь, Арсенева? — улыбается Олег. — Я польщён.

— Размечтался!

Мужчина откидывается на спинку стула и смотрит на меня изучающим взглядом. Бронзовые кудри как будто сияют в немного приглушённом освещении заведения. Словно впитывают в себя весь свет.

— А что насчёт тебя? — задаёт он вопрос, и я понимаю, что настало время открывать

дверь, которая была заперта уже много лет.

— Я планировала стать юристом. В школе меня привлекала адвокатура. Наверное, насмотрелась тематических сериалов. Поступила на юридический факультет в Таганроге, продержалась всего год. Поняла, что не моё. Если честно, понятия не имела, что делать дальше. Ещё во время учёбы нравилось писать статьи на различную тематику, выражать мысли. Пробовала вести собственный блог. Вот и решила попробовать себя в журналистике. Оказалось, не прогадала. Со временем заработала хорошее место в издательстве.

— Знаешь, а я почему-то так и подумал, что на кассе в магазине не сидишь! — с улыбкой признаётся одноклассник. — У тебя и в школе был острый язык. С таким напором только далеко идти. И в политике бы не пропала.

— Политика точно не моё. У них там другие законы.

В какой-то степени Олег прав: в школе мне частенько приходилось заступаться за Германа. Не потому что я такая хамка или задира, просто никто другой этого не делал. А сам Герман всегда был слишком замкнутым. Только со мной открывался.

— А жаль, я бы за тебя голосовал!

— За красивые глазки? — огрызаюсь я.

Он отрицательно мотнул головой:

— Потому что прямо говоришь, что думаешь. Такой у тебя характер. Думаю, и в работе такая.

Я усмехаюсь: срабатывает защитный механизм. Этот странный психоанализ начинает меня напрягать. Нужно как-то повернуть разговор в нужное русло. Это он должен говорить, а не я.

— Откуда такая уверенность? — интересуюсь я, направляя на него прямой и открытый взгляд.

— В каком издательстве ты работаешь? — вместо ответа спрашивает он.

Я с подозрением шурюсь:

— Не слишком ли много вопросов задаёшь?

— Прости, это моя работа. Иногда заносит.

И всё же решаю ответить.

— Это небольшая контора, вряд ли слышал. Включает разные направления. Тебе больше даст информация о том, в каком журнале издают мои статьи: "Потерянное поколение".

Олег начинает смеяться, будто услышал забавный анекдот. Я непонимающе всматриваюсь в его лицо.

— Прости, это очень похоже на название паблика для школьников! — сквозь смех выдыхает он. — Ну, знаешь, шутки про классных руководителей, закосы под взрослых, угарные фотографии.

Я испытываю внезапную потребность защитить честь своего журнала.

— Теперь я знаю какую информацию ты впитываешь в свободное время! — хихикаю я. — Считаю, что спалился. И нет, изюминка нашего журнала заключается в том, что он подходит всем: и людям из девяностых, и современным подросткам. Детей в наше время часто называют потерянным поколением, хоть это далеко не так. Но и любое другое поколение можно так охарактеризовать. Потому что это время уже прошло, утрачено.

— Кажется, это что-то на философском! — хмыкает мужчина, но признаёт поражение. — Сдаюсь, убедила! Так какую роль в "Потерянном поколении" играешь ты?

Он нарочито подчеркивает название журнала. Всё ещё подшучивает, ладно. Пока я

объясняю, достаёт мобильник и принимается что-то искать.

— Я веду новостную колонку. — поясняю я. — У меня нет каких-то строгих рамок. Главное, чтобы тема статьи устраивала главного редактора. Ты там что делаешь?

— Ищу твои статьи! — непринуждённо отвечает Олег. Прежде, чем я успеваю ответить, уже начинает лихорадочно цитировать. Будто намеренно повышает голос. Я неловко озираюсь по сторонам. Другие посетители иногда посматривают в нашу сторону. — Двадцать первый чемпионат мира по футболу ФИФА вошёл в историю, как первый в истории чемпионат, проведённый в России. В турнире приняли участие все 210 национальных ассоциаций, входящих в состав ФИФА... Чемпионом мира по футболу 2018 года стала сборная Франции, победившая в финальном матче сборную Хорватии со счётом 4:2.

Его действия вгоняют меня в краску. Я прекрасно помню эту статью, написанную пять лет назад. Не самая моя любимая: тема большого спорта мне не близка. Но никогда не упускаю возможность экспериментировать. Тем не менее, не считаю эту статью лучшим примером своих работ.

Олег на этом не останавливается. Порывшись дальше, находит статью, которая вышла в недавнем выпуске "Потерянного поколения". Кажется, два месяца назад. Я проводила исследование о проблемах заболеваемости ВИЧ, и как ВИЧ-диссиденты оказывают негативное влияние из-за недостаточной просвещённости населения. Этой статьёй я больше довольна. По моему мнению, важно знать о таких вещах. И почему необходимо регулярно обследоваться.

— Просвещаем население? — улыбнулся мужчина, пробегаясь глазами по статье. — Теперь вижу, что контрацепция необходима не только для того, чтобы не появлялись дети.

— Как будто сам не знаешь о ЗППП! — закатываю я глаза.

— Знаю, конечно, но поверхностно, как и многие примитивные люди! — пожимает плечами Олег и вновь повышает голос, будто обращается к публике. — Незащищённый секс, контакт с кровью заражённого и от матери к ребёнку при родах: вот главные причины, способные вызвать болезнь. Если работать в этом направлении, тогда угроза начнёт сходить на нет.

— Спасибо за прогноз! — недовольно отзываюсь я, невольно вжимаясь в спинку стула. — Если ты закончил глумиться над моими статьями, может, поговорим о тебе? Почему не уехал из Мортимора?

Официантка незаметно подходит с нашим заказом и неспешно ставит на стол. От глубоких тарелок вверх поднимается пар, размывающий очертания наших лиц. Олег мило улыбается девушке. Я чувствую, как она зарделась.

Но вот мы, наконец, одни. Отвечать он не торопится. Неспешно размешивает сметану в супе, пробует и довольно мычит. Чтобы заполнить ожидание, начинаю ковыряться ложкой в тарелке. Красноватый бульон оказывается очень вкусным.

— Я много где успел побывать, — между очередными ложками говорит Олег. — Видел прибрежные набережные, театр в Ростове, таганрогские парки и музеи, бывал в Крыму, отдыхал на Красном и Чёрном море, видел Петергоф вечно дождливого Питера. Он-то и напомнил мне о том, что не столь важно где жить — всё равно приестся, будь у тебя за окном высоченные небоскрёбы или старый коровник (если понимаешь о чём я). Ездить куда-то периодически мне нравится, но жить пока предпочитаю здесь.

Позиция достойная. В какой-то степени разделяю. Сама стремилась скорее сбежать из

Мортимора, добилась чего хотела, но живу примерно так же: дом-работа. Лишь Алиса приносит в мою жизнь тот свет, которого многим не хватает. Главное не место, а люди.

— А ты, наоборот, стремишься расширить границы. — констатирует Олег.

Я согласно киваю.

— И как, помогло вырастить крылья?

— Как видишь, не жалуясь. И тебе не приходится. Мы оба на своих местах.

— Да, но... — он на мгновение опускает взгляд, словно смущаясь, а потом мимолётно заглядывает в мои глаза. — Сложно понять, действительно ли это наше место, пока не встретим того самого человека. Он может круто перевернуть весь внутренний мир.

Я теряюсь в словах, поэтому просто молча смотрю на него. Каких-то несколько секунд мы всматриваемся в лица друг друга. Мир вокруг будто замедляется. И "Меридия" распадается на миллионы крошечных атомов. Через мгновение наваждение проходит. Я вновь слышу голоса посетителей, звон столовых приборов и тихое вещание старенького приёмника.

Олег как ни в чём не бывало переключается на суп. Какое-то время молча наблюдаю как он ест. Станные ощущения. Меня вдруг тянет на откровенность.

— Однажды я уже подумала, что встретила того самого человека! — признаюсь я, думая об Игоре. Мой спутник догадывается о ком речь. — Не сложилось.

— Людям свойственно ошибаться. Это не страшно. — отзывается одноклассник. — Значит, он никогда не был тем самым.

Но зато подарил самое дорогое, что у меня есть. В голове проносится мысль: а что я вообще здесь делаю? Нужны ли эти тайны и расследования? Не лучше ли вернуться домой к дочке... Герману уже всё равно, а его родители не хотят искать правду. Получается, это нужно только мне. Как же я устала пребывать в постоянной дилемме.

— А что насчёт тебя? — спрашиваю я, и почему-то очень хочу услышать ответ. — Повезло встретить ту самую? Если, конечно, захочешь рассказать.

— Почему нет, — хмыкает Олег. — Встречал, и даже не одну. Но потом понимал, что всё не то.

Он не стал говорить подробнее, а я не стала спрашивать. Эта тема явно не для первого свидания, да и я не планирую повторять. Главное, получилось расположить его к себе. Не стоит рисковать из-за больных тем.

Я расправляю плечи. Стараюсь выглядеть непринуждённой и не выдавать излишний интерес. Так, оброняю между прочим:

— А что сподвигло тебя идти в полицию? Насколько помню, в школе у тебя были другие интересы.

Главная проблема всех учителей: постоянные жалобы, замечания в дневнике, вызов к директору. А родители Олега, пожалуй, бывали в стенах школы в несколько раз чаще других родителей. Дважды поднимался вопрос об исключении. А уж проступки... Всякий день без срыва уроков со стороны Олега Китова был редкостью. Порча школьного имущества, не раз ловили за школой с сигаретой в зубах, издевательства над другими учениками. Такими как Герман.

И теперь, вспоминая в первую нашу встречу улыбчивого мужчину с ангельскими чертами лица и погонами на идеально выглаженной форме, я вижу совершенно другого человека. Даже когда выглядит как простой гражданский.

— Скажем так, я многое осознал и решил, видимо, таким образом очистить совесть, —

признаётся мужчина. На его губах больше не играет улыбка, словно мы коснулись неприятной темы. — Повезло с родителями. Они боролись за меня до последнего. Можно сказать, вытащили со дна, хоть я и сопротивлялся. Стараюсь не забывать, как и всех кто помог. Ты тоже извини за то, что было в школе. Вам с дружкой тогда здорово от меня доставалось.

Сердце ёкнуло при упоминании Германа. Значит, Олег его помнит. Доводилось ли им общаться после окончания школы?

— Проехали, я всё равно почти не помню! — решаю соврать я. — Главное, сейчас осознаёшь, что был настоящим козлом.

Мои слова вызывают у него улыбку:

— Да уж, действительно, был!

Я соскребаю остатки супа: тарелка незаметно опустела. Придвигаю к себе салат и запускаю в него вилку. Непринуждённо грызу лист салата.

— Работа хоть нравится? — продолжаю аккуратно подступать к сути. Пока вроде всё неплохо.

— Скучать не приходится! — неопределённо отвечает Олег.

С напускным удивлением приподнимаю брови:

— А мне всегда казалось, что в Мортиморе ничего не происходит, разве что пьяных школьников ловить по подворотням.

— Это моё любимое! — смеётся мой собеседник. — Все такие борзые поначалу, а стоит прижать к стенке, так начинают умолять не звонить родителям.

— Они лишь хотят казаться взрослыми, но не могут стать ими по одному хотению.

— Рано или поздно придётся учиться принимать ответственность.

Я игриво улыбаюсь.

— Значит, не даёшь им спуску? — интересуюсь я, рассматривая его глаза, напоминающие бирюзовый горизонт на таганрогском пляже.

Олег тоже принимается за второе. Но почти не смотрит в тарелку.

— Стараюсь быть снисходительным, когда получается! — говорит он. — В основном всё зависит от них.

— А бывали такие случаи, когда дети просто бесследно пропадали? — задаю я первый по-настоящему волнующий вопрос.

Но он сразу меня раскусывает. По взгляду понимаю, что ему не нравится эта тема. Замешательство быстро сменяется чувством осознания.

— Только не говори, что позвонила только для того, чтобы меня обработать! — сухо умоляет он.

— Обработать? — я не понимающе хлопаю ресницами.

Мужчина тычет в меня вилкой:

— Твои вопросы. Надеюсь, что я просто проболтаюсь?

Я предпринимаю попытку как-то спасти положение. Получается явно не слишком убедительно.

— А разве не в этом суть свиданий? Задавать вопросы и узнавать друг друга?

— Теперь это, значит, называется свиданием? — с явным раздражением уточняет Олег. Затем откидывается на спинку стула и ухмыляется собственным мыслям. — А я ведь всерьёз подумал, что мой интерес взаимный. Теперь скажи мне, что мы на самом деле здесь делаем?

Я понимаю, что теперь нет смысла притворяться. Это только разозлит его. Правда тоже

не сыграет мне на руку, но я и не планировала получать информацию через постель. Будь что будет. Надеюсь, я смогу быть достаточно убедительной.

— Ты ведь слышал о том, что произошло с Германом Мартыновым? — задаю я вопрос, который объясняет все мои сомнительные решения.

Олег молча смотрит на меня. Невольно прищуривается, словно строит собственную версию.

— Слышал, конечно. Он здесь причём?

Я понижаю голос и наклоняюсь ближе:

— Что если он узнал то, что не следовало знать?

К моему недовольству мужчина рассмеялся. Но это лучше, чем злость.

— А ты, значит, решила поиграть в Нэнси Дрю? — догадывается Олег. — Нет в этом деле никаких тайн и загадок. Человек просто устал от жизни.

Во мне вдруг вспыхивает злость.

— А тебе откуда знать? — рычу я и демонстративно отстраняюсь. — Вы никогда не были друзьями. Сомневаюсь, что вообще когда-либо нормально общались.

— Ничего себе! — вдруг выдыхает Олег, чем вызывает во мне недоумение. — Ты не перестаёшь меня удивлять.

— О чём ты?

— Решил, что ты просто-напросто планируешь написать статью и используешь меня в качестве источника информации. Но, похоже, у тебя есть к нему чувства.

Я собираюсь возмутиться, но почему-то не нахожу слов. Олег смотрит на меня с каким-то разочарованием. Затем переводит взгляд на вилку. Медленно вертит её в руке. Зубчики сверкают, ловя отражение светильников.

Глубоко выдыхаю и вновь наклоняюсь к нему. Этим действием показываю готовность довериться, свою открытость и уязвимость. Когда начинаю говорить, в моём голосе слышится мольба. Наши руки находятся так близко друг к другу, что достаточно просто вытянуть пальцы, чтобы коснуться.

— Глупо было надеяться, что смогу обхитрить копа, — мягко произношу я, пытаюсь поймать его взгляд. — Я хочу разобраться в произошедшем исключительно для себя. Герман просил меня о помощи год назад, но тогда я даже не знала об этом. Хочу попытаться исправить это сейчас, очистить свою совесть.

Олег поднимает на меня голубые глаза. Буду надеяться, у меня получилось затронуть его чувства. В какой-то степени мы похожи: оба стремимся исправить прошлые ошибки.

— О какой помощи идёт речь? — спрашивает он.

Я слушаю, как стучит в ушах бешеный ритм сердца.

— Пропала девочка. Он знал её. По какой-то причине это сохранилось в секрете для общественности. Ты слышал об этом деле?

Мужчина хмурится, затем довольно резко отвечает:

— Если полиция принимает решение сохранять детали следствия в тайне, значит, на это есть веские причины. Ты всё равно не сможешь ничего изменить. И лучше оставь это.

Но я не сдаюсь:

— Можешь не говорить о деталях и причинах. Просто скажи, правда это или нет?

Он сжимает пальцы в кулаки. Вижу, как от напряжения белеют костяшки. Спустя несколько мучительных секунд расслабляет. Небрежно кидает вилку в тарелку.

— Правда. — сухо отвечает Олег. — Теперь можем сменить тему?

— Как её зовут? — почти шёпотом спрашиваю я.

Узнать такие подробности очень маловероятно, но не могу не попытаться. Олег устало закатывает глаза.

— Если скажу, пообещаешь перестать копать? — выдвигает он условие, на которое я не готова пойти.

— Могу пообещать не задавать больше вопросов на эту тему! — предлагаю ответное условие.

Знаю, он может просто послать меня и уйти. Наверняка нельзя распространять подобную информацию. Это может понести за собой последствия. И кто я такая, чтобы ради меня так рисковать. Тем более, даже не могу предложить ничего взамен.

Олег медлит, принимая решение. Мимоходом оглядывается по сторонам. Проверяет, не подслушивает ли кто.

— Милана Солнцева! — почти шёпотом сообщает он. — Я не связан с этим делом, так что почти ничего не знаю. Но и то, что знаю, не могу рассказать. Тебе тоже советую помалкивать, иначе подставишь меня.

— Я всё понимаю, спасибо! — я так благодарна, что хочу его обнять. Но сдерживаю себя. Спрашиваю тоже шёпотом. — А у тебя лично есть какие-то догадки?

Одноклассник пожимает плечами. Взгляд всё такой же хмурый. От весёлого парня, который шутил через каждое слово, не осталось и следа.

— Когда-то давно в наших краях орудовал один маньяк, — задумчиво произносит он, а я жадно ловлю каждое слово. — В восьмидесятых, если не ошибаюсь. Дело до сих пор не раскрыто. Хранится в архиве, засекречено. Неизвестный похищал людей. Найти удавалось далеко не всех. Я предполагаю, что у нас появился подражатель.

У меня возникает догадка. Если он и правда считает, что в Мортиморе появился подражатель, значит...

— Уже были подобные случаи?

Олег вдруг придвигается ближе и накрывает мои руки большими ладонями. Они без труда помещаются под красивыми длинными пальцами. Его тепло вызывает приятную реакцию. Я смущаюсь, но его слова заставляют забыть об этом:

— Перестань, пожалуйста, думать, что тебе всё по плечу! Что бы не произошло с твоим другом, тебя это не должно касаться. Я не знаю, что случилось со всеми этими людьми, но точно знаю, что доверять никому нельзя. Убийца может быть где угодно. Если Мартынов и правда раскопал что-то весомое, охотно верю, что его могли убрать. Продолжишь в том же духе, и с тобой может произойти то же самое. Доверь дело полиции.

— Какое ещё дело? — я зло выдёргиваю руки и гордо выпрямляюсь. — Дело Германа закрыто, в этом и проблема. Никто, кроме меня, не станет этим заниматься.

Мужчина разводит руками:

— Найми частного детектива. Необязательно всё делать самой.

Я устало вздыхаю, отпуская злость. Вижу перед собой человека, который, кажется, искренне пытается помочь. Он поделился важной информацией. Нельзя отплачивать грубостью.

— Спасибо за всё, правда! — с лёгкой улыбкой благодарю я. — Не буду больше компрометировать тебя. Считай, что между нами не было этого разговора.

Олег запускает пятерню в бронзовые кудри. Лицо разглаживается, но прежняя заинтересованность не возвращается.

— Давай поступим так: я сам займусь этим вопросом! — неожиданно предлагает он. — Попробую узнать какое отношение к этим делам имел Герман Мартынов. Если что, будь на связи.

Мне даже интересно, как он собирается это проверять. Родители Германа на контакт не пойдут, останется только опрашивать знакомых. Отказываться от помощи не стану, но и сама продолжу копать. Вдруг он предлагает только, чтобы я успокоилась. Может, вообще покрывает кого-то?

— Буду очень благодарна! — соглашаюсь я, никак не выдавая своих истинных намерений.

Олег выразительно кивает, как бы ставя точку в нашем разговоре. Просит принести счёт.

— Извини, мне уже пора убежать! — предупреждает он, но только после этого глядит на часы. — Я оплачу.

— Нет уж, пополам! — отказываюсь я. — Пусть это будет компенсацией за моральный ущерб.

— Ещё чего!

Он начинает спорить. В итоге уступаю, раз так хочет. Продолжать все эти баталии мне не интересно. Официантка, чувствуя витающее напряжение, не скрывает улыбку. Я сразу вспоминаю, как она меня разозлила совсем недавно. Но молча наблюдаю, как Олег оплачивает счёт. Не в моих привычках устраивать сцены на ровном месте. Кафе покидаем вместе.

Останавливаемся снаружи. Каждый хочет скорее уйти, но не знаем как. Я до сих пор ощущаю неловкость из-за того, что не оправдала его ожиданий. Почему-то кажется, что он и правда неплохой.

— Ну, тогда ещё увидимся! — неловко произносит мужчина, избегая смотреть мне в глаза. Никакой самоуверенности, никакой пленяющей улыбки. — Я позвоню, если что узнаю. Твой номер уже есть в телефонной книге.

Он трясёт телефоном в воздухе, затем семенит к машине. Я медлю, кусая губы. В последний момент выкрикиваю:

— Олег, подожди!

Он удивлённо оборачивается. Я быстрым шагом догоняю его и к удивлению для самой себя крепко обнимаю. Незаметно наслаждаюсь мягким ароматом одеколona. Мужчина застывает на месте, как восковая фигура. И стоит так до тех пор, пока я не отстраняюсь.

— Это ещё за что? — осведомляется он.

— За помощь! — коротко поясняю я. — Ты был не обязан.

Что-то в моём взгляде заставляет его улыбнуться.

— Тогда теперь точно надеюсь на повторную встречу! — подмигивает он и садится в машину.

Я отворачиваюсь, скрывая улыбку. Задумчиво бреду к своему джипу. Плюхнувшись на мягкое кресло, достаю мобильник и быстро набираю сообщение для Антона:

"Хай, если не затруднит, проверь, пожалуйста, ещё кое-какую информацию. Милана Солнцева, пропала в Мортиморе год назад. Хочу знать адрес её родителей".

Короткое звуковое оповещение при отправке сообщения даёт понять, что обратной дороги теперь не будет. Посмотрим, что ему удастся выяснить. Если ниточка оборвётся, возможно, пока закончу на этом.

Меня отвлекает странная неестественная тень за окном. Кажется, за мной кто-то следит.

11. Вопрос веры

Тень мелькает всего на долю секунды, но этого вполне достаточно, чтобы я успела заметить силуэт человека. Он скрывается за ближайшей машиной. Не думая, вылетаю на парковку и бегу за неизвестным. Но никого не обнаруживаю. Растерянно прохожу между рядами машин. Внимательно гляжу по сторонам. Машин здесь мало, особо негде прятаться. Но он словно сквозь землю провалился. Либо я начинаю сходить с ума.

Дорогу обволакивает влажный туман: недостаточно густой, чтобы скрыть неизвестного, но достаточно жуткий, чтобы напугать меня. Внезапный шорох едва не доводит меня до сердечного приступа. Оборачиваюсь и вижу чёрную ворону на фонарном столбе. Она лихорадочно машет крыльями, будто намеренно. Но за этим ничего не следует.

Возвращаюсь к своему джипу, но не могу избавиться от неприятного предчувствия. Олег уже уехал, других людей поблизости не наблюдаю. Никто не может подтвердить или опровергнуть то, что я видела.

Устало прислоняюсь к капоту и достаю из кармана сигареты. Какое-то время неспешно курю, а взгляд всё время скользит по машинам на парковке. Охватываю взглядом и тротуар, и дорогу напротив, и слегка покачивающуюся вывеску "Меридия". Ещё влажный после продолжительных ливней асфальт слегка блестит, впитывая серость неба. Сегодня оно напоминает серебряный однотонный слиток. Отсюда ощущаю ароматный запах выпечки из кафе. Он перебивает даже едкий сигаретный дым.

Спустя минуты сбившееся дыхание выравнивается, а сердцебиение замедляется до привычных шестидесяти или семидесяти ударов в минуту. Выбрасываю бычок и сажусь за руль. Смотрю прямо перед собой, в любой момент ожидая заметить знакомую тень. Туман, будто преследуя, струится по асфальту и обволакивает колёса моей машины. Мне мерещится что-то мистическое в нём, пугающее.

На всякий случай проверяю телефон. Никаких новых сообщений. Конечно, Антон не смог бы найти информацию так быстро. Да и Синяк ждёт от всех невозможного. Тяжело вздыхаю. У меня есть всего два дня, чтобы отправить статьи, а я закончила только одну. Как ни странно, меня это не пугает. Могу думать лишь о странностях, которые со мной происходят слишком часто, чтобы этого не замечать. Без новых зацепок мне некуда двигаться. Я застряла.

Рассматривая дорогу через стекло в сухих разводах, понимаю, что мне необходимо с кем-то поговорить. С кем-то кто сможет дать реальный совет. Могу ли я рассказать о странном предчувствии и летучих мышках Олегу? Он может попросту решить, что я не в себе. И был бы, возможно, прав. Видит ли кто-то ещё из мортиморцев странные вещи? Знаю кто мне поможет: психолог. Наверное, у меня какая-то психологическая травма из-за смерти Германа. Не могу понять. Займусь этим позже.

Пока еду домой, на ум приходит другая мысль. Есть место, куда приходят люди за поиском ответов, когда нуждаются в помощи или находятся на перепутье. Есть церковь. Не уверена, что могу обращаться к ней с подобными проблемами, но у меня нет других вариантов. Устала испытывать постоянную тревожность и теряться в догадках. Пусть не получу ответы, но вполне могу зацепиться за мысль. Пойму, как с этим бороться.

Разворачиваю машину, и еду в направлении Окраин, где единственным примечательным местом является старая церквушка. Мимо неё мы проезжали, когда только

прибыли в Мортимор. Тогда я не нашла в себе силы войти внутрь. Надеюсь, теперь смогу.

Моя решимость улетучивается, как только заглушаю двигатель на обочине дороги, ведущей на шоссе. Во мне не было столько противоречий даже в самые тяжёлые дни. Небрежно отряхиваю пальто, бросаю взгляд на джинсы. Не знаю даже, можно ли в таком виде входить в церковь. Стоит ли осквернять священное место своей энергетикой.

Но тут перед моим внутренним взором возникает образ Германа. Он сидит рядом, на пассажирском месте, и выглядит точно так же, как в наш последний совместный день. Десять лет назад. Такой молодой. На юном лице нет изъязов, если не считать отпечаток печали из-за несостоявшихся планов. Герман мягко улыбается и касается моей руки. Чувствую, как своими действиями просит оставить сомнения и просто сделать это.

Когда я выхожу из машины, его образ тает. Теперь я вновь одна. Закидываю на плечо сумку и перехожу дорогу. Машин нет: город будто мёртв. Лишь у церкви замечаю одинокую старушку, работающую, вероятно, церковным сторожем. Из-под тёплого плаща выглядывает длинная юбка, достающая до щиколоток. А волосы скрыты под плотным платком. Она не замечает меня, погружённая в уборку опавших листьев с территории храма. У ступеней уже образовалась небольшая кучка.

Проходя мимо, вежливо здороваюсь. Старушка отвечает взаимностью. Приятный голос располагает к себе. Сразу догадывается, что я здесь впервые. Подсказывает, что перед тем, как войти, нужно три раза покреститься и совершить поклон. И показывает как.

Я вхожу через массивные двери, ощущая себя чужой. Сразу оказываюсь в притворе. Терпкий запах благовоний, ладана, и тлеющих свечей едва не сбивает меня с ног. Сложно к этому привыкнуть. Вижу лавку, где наблюдается свечной ящик, разные иконы, церковные книги, платки и юбки, крестики. Всего разглядеть не могу.

Впереди виднеется средняя часть храма с аналое, на котором водружена икона. Возле неё стоит множество свечей. Успеваю рассмотреть и другие иконы, величественный иконостас. Рядом с ними чувствую себя маленькой и беспомощной. Мне бы не хватило духу подойти ближе.

Бросаю взгляды на немногочисленных прихожан. Все пришли сюда с определёнными целями. Для кого-то это образ жизни. Кто-то, вероятно, просит высшие силы о помощи. Я же нерешительно стою в притворе и стараюсь дышать через раз, чтобы не потерять сознание из-за непривычного запаха. Ищу глазами священника и не могу найти. Для меня всё это слишком.

Наваливаюсь на двери и выскакиваю на свежий воздух. Голова немного кружится, и я прислоняюсь к ближайшей стене. Холод пробирает через ладонь по всей руке. Туман есть и на Окраинах, но на территорию храма не проникает, будто боится. Вот и я мечусь, как нечистая.

— Что случилось, дочка? Может, что подсказать?

По-домашнему уютный голос старушки-сторожа выталкивает меня из размышлений. Я устремляю на неё потерянный взгляд. Она не отвлекается от работы: морщинистые руки ловко орудуют мягкими веерными граблями. Крючковатый нос красноват: температура на улице чуть ниже нуля. Мне тоже быстро становится зябко.

— Я хотела поговорить со священником, — собственный голос кажется мне чужим.

— Батюшки сейчас нет в храме, — поясняет старушка. — Расписание богослужений можно посмотреть в притворе.

— Понятно. Спасибо.

Я устало спускаюсь по каменным ступеням. Что ж, не получилось. Возможно, оно и к лучшему. Вдруг за спиной вновь раздаётся голос:

— Батюшка проводит службы по вторникам, пятницам и воскресеньям. Можно побеседовать после службы. Либо спросить в свечной лавке номер телефона. Он сам скажет, когда будет возможность.

Я оборачиваюсь со слабой улыбкой. Хочу сказать многое и одновременно ничего.

— Спасибо, но сомневаюсь, что вернусь. — нехотя признаюсь я, словно это какое-то преступление. Человек же имеет право на выбор, верно? Мне тут слишком не по себе.

Пожилая женщина поднимает на меня взгляд, от которого у меня по спине бегут мурашки. Словно глядит в самую суть и видит то, что я сама не могу разглядеть.

— Раз так, может, мне тогда расскажешь? — предлагает она. — Вдруг смогу подсказать.

— Не знаю даже... — растерянно отзываюсь я.

— Смотри сама. Я уже много лет служу церкви. Мудрость батюшки ничто не заменит, но иногда доброе слово способно сотворить чудо.

Чудо... Возможно, то что мне сейчас нужно. Простое чудо в лице милой бабушки. Я поднимаю взгляд на апсиды, убеждая себя остановиться. Уйти всегда успею.

— Почему Вы мне помогаете? — на всякий случай уточняю я.

Старушка начинает выравнивать кучу из опавшей листвы.

— Вид у тебя такой потерянный, — пожимает она плечами. — Да и знаю, что не пришла бы просто так. Коли не можешь найти в себе силы поговорить с Богом и батюшкой, может, сможешь со мной.

Я медленно возвращаюсь к лестнице и прислоняюсь к периллам. Меня одолевает необъяснимая слабость. Хочется просто завалиться на диван и не вставать. Прокручиваю в голове множество вопросов, которые страшно произносить вслух. Чего я боюсь? Что меня засмеют? Или решат, что я сумасшедшая?

— Как думаете, существуют ли... тёмные сущности? — пожалуй, только так я могу это охарактеризовать. Вспоминаю просмотренные фильмы и сериалы о демонах, призраках и вампирах. Не думала, что когда-нибудь придётся задуматься об этом всерьёз.

Почему-то после того, как произношу это вслух, мне уже становится легче. Будто с плеч съезжает тяжёлый груз. Даже если она решит, что я не в себе.

Старушка не стала смеяться или открещиваться. Вместо этого отвечает так, как, пожалуй, ответил бы священник на такой вопрос.

— А как же не существовать, есть они! — вздыхает она, с особым усердием загребая оставшиеся листья. — Разные бывают. Есть безвредные, есть и опасные.

— Разве такое возможно? — недоумеваю я.

Женщина поднимает на меня терпеливый взгляд:

— Бога тоже никто из нас не видел воочию, так и что теперь, вообще ни во что не верить? Вера важна, дочка! Она помогает определить свой путь и найти ответы. Но в мире бывает как хорошее, так и плохое. Ты уж прости, говорю как сама считаю. Батюшка смог бы лучше объяснить.

— Ничего, я, кажется, понимаю! — какое-то время думаю над следующим вопросом. — Что они вообще из себя представляют?

— Они все духи из духовного мира без плоти. Преследуют корыстные цели, которые идут вразрез от целей и задач человека, как христианина. Бесы воздействуют через помыслы, портят нравы и потом уж реализуют свои желания через людей-посредников. Таких людей

лучше сторониться, дочка, а то неровен час, как испоганят и твою душу.

Она даёт совет, словно действительно читает мои мысли. В этот момент я как раз вспоминаю странную тень на парковке, возле "Меридии", и на кладбище. И мои сны... Даже мыши явно не к добру пытались пробраться в наш дом.

— То есть они действительно могут навредить человеку? — спрашиваю я. — Например, ранить или убить...

— Через посредников могут что угодно! — подтверждает старушка. — Если ты далека от Бога, то и твоя душа очень уязвима.

— А Вы видели их?

Она быстро перекрещивается и что-то бормочет. Потом поворачивается ко мне.

— Боже упаси, дочка, не надо мне такого греха! — качает головой. Из-под шерстяного платка вылезает прядь серебристых волос. — Если человек стремится жить покаянием и по заповедям Божьим, то он соединяется с духом Божьим. Если же поступает противоположно, то его душа переплетается со злыми духами. Я иду светлым путём, и моя дорога неискушена нечистыми.

А вот моя, похоже, переполнена ими. И сколько людей невольно втягиваю в это. Это кажется мне неправильным. Конечно, отступить пока не собираюсь, но хочу найти способ успокоить совесть.

— А если я столкнулась с этими сущностями из-за благих целей? — задаю я новый вопрос. Не знаю, как ещё объяснить, не раскрывая суть.

Старушка отвечает, не задумываясь:

— Благие цели не спасут тебя от искусителей, дочка! Лучше выбрать путь спасения и веры, но если у тебя нет такой возможности, то хотя бы старайся не потеряться в этом омуте с чертями. Не протягивай бесу руку и следи за своей совестью. Всегда можно покаяться и отпустить грехи. Но в этом не будет смысла, если не изменишь свой путь.

По моей спине бежит холодок, хватая липкими щупальцами. В её голосе не слышу осуждения или наставлений. Но всё равно чувствую себя грязной.

— А как можно защитить себя, если они нападут? — на всякий случай уточняю я. — Ну, или начнут пугать.

Чем больше вопросов я задаю, тем сильнее старушка обращает на меня внимание. Мне даже кажется, что она всерьёз беспокоится. Возможно, видит что-то на моём лице. Она ставит грабли прямо перед собой и задумчиво опирается на них. Рукавом убирает со лба выступивший пот.

12. Милана Солнцева

— Ого, шесть очков!

Я наблюдаю, как Алиса радостно ходит зелёной фигуркой по игровому полю на шесть клеток вперёд. Ей выпадает бонус в виде возможности продвинуться ещё на три клетки дальше. Радости нет предела. Я проигрываю, но меня это ничуть не огорчает. Разве что театрально сокрушаюсь над приближающимся поражением, чтобы рассмешить свою юную соперницу. Звонкий смех, который при этом наполняет комнату, помогает отвлечься от всех тревог.

— И что ты на это сделаешь? — гордо интересуется дочка.

— Сейчас узнаем!

Я хватаю игральные кости, долго трясу их в руках, заговаривая принести мне победу. Затем демонстративно бросаю на стол. Всего два очка.

— Видимо, сегодня не мой день! — вздыхаю я, продвигаю свою несчастную фигурку на нужную клетку и...

Угождаю прямо в лапы дракона. Огнедышащее пламя обжигает воображаемого героя и велит возвращаться аж на шесть клеток назад, где мне ещё предстоит пропустить один ход. Прямо неудача за неудачей какая-то. Лишь бы в жизни больше везло.

Я с надеждой бросаю взгляд на молчавший всё утро телефон. Ни звонков, ни сообщений. Разве что от Синяка приходило поздно вечером: требовал пошевелиться со статьями. Я пообещала отправить в срок. В остальном я вынуждена сидеть в бездействии.

— Не расстраивайся так, мам, не дано тебе быть чемпионом! — пытается подбодрить меня Алиса и спешит дальше прокладывать себе путь к победе.

— Ну, надеюсь, ты меня научишь как-нибудь. — хмыкаю я.

Она выбрасывает пять очков. Пять шагов, и зелёная фигурка стоит на финише. Радостный визг, за которым следует победный танец. Я хлопаю в ладоши, выражая своё восхищение.

— Молодец-молодец, уделала по полной! — смеюсь я.

Запыхавшаяся Алиса плюхается рядом на кровать.

— Ничего, научу, конечно! — хихикает она и добавляет. — За отдельную плату.

— Вот, значит, как? — ворчу я. — От папы нахваталась предпринимательских штук?

— Ты что, мама? Я всего лишь ребёнок.

— Вымогатель ты, а не ребёнок, так что держись!

Я начинаю закидывать её подушками, и какое-то время мы беззаботно дурачимся, пока в комнату не заглядывает мама и не просит перестать пугать соседей. Но смех и визги ещё не скоро стихают, оставив после себя приятную звенящую тишину. Мы решаем сыграть ещё одну партию.

Пока Алиса расставляет фигурки, я крадусь на кухню, чтобы сделать пару бутербродов. Мама запрещает есть в комнате, но я всегда любила нарушать запреты. И сейчас мало что изменилось. Пока кладу на ломтики белого хлеба с тонким слоем масла колбасу и сыр, до моих ушей доносится тихий писк телефона в комнате.

Со скоростью света доделываю бутерброды, чай и несусь обратно. Если пришло сообщение из банка или МЧС, я начну всерьёз беситься. С одной стороны, будет время закончить статью, но пока это меньше из того, что меня волнует.

Ставлю поднос на стол и хватаю гаджет. Есть! Сообщение от Антона. Открываю мессенджер и наш диалог. Алиса в это время уже с аппетитом уплетает бутерброды.

"Хай, занятная у тебя статья получится. И одним ланчем не отделаешься!"

По поводу мышей, в нормальных условиях нападение на человека целенаправленно в шею исключено. Это тебе не человекоподобные вампиры! Хотя и у тех возникли бы определённые сложности из-за того, что форма черепа не вытянута, как у большинства хищников. Чисто анатомически люди-вампиры не способны укусить глубоко. Длина клыков помешает максимально широко открыть рот. И прокусывать им следует не артерии, а вены, поскольку просто-напросто захлебнутся кровью. Я бы, кстати, с удовольствием глянул на такой фильм, а не сопливую любовь-морковь между человеком и кровососом.

У летучих мышей дела обстоят так: человеческая кровь их в принципе не особо привлекает, но от безысходности вполне могут напасть. Под безысходностью я подразумеваю голод, либо болезнь. Болезни могут менять поведение животных, делать их более агрессивными, а поведение атипичным. Но даже чисто логически мыши будет проще укусить человека за руку или ногу, а не лететь в шею. Тем более, обитают в регионах с достаточно жарким климатом. У людей хватает открытых мест, за которые можно укусить. В общем, с шеей какой-то бред. Не нашёл ни одного случая.

А вот адрес родителей девочки: г. Мортимор, ул. Детрименталья, д. 66.

Удачи в расследовании, Нэнси Дрю!"

Я закатываю глаза: уже второй человек за два дня называет меня знаменитым именем. Зацепка моментально воодушевляет сорваться с места и ехать по нужному адресу. Но сперва хочу доиграть партию с дочкой. Отправляю Антону в качестве благодарности несколько милых эмодзи и на время забываю про телефон.

Свои бутерброды запикиваю в рот и проглатываю практически не жуя. Тут же запиваю чаем. Вскоре мы уже садимся за настольную игру.

Через пару часов оставляю Алису на родителей и собираюсь ехать. Не уверена, что застану родных пропавшей Миланы Солнцева дома, но других вариантов нет. На худой конец могу поспрашивать соседей. Вдруг, расскажут что-то полезное.

Я, которая всю жизнь с гордостью заявляла, что знаю Мортимор с закрытыми глазами, впервые слышу об этой улице. Детрименталья... Такое даже произнести вслух будет сложно. Вбиваю в GPS — навигатор и выясняю, что она находится, можно сказать, за северной чертой города. Что там? Что-то типа деревеньки: старой и неопрятной. Знакома с этим местом только проездом.

Во время поездки отмечаю, что сегодня на дорогах Мортимора непривычно много машин. В центре даже пришлось постоять немного в пробке. Суббота. У многих наступили выходные. Люди разъезжаются кто куда, либо выполняют дела, которые откладывали всю неделю. Например, закупиться на рынке. Помню, как сама ездила с родителями в основном по выходным. На рынке много всякой всячины: начиная от одежды и заканчивая продуктами. Как-то раз мне купили огромную упаковку кукурузных палочек с сахарной пудрой. Такие сладкие и вкусные они тогда были. Я объелась ими до такой степени, что потом ещё долго не могла даже смотреть на кукурузные палочки. Но оно того стоило, конечно же!

Когда проезжаю гипермаркет красно-белого цвета и автозаправку, граница города остаётся позади. Начинаются одинокие старые домики, разбросанные на расстоянии. Сбавляю скорость и внимательно всматриваюсь в наполовину стёртые номера, выискивая

нужный дом. Поиск занимает некоторое время.

Машину оставляю практически на территории дома под номером шестьдесят шесть. Чтобы оставалась всегда на виду. Понятия не имею, что здесь за район и какие люди живут. Не доверяю.

На первый взгляд многие дома выглядят заброшенными. Как-то грустно на это смотреть. В воздухе витают ароматы нечистот. Видимо, где-то поблизости прорвало канализацию. Либо у них вовсе отдельный сток для отходов. Ни один из этих вариантов меня не устраивает, так что спешу поскорее выполнить задуманное и убраться подальше.

Нужный дом не внушает должного доверия. Вижу обшарпанную крышу и давно не мытые окна. Фасад здания облезит, как и краска на деревянном покрытии. Возможно, когда-то здесь было намного уютнее. Трудно сказать, как изменилась жизнь этих людей после исчезновения дочери. Остаётся надеяться, что они не переехали.

Пробираюсь к двери по вязкой грязи. Сапоги вскоре становятся коричневыми и тянут за собой грязные следы. Возле дома стоит одинокая будка. Из круглого отверстия выглядывает ржавая цепь. У сарая замечаю стопку дров, накрытых грязной клеёнкой. Её треплет колючий ветер, силясь сорвать и унести прочь.

Прямо над моей головой проносится ворона, которая лишь чудом не задела голову. У меня сердце уходит в пятки от её протяжного карканья. Инстинктивно приседаю, но она проносится дальше и скрывается за деревьями, перелетев через электрические провода.

Дьявол!

В моей голове звучит ещё множество проклятий, но вороне явно наплевать. Поправляю пальто, приглаживаю волосы. Затем подхожу к облезлой двери и стучу. Дверного звонка, к сожалению, нет.

Хозяева гостей явно не ждут. Выждав время, стучу ещё раз. Пробую даже подобраться к окну и постучать туда. Вдруг не слышат. Заодно, разумеется, царапаю кожу о какой-то куст. По округе разносится звонкий стук костяшек пальцев о запылившееся стекло.

А когда осторожно пробираюсь обратно на тропинку возле двери, она распаивается, едва не стукнув меня по лицу. Видимо, неудачи преследуют сегодня не только в игре. Я аккуратно обхожу дверь и встречаюсь глазами с долговязым мужчиной, страдающим неестественной худобой. На нём тёплый свитер и свободные тренировки. На босых ногах потёртые тапки. Больше всего меня поражает осунувшееся лицо, словно он не ел уже много дней. И специфический запах наталкивает на мысль, что человек явно пренебрегает уходом за собой. Но мне не привыкать. Приходилось общаться с разным людьми, и ни разу не позволяла себе проявить бестактность.

— Что Вам нужно? — спрашивает мужчина, смотря на меня с высоты своего роста.

При одном только взгляде и интонации в голосе я понимаю, что в данный момент вижу перед собой затворника. Об этом говорит и стопка просроченных счетов на тумбочке позади него. Наверняка в доме нет света. Отопление возможно только за счёт печи, которую давно не разжигали. И вода в кранах течёт только холодная.

Мне становится не по себе. Хотела бы всего этого не видеть.

— Добрый день! — сплотив ком в горле, выдавливаю из себя я. Принимаю решение не лгать, говорить только напрямую. Не могу врать в глаза таким несчастным людям. — Меня зовут Валерия Арсенева, я журналистка. Хотела бы поговорить о вашей дочери, если Вы не против.

Между нами возникает молчание. Выражение лица мужчины почти не меняется, но в

глазах возникает давно измучившая скорбь. Постепенно начинаю думать, что он сейчас захлопнет перед моим носом дверь. Возможно, перед этим выскажет всё что думает. И будет прав.

Но вот он предлагает зайти внутрь, и я, скрепя сердце, прохожу в маленькую прихожую. Неприятный запах становится более выраженным, но из вежливости стараюсь не морщиться. В доме так холодно, что даже в мыслях нет снять пальто. Мой взгляд падает на грязный пол. Не хочется пачкать носки, но и идти вот так неправильно. Тем более в грязной обуви.

— Простите, могу я... — жестом указываю на свои сапоги.

Мужчина безразлично оглядывается на мои ноги и сухо произносит:

— Можно так.

Но всё равно долго и кропотливо вытираю подошвы о старый палас возле двери. Не успокаиваюсь до тех пор, пока не перестают оставаться грязные следы. Затем следую за хозяином дома в тёмную гостиную.

На диване замечаю его жену, закутанную в плед. Неловко здороваюсь. Она выглядит такой же усталой и измученной жизнью. Смею предположить, что оба сидят безвылазно дома. За долги по счетам электричество отключили. Хорошо, из дома не выселяют. Но всё равно такой жизни никому не пожелаешь. Моё сердце изнывает от сочувствия и жалости.

Мужчина шаркает к дивану и усаживается рядом с женой. Перед этим объясняет кто я такая и зачем пришла. Она разбито кивает. Похоже, оба хотят поделиться своим горем. И когда я скромно опускаюсь на край пыльного кресла, расположенного напротив, уже понимаю, что подписываюсь под обязательством написать об этом, если они попросят. Об этом же просил Герман. Уже слишком поздно, но я могу спровоцировать хоть какие-то подвижки в деле.

Мы сидим в тёмной комнате, где на облезлом полу слоями покоится давняя пыль. А на кофейном столике на соплях держится завал из вещей и посуды. Холодные помещения комнат давно не слышали детского смеха. Он забрал с собой всё, включая жизни этих людей. Не смогли смириться с потерей. Но не теряются в алкоголе. Во всяком случае, не каждый день. Не наблюдаю ни одной пустой бутылки. Даже воздух не проспиртован. В какой-то степени это заслуживает уважения, но от этого не легче. Неужели у обоих нет близких, которые могли бы вытащить из бесконечной депрессии? У меня над головой громко тикают часы, будто отсчитывают оставшееся время.

— Я незнакома лично с Миланой, но мой друг рассказывал о ней! — неуверенно нарушаю молчание, тщательно подбирая слова. — Мне очень жаль, что вам пришлось пережить такое. Расскажите, пожалуйста, что произошло.

Хозяева дома обмениваются взглядами, будто безмолвно договариваются о чём-то. Женщина едва заметно кивает. Светлые волосы спускаются практически до плеч. Видимо, до всех этих событий у неё была короткая стрижка. За год отросли и явно нуждаются в парикмахере. Она поплотнее закутывается в плед, как бы прячась от моего внимательного взгляда.

— Мы сами до сих пор не знаем, — заговорил мужчина, опустив взгляд куда-то в пол. — Это случилось в прошлом году, седьмого сентября. Я всегда забирал её из школы и отвозил туда. Идти всё-таки далековато. Но в тот день она осталась на кружок по рисованию вместо продлёнки. У неё был телефон для связи... Мы купили когда она пошла в первый класс. Она всегда звонила, когда нужно было за ней приехать. Но тогда не позвонила. И я поехал сам. Нов школе её не оказалось... — он закрывает лицо руками. Я вижу, как дрожат

его пальцы. А жена ободряюще поглаживает плечо, но при этом взгляд её остаётся пустым. — Я везде искал! Учителя убеждали, что на кружок она не приходила. Но на занятиях была... и просто испарилась.

— А друзья не знали куда она могла пойти?

Чувствую себя так паршиво, словно собственноручно сжимаю в руке острый кинжал, которым ковыряю болезненные раны своих собеседников. Пожалуй, это самое тяжёлое интервью из всех, что мне доводилось брать. Я невольно думаю о близких других жертв, пропавших в районе Мортимора за последние пятьдесят лет. И как собиралась расспрашивать их об этом. Не думала, что это будет так тяжело.

— Нет, я спрашивал и не один раз: никто ничего не знает! — мужчина опускает руки и беспомощно смотрит на меня покрасневшими глазами, в которых стоят непролитые слёзы.

— Простите... кхм... Как я могу к Вам обращаться?

— Михаил... А это Лидия.

— Михаил! — эхом повторяю я. — Расскажите, пожалуйста, о друзьях Миланы. Насколько они были близки?

Он пожимает плечами, раздумывая над вопросом.

— Она была общительной девочкой, — задумчиво отвечает он. — Со многими в школе находила общий язык. Но из самых близких друзей была одноклассница, Оля Стронциева. Они почти никогда не разлучались.

— И в тот день Оля была в школе?

— Д-да... — его голос звучит неуверенно, словно Михаил сомневается. Но потом вдруг обретает твёрдость. — Я видел её и спрашивал о Милане. Она ничего не знает.

Мне кажется странным, что лучшая подруга девочки не могла знать куда она собирается пойти в этот день. Возможно, для обеих это была какая-то тайна, о которой она позже побоялась рассказать. Либо могли надавить родители этой Оли. О таких случаях я тоже слышала. Родители готовы пойти на всё лишь бы защитить своих детей. Но сейчас мы не строим версии. Я лишь хочу узнать больше информации.

— Вы уверены, что она не могла ничего увидеть? — уточняю я. — Если они были такими неразлучными...

— Полиция уже беседовала с ней и её родителями! — вмешивается Лидия. — Думаете, мы не пытались узнать? Сколько раз я ходила к ним и умоляла рассказать правду. В итоге они попросту написали заявление, и суд наложил судебный запрет на приближение к любому из их семьи! Чего вы от нас хотите?

Глядя на разбитые лица, впервые за это время принимаю решение соврать:

— Я хочу осветить вашу историю! Насколько мне известно, расследование по какой-то причине замяли. Если я напишу статью, это может поднять резонанс среди общественности, и полиции придётся вновь заняться этим делом. Это важно хотя бы ради восстановления справедливости по отношению к преступнику. Он должен понести наказание. Думаю, из-за этого вы и согласились впустить меня. У нас общая цель.

Это не совсем ложь: изначально я не планировала писать статью, но теперь планы изменились. О таких вещах людям следует знать. Всем кто, как и я, даже не слышал о трагедии.

Хозяева дома промолчали, выражая этим своё согласие. Несмотря на то, как тяжело вновь и вновь ворошить те события, они, похоже, готовы продолжать.

— Что ещё Вы хотите знать? — спрашивает Михаил.

— Какой была Милана?

Впервые за время нашего разговора по их губам пробегает тень печальной улыбки.

— Самой лучшей! — почти шёпотом вздыхает мужчина. — Жизнерадостная и весёлая. А ещё очень добрая. Помогала бездомным животным, хотела в будущем спасти людей... Настоящая непоседа. Её не усадить за игрушки и куклы: лучше подавай активные игры. Мальчишеские как бы... Футбол, баскетбол. Очень любила кататься на велосипеде... Но вот с рисованием была особая связь. Стоило взять в руки фломастеры и альбом, как от непоседливой девочки не оставалось и следа. Она могла часами сидеть и рисовать... Не хуже всяких Пикассо.

Во мне просыпается тоска по девочке, которую я никогда не знала. Михаил похлопал по карманам и достал смятый альбомный лист.

— Вот... — он протягивает через стол детский рисунок. — Это последнее что она нарисовала.

Я разворачиваю рисунок и вижу поистине впечатляющую работу для юного художника. Портрет собаки с необычными большими глазами, которые напоминают чем-то млечный путь. Кажется, овчарка.

— Это Муха... наш пёс.

— Убежал как-то. Просто сорвался с цепи и не вернулся. — добавляет Лидия. Рукавом незаметно вытирает слёзы.

— И правда не хуже Пикассо! — тихо шепчу я. Мой голос предательски дрожит. Возвращаю рисунок. — Я бы даже сказала, намного красивее.

Михаил заботливо складывает лист в четыре раза и возвращает в карман, как самую дорогую для себя ценность.

— Хуже всего неизвестность, понимаете? — признаётся он. — Мы уже не надеемся, что она вернётся домой... Просто хотим достойно похоронить.

— И наказать подонка, который это сделал! — в глазах Лидии вспыхивает ненависть.

Я прокручиваю в голове сточки из письма Германа. Он писал, что полиция не слишком стремилась заниматься этим делом. Многое кажется странным. Даже Олег реагировал на эту тему как-то нервозно, словно правда может причинить мне вред.

— Но почему полиция не подняла на уши весь город? — делюсь я вслух своими мыслями. — Речь шла о ребёнке, а не каком-то алкаше...

— Мы не знаем! — отвечает Михаил. — Нас не посвящали в подробности дела. Всякий раз говорили, мол, ищем. Просили ждать, вдруг вернётся. Намекали, что сама сбежала.

— Наша девочка, о которой мы и слова плохого не могли сказать! Училась на отлично... А даже если бы и плохо училась, то какая разница? Лишь бы здоровая была! Но хотела стать врачом, поэтому для себя старалась. По дому всегда помогала. Я частенько даже сама отправляла её отдыхать. И в школе не обижали. Я бы почувствовала! Знаю свою дочь... Не могла она убежать!

— Я Вам верю! — спешу заверить я. Почему-то у меня и не возникает сомнений. Видно, что они очень любили Милану.

— А потом всё как-то заглохло! — сдавленно продолжает мужчина. — Я каждый день ходил в участок, но от меня снова и снова открещивались. Пробовали обращаться в СМИ, но никто не написал об этом, ни одна скотина! Пол года мы бились, а потом получили запрет и поняли, что нам не помогут.

— Будь они все прокляты! — прошипела Лидия.

И тут я не могу её осудить. Это как-то немислимо. Напоминает странный заговор. Может, всё-таки виновен кто-то из властей? А его просто тупо покрывают. Но вслух не решаюсь высказать свои подозрения. Эти люди и так настрадались, не хочу сподвигнуть их заработать себе место на нарах.

— А как же знакомые? Друзья? — интересуюсь я. — Они пытались помочь в поисках или поднять шумиху?

Михаил медленно качает головой.

— Только Герман Мартынов! — сухо произносит он. — Удивительно, правда? Мы мало общались, но он единственный боролся вместе с нами до последнего. Остальные только вздыхали и сочувствовали. И ничего не делали. Для нас было трагедией узнать, что и его не стало. Но, если честно, я изначально знал, что для него всё может плохо кончиться. И произошедшее напомнило, что мы все беспомощны перед кем-то выше.

Я выпрямляю спину, охваченная любопытством.

— А вы знаете что-то о том, чем он занимался? — затаив дыхание, спрашиваю я.

Хозяин дома вдруг поднимает на меня взгляд, полный понимания:

— Так он и есть тот самый друг, который рассказал Вам о Милане?

Я коротко киваю. Он тут же начинает суетиться, поправлять одежду. Как будто пробудился интерес к происходящему вокруг.

— Что же Вы сразу не сказали? — бормочет мужчина. — Друзья Германа всегда желанные гости...

— Давайте приготовлю Вам кофе! — спохватывается Лидия.

— Нет, спасибо, ничего не нужно! — спешу заверить я и дожидаюсь, пока оба успокоятся. — Только хочу знать, что такого Герману удалось выяснить. Мне он не успел рассказать.

Муж и жена обмениваются расстроенными взглядами. Лидия вновь кивает, давая разрешение.

— Сложно сказать! — с сожалением отвечает Михаил. — Я знаю, что Герман пытался узнать почему власти скрывают страшные злодеяния, которые творятся в городе. Как я уже говорил, мы не были настолько близки, чтобы он доверил такую информацию. Он просто помогал с поисками Миланы. Мы сами прочесали город, часть леса. Не удалось обнаружить никаких следов. Полиция проверяла водоёмы и Силентию. Водолазы работали несколько дней. После этого как раз и свернули поиски.

— А другие люди не пропадали? Примерно в тот же период?

— Не знаем. Местные, во всяком случае, не жаловались. Туристов тоже никто не искал.

Олег предполагает, что в городе появился подражатель. Значит, должно быть больше одного исчезновения. О других власти тоже молчат. И раз из местных никто не хватился, жертвами могли стать одинокие туристы, либо люди, которых некому искать.

Я возвращаюсь к мыслям о подруге Миланы. Интуиция подсказывает, что девочка точно что-то знает или догадывается. Может, у меня получится её разговорить.

— Скажите, а Милана училась в первой школе? — задумчиво уточняю я, припоминая что Герман об этом упоминал.

— Да.

— Можете описать, как выглядит её подруга Оля? Может, у меня получится с ней поговорить. Вдруг она что-то вспомнит. Хуже уже не будет.

— Сейчас...

Михаил отыскивает среди завала телефон с потрескавшимся стеклом и что-то ищет. Спустя минуту показывает мне их общую фотографию.

— Она справа, с косичками.

Я вижу рыженькую девочку с милыми веснушками. Рядом с ней, вероятно, Милана. Поистине милое создание с прямыми тёмными волосами. Невинная улыбка, добрые глаза. Мне тяжело смотреть на это фото. Я пытаюсь запомнить черты лица Оли, но глаза невольно возвращаются к Милане.

— В какое время у них обычно заканчиваются занятия? — задаю вопрос я, с трудом заставляя себя оторвать взгляд от фотографии.

Михаил задумывается.

— В прошлом году я чаще всего приезжал к часу-двум, — припоминает он. — Сейчас Милана перешла бы в четвёртый класс.

Уже что-то. Попробую перехватить Олю после занятий. Если успею.

— Девочки раньше всегда ждали, когда за ними приедут, на спортивной площадке возле школы. Возможно, Оля и сейчас туда ходит.

— Спасибо, Вы очень помогли!

Я поднимаюсь с кресла, намекая, что интервью закончено. Мужчина тут же соскакивает следом. Я вновь вспоминаю какой он высокий по сравнению со мной. Приходится задрать шею, чтобы увидеть его глаза.

— Мы можем ещё что-то для Вас сделать? — поспешно спрашивает он, будто боится, что я сейчас убегу и забуду об этом, как другие журналисты, с которыми они говорили.

— Нет, вы и так очень помогли! — с улыбкой успокаиваю я. — Разве что понадобится фото Миланы для статьи, но я заеду за ним в другой раз. Сперва хочу поговорить с её подругой.

На их лицах читаю недоверие, но не знаю, как ещё могу убедить. Тут я бессильна. Разве что пообещать. Это я и делаю:

— Не переживайте, статья выйдет. Вы первыми об этом узнаете. Я обещаю!

Они провожают меня до дверей, рассыпаясь в благодарностях и заваливая вопросами. Я отвечаю настолько конкретно, как только могу. Пока ещё и сама не знаю как скоро статью опубликуют. Но займусь ей в ближайшее время.

В прихожей на тумбочке меня ожидает открытие, которому изначально не придавала значение. Скорей всего, не увидела из-за стопки просроченных счетов. Запечатанный флакон с лекарством. Мне требуется секунда, чтобы узнать его — точно такой же припрятала мама подальше от меня: без маркировки и каких-либо пометок.

— Откуда у вас это лекарство? — тут же осведомляюсь я. Не слишком ли странное совпадение?

Лидия безразлично смотрит на флакон.

— Марина давно как-то дала. Мать Оли Стронциевой! — поясняет она, уловив немой вопрос. — Сказала, мол, это успокоительное какое-то или что-то вроде того. Поможет справиться с горем.

— Мы не стали принимать, но сохранили на всякий случай! — добавляет Михаил. — Вдруг какая-то запрещёнка. Даже проводили экспертизу, но ничего не выявили. Не знаю даже, зачем храним до сих пор.

— А экспертизу проводили в Мортиморе? — задумчиво уточняю я.

— Угу.

Немного поразмыслив, задаю вопрос:

— Могу я забрать его? Попробую выяснить, что это за успокоительное такое.

— Конечно! — без проблем соглашаются они. Похоже, мне удалось заслужить доверие. — Будем рады, если это как-то поможет!

Кивнув, прячу флакон в сумку. Возможно, и правда ничего такого, но проверить лишним не будет.

С тяжёлым сердцем покидаю неухоженный дом. В начале визита мне хотелось как можно скорее убраться отсюда, а сейчас не хочу их оставлять. Они будто оживились только во время разговора со мной. И то благодаря Герману. Он был слишком хорошим для этого мира.

На прощание Михаил даёт мне свой номер и просит сообщать новости. А так же обращаться по любым вопросам. Я соглашаюсь и обещаю позвонить, если что-то выясню. Когда он закрывает дверь, вновь прохожу через грязь к своей машине. Но застываю на полпути.

Пока меня не было, кто-то разбил все стёкла. Земля рядом усыпана мелкими осколками. Подбегаю к джипу и обнаруживаю, что проколоты шины. По грязи в сторону дороги тянутся размытые следы. На двери красной краской нацарапана неровная надпись: "Убирайся"!

13. Ставки повышаются

Чувство паники постепенно угасает. Я, наконец, беру себя в руки и выхватываю из сумки телефон. Пока ищу в интернете номер эвакуатора, в голове проносится лишь одна мысль — кто-то решительно настроен помешать моему расследованию. И теперь он переходит к радикальным мерам. Пока это лишь предупреждение, но вандализм по отношению к машине даёт понять, что следующей пострадать могу уже я. Или мои близкие, чего допустить не могу. В любом случае, машина нуждается в ремонте, и я не смогу уехать в ближайшее время. Так что вандал оказался не слишком умным. Если, конечно, я правильно его поняла.

Совершив звонок, я стала ждать. Эвакуатор должен приехать в течение получаса. Я аккуратно подхожу к джипу и достаю из бардачка водительские права. Сгребаю в сумку все ценные документы и вещи. Под подошвами хрустит стекло. Затем отхожу подальше, начинаю курить и размышлять. Рассматриваю корявую надпись.

Из личных вещей вроде ничего не пропало. Значит, целью было исключительно припугнуть. Задаюсь вопросом стоит ли звонить в полицию. Потом решаю, что обойдусь. Слишком много странностей происходит в Мортиморе. Не могу доверять даже полиции. Тот, кто разбил мою машину, явно не из простых. Не думаю, что его найдут и смогут привлечь к ответственности.

Осматриваюсь вокруг, выдыхая дым. Полусгнившие дома теперь выглядят ещё страшнее. Могу походить, постучаться в двери и окна, поспрашивать жильцов. Но сильно сомневаюсь, что это что-то даст. Я и сама ничего не слышала, находясь ближе всех от машины. А если кто-то всё же стал невольным свидетелем акта вандализма, вопрос заключается в том, станут ли они говорить.

Значит, я двигаюсь в правильном направлении и уже близка к разгадке. Страх, который поначалу завладел мной, теперь перерастает в злость. Никому не позволю запугивать меня! И не успокоюсь, пока не выясню правду! Но сначала нужно позаботиться о том, чтобы никто не тронул близких мне людей.

Это решение даётся мне непросто, но я вновь достаю мобильник и набираю номер, добавленный в список быстрых вызовов. Каждый гудок заставляет меня сжимать зубы, сдерживаясь от желания отключиться и не вспоминать. Но других вариантов у меня нет.

Очередной надоедливый гудок обрывается знакомым голосом:

— Алло, я перезвоню!

— Подожди! — спешно выпаливаю я. — Это срочно!

— Что-то с Алисой? — после секундной заминки спрашивает голос. Я ощущаю в нём нотки беспокойства. Это добавляет уверенности.

— Да, можно сказать и так.

Какие-то помехи, затем он произносит почти шёпотом:

— Давай только быстрее, у меня совещание в самом разгаре!

Я медлю, подбирая слова. Игорь вновь поторапливает, и приходится говорить как есть.

— Слушай, мне неудобно тебя дёргать, но у меня возникли кое-какие проблемы! — виновато сообщаю я. — Мы с Алисой до сих пор в Мортиморе. Я сейчас не могу уехать, а у неё школа, танцы... У тебя есть возможность приехать за ней и присмотреть несколько дней в Таганроге? Правда очень нужно!

Он тяжело вздыхает.

— Лера, ты издеваешься? — возмущается мужчина. — Нашла ближний свет! О таких вещах нужно договариваться заранее. У меня работа, намечается выгодная сделка, которая позволит расширить филиал. А ты просишь меня всё бросить и тащиться шестнадцать часов в вашу дыру!

Я не стала говорить, что на самолёте было бы быстрее. Потом просто взять на прокат машину и не париться. Но в этом весь Игорь — признаёт только собственный транспорт. По этой причине он видится с Алисой только по видеосвязи, и когда она приезжает погостить на каникулах. Крайне редко.

— Знаю-знаю! — устало перебиваю поток возмущений. — Не просила бы, но это очень важно! У меня куча проблем, сломалась машина... Я задержусь максимум на три-четыре дня, обещаю!

— В чём проблема позвонить в школу и предупредить? Три дня ничего не решат!

— Позвонила бы, будь это так! — уже начинаю злиться. — Игорь, я хоть раз тебя просила о чём-то с момента нашего расставания? Ты меня знаешь, просто так не стану дёргать.

Минутное молчание, и он всё же уступает:

— Ладно, тебе повезло что мне некогда говорить! Выезжаю сегодня, ждите к завтрашнему вечеру.

Я не могу сдержать вздох облегчения. Меня переполняет радость. Скоро Алиса будет в безопасности, и ни одни угрозы её не коснутся.

— Спасибо, я у тебя в долгу! — с улыбкой благодарю я. — И Алиса будет рада тебя видеть.

— Да-да, ну всё, мне пора!

— Ты помнишь адрес? — торопливо уточняю я, пока он не отключился.

— Обижаешь! — отмахивается Игорь. — Пока-пока!

Он сбрасывает вызов прежде, чем я успеваю попрощаться. Что ж, это вынужденная мера. Мне всегда спокойнее, когда Алиса рядом, но не здесь. Осталось только поговорить с ней и родителями, всё объяснить. А ещё мне предстоит отдельный разговор с мамой и папой. Я не могу убедить их уехать из родного города, в котором они прожили большую часть жизни. И не могу рассказать всего, иначе будут сходить с ума от беспокойства или совершат необдуманный шаг. Но должна предупредить, чтобы были осторожнее. Рассказать хотя бы часть правды.

Когда приезжает эвакуатор, я откладываю размышления на потом. Водитель крайне удивляется, увидев мою машину. Интересуется, вызывала ли я полицию, и предлагает сделать это самому. Я отказываюсь от всех предложений и только прошу доставить джип в автосервис.

Мы договариваемся об оплате, решаем все рабочие формальности. Я с разрешения водителя забираюсь в кабину и усаживаюсь на пассажирское место. Жду, пока мою малютку поместят на платформу позади кабины. Вскоре единственным напоминанием о произошедшем остаются осколки стекла, поблёскивающие в зарослях жухлой травы.

Через час я оставляю свой джип в автосервисе. В надёжных руках, как я надеюсь. Сроки починки машины меня не устраивают, но удалось договориться сделать всё в кратчайшее время. Правда, за это мне придётся выложить целое состояние. Благо есть кое-какие сбережения на крайний случай. Так что голодать не будем, как и брать кредиты, чтоб им не

ладно было!

Домой возвращаюсь пешком. Погода вполне терпимая для Мортимора, но я всю дорогу думаю об угрозах. Сначала летучая мышь в коробке из-под обуви, теперь разбитая машина. Следующим шагом меня пов*сят в лесу на старом дереве? На всякий случай почаще оглядываюсь по сторонам.

Есть ли вероятность, что вандализм совершил тот же человек, который следил за мной на парковке возле "Меридии"? Тогда он следует за мной по пятам и следит за каждым шагом. Возможно, даже сейчас...

Я ускоряюсь и незаметно преодолеваю половину города. Всё время забываю какой он маленький в сравнении с Таганрогом. Вот уже родной микрорайон Роща, ухоженные улицы. Плотно закрываю ворота, когда захожу во двор родительского дома. Это вряд ли остановит преследователя, но хотя бы немного успокоит меня.

Обнаруживаю, что дом пустой. Меня тут же охватывает паника. Оббегаю все комнаты и кричу их имена. Начинаю звонить матери. Попутно нервно кусаю ногти. Абонент не отвечает. Дьявол! На всякий случай звоню ещё раз: вдруг связь барахлит. Но снова мимо. Изводя себя, пробую дозвониться до отца. И тут удача.

Первым делом спрашиваю, где они, и с ними ли Алиса. Глупый вопрос: её одну не оставят. Но мне важно услышать подтверждение. Папа явно в замешательстве спешит меня успокоить. Говорит, что вышли прогуляться до берега Силентии. Леди тоже с ними. Ужас, пробирающий до костей, утихает, но я сильно злюсь. Выясняю, почему не могла дозвониться до мамы. Когда мне отвечают, что она забыла зарядить телефон, отчитываю. А как иначе я могу дозвониться? Не забываю отругать за то, что увели мою дочь без предупреждения: могли хотя бы записку оставить. К концу разговора бедный папа весь вспотел от нервов, пока мама не перехватила трубку и не остудила мой пыл. С ней так просто не забалуешь: чуть что, сразу хватается за сердце.

Выговорившись, я прошу их скорее вернуться. Предупреждаю о важном разговоре. Мама просит не пугать их и обещает вернуться через пол часа. Теперь мне остаётся только ждать.

Иду на кухню и наливаю себе чай, проклиная весь мир. Выпиваю через силу: аппетит неважный, почти не чувствую вкус. Понимаю, что мой дикий вид мало пойдёт на пользу делу. Беру себя в руки, успокаиваюсь, анализирую дальнейшие шаги. Вспышку гнева по телефону спишу на трудный день. Всё-таки я лишилась машины.

Задумываюсь, что делать с неизвестным лекарством. В Таганроге у меня есть хорошая подруга фармацевт, которая может помочь с идентификацией вещества. Придётся напрячь Игоря. Как ни странно, могу доверить ему такую ответственную миссию. Экспертиза в среднем займёт около десяти дней. Так что чем раньше приступим, тем лучше.

Вскоре возвращаются пропажи. Я встречаю их с улыбкой. Обнимаю дочь, словно не виделись уже целую вечность. И под недоверчивыми взглядами родителей возвращаюсь на кухню. Вместе с мамой готовим ужин. Алиса помогает. Сегодня у нас будут мамины домашние котлеты, которые я так обожаю. А на гарнир гречка с зажаркой.

Пока мы с Алисой занимаемся овощами, мама лепит котлеты. Пару раз пытается расспросить о недавнем эпизоде, но я отмалчиваюсь. Хочу подождать, пока все соберёмся. Конечно, отсутствие машины трудно не заметить. Придумываю отмазку, что спустило колесо на выемке. Звучит не очень убедительно, но пока от меня большего не добиться. Мама беспокоится о том во сколько обойдётся ремонт. Я успокаиваю тем, что это не её забота. Но это же мама! Оставшееся время приходится слушать причитания о том, как она не

хотела, чтобы я получала права, как опасно на дорогах и сколько аварий случается повсеместно.

За ужином сообщаю о приезде Игоря. Алиса в восторге. Родители, кажется, начинают что-то подозревать. Особенно, когда предупреждаю, что останусь на какое-то время. Боюсь расстраивать Алису, но она соглашается ехать без меня, как только узнаёт, что задержусь всего на несколько дней. Ещё обещаю почаще звонить.

Когда укладываю дочку спать, наконец, могу спокойно поговорить с папой и мамой. У меня было достаточно времени, чтобы придумать правдоподобную версию. Мне удалось продвинуться в расследовании, но не успеваю закончить. Не хочется вынуждать Алису пропускать школу. Игорь согласился за ней присмотреть, заодно проведёт время с дочерью. Предупреждаю, что всё оказалось куда сложнее, чем я предполагала. Есть люди, которым не нравится то, что я делаю. Прошу обоих присматривать друг за другом.

— Так и знала, что добром это не кончится! — вздыхает мама, перебивая шум телевизора. — Ещё и нас втягиваешь! Правильно, пусть лучше Алиса держится подальше от твоей глупости! Не дай Бог, что-то случится...

Впервые её мнительность становится уместной. Пусть лучше боится: это повысит внимательность. Папа реагирует спокойно. Пытается успокоить маму. К единому мнению они не приходят. Я выслушиваю целый сноп обвинений и страхов, уговоров и убеждений. Доходит даже до ссоры. В конечном итоге мама решает махнуть рукой.

— Делай что хочешь! — заявляет она. — Я тебя предупредила!

Больше мы не разговариваем. Остаток вечера провожу за ноутбуком и работаю над статьёй. Вскоре в глазах начинает рябить от всех этих лайфхаков и рецептов. Сажу до поздней ночи, но теперь у меня есть две законченные статьи. Отправляю на почту главному редактору. Остаётся надеяться, что он не забракует.

Несмотря на усталость, принимаю душ, чтобы смыть с себя напряжение. Засыпаю быстро, едва коснувшись подушки. Рано утром меня будит стук в дверь. Я нервно поднимаю голову, тут же забыв про сонливость. Родители и Алиса ещё спят.

14. Где скрывается враг

Спустя пару минут стук повторяется. Какое-то время меня парализует страх. Я смотрю на спящую Алису, стараясь не думать о том, что это очередное предупреждение, или на этот раз хуже. Боюсь даже представить, что ждёт меня за этой дверью. Но понимаю: если не пойду открывать, незваный гость перебудит всех в этом доме.

Аккуратно перелезаю через Алису и спускаюсь на пол. Она шевелится, потревоженная моими действиями, но не открывает глаза. Накидываю на себя тонкий халат, обуваю тапки и иду к двери. Сердце колотится с такой силой, что немного колит в груди. Когда тянусь к ручке, пальцы плохо слушаются. С трудом отпираю замок.

Приоткрываю дверь и настороженно выглядываю наружу. Мой взгляд тут же натывается на голубые глаза. Несколько мгновений я молча смотрю на них, пока знакомый голос не приводит меня в чувство.

— Доброе утро, незнакомка! — с улыбкой произносит Олег. На нём рабочая форма. Щёки покрыты лёгким румянцем из-за утреннего мороза. Из рта вырываются клубы пара. Когда он вновь начинает говорить, с лица исчезает вся радость. — Нам надо поговорить.

Инстинктивно я понимаю, что нахожусь в безопасности, и пошире открываю дверь. Но в спутанных мыслях не могу должным образом отреагировать. Даже не знаю: радоваться мне или беспокоиться.

— В такую рань? — возмущённо шиплю я. Оглядываюсь назад, затем выскакиваю за дверь и аккуратно прикрываю. Тем самым вынуждаю его отступить на пару шагов. Закутываюсь поплотнее в халат, спасаясь от холода. — Это не могло подождать?

Олег посмотрел куда-то в сторону, словно обдумывает ответ. Потом лишь неопределённо пожимает плечами.

— Да, глупо вышло! — признаёт он. — Извини, я просто немного переволновался.

— По какому поводу? — уже мягче осведомляюсь я.

— Твоя машина! — отвечает одноклассник, всматриваясь в моё лицо. Мне начинает казаться, что он пытается распознать вероятную ложь. — Когда ты собиралась сообщить об акте вандализма и угрозах в отношении тебя?

Вообще-то это не твоё дело — так и норовит сорваться с моих губ. Но я говорю другое:

— Откуда тебе известно про машину?

— Подобное происшествие не могло остаться без внимания! — уклончиво заявляет он. — Прежде всего я хотел убедиться, что ты в порядке. А потом уже разложить по полочкам, как нужно поступать в подобных ситуациях.

— Я в порядке, спасибо за беспокойство! — сухо отвечаю я. — Что касается второго, я прекрасно знаю. Мне казалось, я имею право сама решать, обращаться ли в полицию.

Олег делает шаг вперёд, вынуждая меня вжаться в дверь. Тень ложится на его лоб, делая бронзовые кудри тусклее.

— Лера, я просто пытаюсь помочь! — тихо проговаривает он. Теперь я чувствую приятный аромат, исходящий от его волос и кожи, но стараюсь об этом не думать. Оставляю без внимания собственные ощущения. — Это не шутки! Мы оба понимаем, что эта угроза не была простой шалостью местной шпаны. Ты влезаешь на опасную территорию, и могут быть последствия. Я не для того назвал тебе имя той девочки, чтобы ты затем поехала расспрашивать её родителей. Я просил довериться мне и позволить вести расследование

самому.

— Если хочешь помочь, просто расскажи всё, что знаешь! — упрямо гну своё я. — Трудно доверять человеку, который скрывает детали и пытается держать меня как можно дальше от расследования!

Даже если Олег расстроился, то не подаёт виду. Вместо этого с сожалением хмурит брови.

— Я не могу, ты же знаешь! — вздыхает он.

— Я тоже не могу всё бросить. Надеюсь, сможешь понять!

На этом разговор заходит в тупик. Мужчина коротко кивает, признавая поражение. Напоследок предупреждает, намеренно понизив голос:

— Я позаботился о том, чтобы твой джип отремонтировали в ближайшие дни. Лучше уезжай как только заберёшь его из автосервиса! Я займусь поимкой вандала. Не переживай, допрашивать тебя не буду. Просто держись как можно дальше от всего этого. Если узнаю, что ты опять копаешься в этом дерьме, доложу начальству, и тобой займутся! Я сам позвоню, когда будут какие-то новости.

Похоже, ребята из автосервиса теперь разбогатеют! Я хмуро смотрю на собеседника, мысленно противясь каждому слову. Но молчу. Нет смысла ничего говорить. Но впредь и правда постараюсь быть осторожнее.

— Береги себя! — не дождавшись ответа, добавляет Олег и быстро спускается по ступеням.

Я наблюдаю, как он пересекает двор и скрывается за забором. Ворота со звоном захлопываются. Даже думать не хочу откуда он узнал мой адрес. Похоже, в этом городе любой может беспрепятственно получить скрытую информацию, а потом проникнуть на частную собственность. Но он же коп, что поделать! Раздражённая возвращаюсь в дом.

Спать ложиться уже неохота. Умываюсь и иду готовить на всех завтрак. Бросаю взгляд на часы, которые едва добились до семи утра. Подавляю очередной взрыв негодования. Очень мило, что бывший одноклассник переживает за меня, но это могло подождать хотя бы пару часов. Вообще законно будить людей в такую рань? Да и слабо верится в благородные мотивы. Больше склоняюсь к тому, что он просто-напросто хочет контролировать меня, чтобы удерживать подальше от расследования. Мог даже незаметно подкинуть что-то, пока я не видела. На всякий случай проверяю карманы халата. Нащупав пустоту, успокаиваю себя. Хватит искать подвохи там, где их нет!

Через час на плоских тарелках дымятся немного неказистые блинчики. Уровень моего кулинарного мастерства во многом зависит от настроения. Чем оно лучше, тем божественней еда. Сегодня не тот день.

Первыми просыпаются мама и папа. Алисе даю возможность выспаться. Скоро начнутся занятия, будет уже не до этого. Мама до сих пор со мной не разговаривает. Я не пытаюсь первой навести мосты. Вместо этого молча жую свой блинчик, макая в клубничное варенье. Папа пару раз пытается разрядить обстановку: безуспешно. Он единственный хвалит мои кулинарные старания.

С пробуждением Алисы мне становится повеселее. Дом вновь наполняется весельем и ощущением радости. Незаметно для себя я тоже заражаюсь от неё хорошим настроением. Жду когда она позавтракает, а потом мы вместе выгуливаем Леди. Ко мне она явно равнодушна, но зато без ума от Алисы. Наблюдая, как они вместе носятся по лужам и играют, я невольно вновь задумываюсь о том, чтобы завести собаку.

После прогулки помогаем маме с уборкой по дому. Вместе и в придачу с хорошим настроением можно запросто даже рутинное занятие превратить в увлекательную игру. Я спрятала плюшевого медведя на полке за книжной стопкой. И во время поисков Алисе предстояло протереть от пыли каждое место, которого коснётся. Я подсказывала нужное место при помощи "тепло" и "холодно". А когда она обнаружила медведя, искать свой приз, вооружившись метёлкой для смахивания пыли, предстояло уже мне.

Мы не заметили, как пролетело время. Даже мама с её хмурым взглядом не могла испортить мне настроение. Закончив с пылью, мы полили цветы, протёрли все листья влажной тряпкой. Во время этого занятия придумывали волшебный мир, в котором живут маленькие эльфы. И каждое растение предназначалось для каких-то целей. Одно имело лечебные свойства, другое использовалось против врагов. А третье и вовсе умело щекотать любого, кто подойдёт слишком близко.

Выдумывали на ходу, пока не привели в порядок последнее растение. Кажется, фиалку. Домашние растения — мамина страсть. А я никогда особо с ними не дружила. Дома у меня смог выжить только кактус в стареньком горшке. Поливаю время от времени, когда вспоминаю про него.

Договариваемся с Алисой разделить оставшиеся дела. Я вызываюсь пылесосить, а она предлагает помыть потом полы. Конечно, здесь нет навороченной складной швабры с функцией самоотжима, как у нас дома. Мама использует примитивную швабру и половую тряпку. Поэтому я всё же помогаю потом отжимать. Заодно придумала подарок для мамы на будущее: многофункциональная швабра значительно упростит жизнь.

Пока мы с Алисой домываем полы, мама суетится со стиркой, моет плиту, раковины, ванну и туалет. Зато потом дом сияет от чистоты и пахнет свежестью. Леди недовольно забивается под диван на кухне. Она главный противник уборки.

Уставшие и довольные, мы садимся обедать. Разогреваем вчерашнюю еду. Приятно на какое-то время отвлечься от переживаний и проблем. Мне даже грустно, что Алиса сегодня уезжает, хоть я и увижу её совсем скоро. И вот, как по заказу, когда наши тарелки почти опустели, снаружи раздаётся протяжный сигнал автомобиля. Три долгих гудка, которые мне так знакомы.

Я даже невольно усмехаюсь. Кажется, что сейчас сорвусь с места, подправлю макияж и побегу навстречу своему принцу. Меня ждёт длинное эссе, конспекты по двум предметам необходимо выучить, подготовиться к завтрашнему зачёту. Надевая обувь, напому себе, что следовало бы остаться и готовиться, но душой уже рвусь на улицу, чтобы угодить в любимые мужские руки. И меня будут ждать несколько минут рая в его объятьях.

Вместо этого я закатываю глаза и сообщаю дочери, что приехал папа. Но она понимает это и без меня. Едва я успеваю обронить фразу, как уже радостно бежит одеваться и встречать. Я бросаю многозначительный взгляд на родителей и плетусь следом. Знаю, они его недолюбливают, но в этом никогда не было никакого смысла. Тем более теперь. Так что постараемся обойтись без драм.

Обуваюсь, накидываю пальто и выхожу во двор. Не забываю перед этим переложить флакон с лекарством в карман. Алиса уже несётся к воротам и хватается за ручку. Длинные волосы развиваются на ветру, как мягкие блестящие облака. Пока маленькие пальчики возятся с замком, успеваю подойти и немного помочь. Дочка бежит к машине, а я остаюсь у ворот.

Посреди дороги стоит шикарный белый мерседес. Водительская дверь открыта: Игорь

вальяжно опирается на неё. В идеально выглаженном костюме, поверх которого накинута распахнутое пальто. Солнечные очки скрывают самоуверенный взгляд. И пусть на улице серо: главное, имидж. Но на самом деле просто скрывает следы бессонной поездки. В ухе виднеется Bluetooth-гарнитура для связи с партнёрами и инвесторами. Из салона доносится рок-музыка.

За мгновения до встречи с Алисой Игорь моментально преобразуется из брутального бизнесмена в любящего отца. Он обходит машину и с широкой белозубой улыбкой приседает на корточки, распахнув руки в стороны. Алиса вешается к нему на шею, едва не повалив на грязный асфальт. Но Игорю всё равно, он лишь крепче прижимает её к себе.

— Привет, принцесса! Я тоже очень скучал! — радостно делится он. Затем отстраняется и заглядывает в глаза. — Готова ехать домой? Уж мы там оторвёмся, пока мамы не будет!

— Да-да! — радостно пищит Алиса. — Я уже почти собрала вещи.

— Тогда беги за ними, я буду ждать здесь! — Игорь весело щёлкает её по носу и выпрямляется.

Дочка не в себя от радости пронесется мимо меня в дом. Я лишь чувствую на коже лёгкий сквозняк. Когда Игорь переводит на меня взгляд, на его губах ещё играет лёгкая улыбка.

— Неважно выглядишь! — подмечает он.

— И я очень рада тебя видеть! — в той же интонации отзываюсь я. — Может, хочешь отдохнуть с дороги? Всю ночь ехал.

— Отдохну в твоей квартире! — отмахивается мужчина. — Если выедем сейчас, успею поспать несколько часов перед совещанием в zoom.

Я скрещиваю руки на груди:

— Совещанием?

Он разводит руками:

— Я не могу исчезнуть накануне важной сделки! Пока поработаю удалённо. Не переживай, Алиса будет в надёжных руках. Мы успеем как следует повеселиться, объесться мороженым и пиццей.

— Не забывай, что ей ещё нужна нормальная еда!

— Этим её сполна обеспечат в школе! — Игорь улыбается, заметив мою реакцию. Примирительно признаётся. — Да ладно тебе, я же шучу! Нельзя всё время быть такой серьёзной. Нормально всё будет!

Я удовлетворённо киваю. В своё время мы расстались не очень мирно. Я слишком сильно была влюблена, но у него было много амбиций. Хотел переехать в столицу и заняться собственным бизнесом. Я же твёрдо решила остаться в Таганроге. Это привело к крупной ссоре. Но позднее мы смогли прийти к здравому решению. И пусть Игорь не самый лучший партнёр по части любви, зато отличный отец. Не из тех, кто чисто для галочки пересылает раз в месяц алименты. С Алисой видятся редко, но оба очень скучают. Ради неё он готов бросить все дела, даже накануне важной сделки. В основном, из-за дочери нам удалось сохранить более-менее дружеские отношения. Частенько обмениваемся саркастическими шутками и колкостями, но любя.

— Может, хотя бы кофе с собой? — на всякий случай предлагаю я, вглядываясь в тёмные линзы очков.

Игорь с шумом выдыхает воздух. Температура успела прогреться: утром было намного холоднее. Но по моей спине всё равно бегут мурашки.

— Не обижайся, Лера, но я не особо доверяю здешней кухне! — воздерживается бывший, как бы намекая на взаимную неприязнь к моим родителям. — Возьму на заправке.

— Ага.

Решаю воспользоваться тем, что мы пока одни. Пересекаю разделяющее нас расстояние, излагаю просьбу. Игорь ожидаемо противится, но это как раз в его духе — поначалу ворчит, но в итоге всегда помогает.

— Ты подсела на колёса? — кривится мужчина, с подозрением засмотревшись на флакон, когда я отдаю лекарство.

Я воровато оглядываюсь по сторонам.

— Это по работе! — настойчиво надавливаю на его руку, намекая, что не стоит так светить.

— Занятная у тебя работёнка! — хмыкает он и засовывает флакон во внутренний карман. — Я приму пару штук? Вдруг вставит.

— Дурак! — огрызаюсь я. Затем даю нужный номер. — Постарайся сегодня отдать таблетки. Это очень важно. Правда!

— Не парься, сделаю!

Я благодарно улыбаюсь. Через несколько минут довольная Алиса вываливается во двор с рюкзаком и пакетом. Спешу помочь ей донести багаж до машины. Пакет довольной увесистый: бабушка и дедушка не оставили без гостинцев. С облечением передаю вещи Игорю. Мы почти не касались багажа после приезда, так что собирать пришлось немного. На всякий случай спрашиваю про зубную щётку. Про квартиру молчу: не пропадут. Алиса при необходимости всё расскажет и покажет. Обнимаю и целую на прощание дочь. Отдаю бывшему ключи от квартиры. Прошу позвонить, когда приедут.

Он открывает перед дочерью заднюю дверь и галантно закрывает, как только она садится. Прежде, чем занять водительское кресло, поворачивается ко мне:

— Передавай привет маме и папе!

И садится в машину. Музыка почти полностью затихает. Я слушаю мягкое мурлыканье двигателя, после чего они уезжают, разнося по округе брызги луж.

С тоской возвращаюсь в дом, который теперь кажется мне в разы мрачнее. Проходя мимо кухни, ловлю на себе взгляды родителей. Сначала хочу пойти в комнату и побыть наедине с собой. Но, подумав, заглядываю к ним и нерешительно останавливаюсь на пороге. Мне видится осуждение в их глазах, но я могу выдумывать. Какое-то время молчим, подкрепляя напряжение.

— Как там дела у тёти Светы? — наконец, осведомляюсь я. — Может съездите к ней погостить на пару дней?

Это родная сестра мамы. Они очень близки. Живёт в Приморке: большом посёлке, расположенном в двадцати трёх километрах от Таганрога. Там есть своя инфраструктура, так что посёлок не уступает Мортимору. И рядом море.

Периодически мама ездит в гости на несколько дней. В основном весной или в начале лета. В детстве и я пару раз ездила вместе с ней. Помню, как нравилось ходить по пляжу босиком, когда тёплые волны омывают ступни. Воспоминания об этих поездках сохранились смутные.

— Даже думать забудь об этом! — резким тоном возражает мама и смотрит на меня так, словно я предлагаю ограбить банк. — Я не знаю во что ты влезла, и отправить Алису в Таганрог, пожалуй, было лучшим твоим решением за эту неделю! Но нас можешь даже не

просить! Я не оставлю тебя здесь одну!

— Мама права! — принимает её сторону отец. — Какие из нас родители получатся, если бросим родную дочь в опасности?

— Опасность — слишком сильно сказано!

— Мы тебя услышали, Лера! Теперь и ты услышь нас.

Я даже не пытаюсь их переубедить. Просто киваю и закрываюсь в комнате. Заваливаюсь на кровать. Какое-то время смотрю в потолок. Вспоминаю себя в шестнадцать лет, и как временами поступала точно так же после ссор с родителями. Похоже, некоторые привычки с возрастом не меняются.

Когда одиночество начинает слишком давить, мой взгляд падает на коробку с письмами. Кажется, будто частичка старого друга сейчас находится там. Нужно лишь протянуть руку, и мне уже не будет так тоскливо.

Перетаскиваю коробку на кровать. Аккуратно раскладываю на покрывале письма. Их так много и одновременно мало, чтобы заполнить образовавшуюся пустоту где-то внутри меня. Провожу кончиками пальцев по старым конвертам с цветными марками. Сколько же времени мы с Германом проводили на почте каждую неделю, чтобы отправить очередное письмо! Для меня это было настоящей пыткой.

Пальцы цепляют вскрытый конверт, который я получила в канун Нового года в 2013 году. Планировала отмечать в кругу семьи в Мортиморе, даже пригласила Германа заблаговременно. Но в последний момент подруга по Университету предложила остаться в Таганроге. Планировалась многообещающая вечеринка. Или вписка, если простыми словами. Родителям соврала про тематическую вечеринку и невозможное желание влиться в студенческий коллектив. Не забыла предупредить и Германа, использовав ту же отмазку.

К слову, на этой вечеринке я и познакомилась с Игорем. Тогда он ещё не носил дорогие костюмы, не ходил в налакированных до блеска ботинках и не пользовался дорогим парфюмом. Это был просто парень с района в футболке с принтом группы Skillet. Так получилось, что я в то время обожала эту группу. Все пластинки уже заслушаны до дыр. И восемьдесят процентов плейлиста в плеере составляли их треки. Мы быстро нашли общий язык.

Находясь во власти дешёвого пива, позднее мы переспали в этой квартире. В маленькой захлавленной комнате, где за стеной веселились люди. Играла громкая музыка. Смутно помню этот момент, но хорошо запомнился вид из окна этой комнаты. Я смотрела туда почти всё время. Видела только крыши домов, покрытые тонким слоем снега. И на секунду спросила себя, действительно ли стоило променять на это вкусный ужин у себя дома в тихом семейном кругу?

А после смазанной неуклюжей близости мы разошлись. Я почти не видела Игоря среди толпы малознакомых студентов. Вроде как общался ещё с парой девушек. По-настоящему мы познакомились уже намного позднее. Пол года спустя.

С тоской разворачиваю письмо и рассматриваю знакомый ровный почерк. Красивые аккуратные линии, каллиграфические завитки, изящные буквы. Таким почерком можно спокойно печатать поздравления на открытках. Он словно вкладывал в написание слов весь свой талант художника. Даже читать нудные школьные конспекты его почерком всегда было сплошное удовольствие.

«Слово — дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, словом

можно и разъединить их, словом служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти» (Л.Н. Толстой).

Вот и 2013 год подходит к концу. Прошло ровно четыре месяца как мы не виделись, с конца августа. Прокручиваю в голове все счастливые моменты за последний год и понимаю, что все они связаны с тобой. Пока я остаюсь в темноте. Чтобы скрасить уходящий декабрь, вчера посетил все наши места в Мортиморе. Помнишь крышу с видом на парк, куда мы забирались с торца здания гостиницы? Сейчас выход заблокировали, чтобы никто не лазил. Но я нашёл способ подняться. Увидел только грязь и слякоть. Думаю, этот Новый год будем встречать без снега.

Не забыл посетить и парк, нашу излюбленную скамейку. Долго сидел, наблюдая за беспокойной Силентией. Ветер никак не оставлял в покое поверхность воды. Местами плавали сгнившие листья. В итоге замёрз и решил немного пройтись.

Погрелся в "Меридии", заказал наш любимый кофе. Помнишь ведь? Капучино со взбитым молоком и посыпкой из корицы. Трудно представить, сколько времени мы провели за этим столиком, хотя всякий раз могли позволить себе исключительно кофе. Должен заметить, без тебя кафе утратило былой шарм. Наверное, теперь буду реже приходить. Да и времени не так много.

А помнишь заброшенное здание завода на бывшем оружейном складе? Кажется, мы успели облазить каждое помещение и осмотреть каждый обломок. Не стал заходить внутрь, хотя и следовало. Слышал, его собираются снести в следующем году. Слишком много любителей развалин развелось. Какой-то мальчик упал с высоты и покалечился. Обошлось без переломов, но ссадин он не избежал. Власти хотят обезопасить детей.

Поход в лес оставил напоследок. Впервые довелось находиться в лесу в сумерках. Он заиграл совершенно новыми красками. Далеко заходить не собирался, так что я шёл пешком и налегке. Дошёл до нашего места с деревом. Когда становилось страшно, представлял, что ты идёшь рядом. И страх сразу отступал. На обратной дороге немного заплутал, но вспомнил наше давнее приключение. Один раз тоже не туда зашли. Когда у меня начали опускаться руки, ты оставалась такой спокойной и рассудительной. Вспомнил все твои указания, которые помогли найти нужную дорогу. Они помогли и в этот раз.

Как ты знаешь, в США ежегодно отмечается День благодарения, каждый четвёртый четверг ноября. Он возник как праздник урожая, дабы выразить хвалу Богу за принесённые дары. Со временем религиозная тематика ушла на второй план, и сейчас это больше семейный праздник с традиционным ужином. В меню входят блюда из продуктов, которыми питались коренные народы Америки. В общем, в этот день принято благодарить близких.

У нас такого нет, но в преддверии Нового года хочу поблагодарить тебя за все эти моменты и добрые воспоминания, перенесённые вместе. Пусть это будет наш личный миг благодарения и наш общий праздник. Надеюсь, я помог освежить их в памяти, и они до сих пор вызывают у тебя улыбку. Хочу пожелать перенести в новом году в два раза больше счастливых моментов с теми людьми, которые теперь стали частью твоей жизни. Я понимаю почему ты захотела остаться и искренне рад, что ты нашла своё место.

Счастливого Нового года,
Герман!»

Дочитывая последние строки, чувствую, как по моим щекам бегут слёзы. Неожиданно и странно. Я будто впервые осознаю, что его больше нет. Какие бы теории я не строила, как бы ни пыталась удержать его поближе своими расследованиями... Это его не вернёт. Всё, что у

меня осталось, это его письма. В них есть счастливые воспоминания, пережитки прошлого, и, главное, его душа.

Я заваливаюсь на подушки, закрываю глаза. Чувствую как слёзы жгут кожу. Перед внутренним взором проносятся мгновения из прошлого, о которых я почти не думала. Как мы с Германом сидим на крыше и любимся на россыпь упитанных голубей внизу, и как покачиваются деревья в парке. Яркие клумбы и редкие прохожие. Нас никто не замечает — мы будто на вершине мира. Вот мы неспешно идём по длинной аллее после школы. Когда замечаем нашу излюбленную скамейку, не сговариваясь, одновременно срываемся с места и бежим на перегонки, пока никто не занял. Долговязый Герман бегаёт быстрее, но я до последнего не сдаюсь. И бесстрашно шлёпаю по лужам. А вот и знаменитые развалины старого завода — самое популярное место среди местной шпаны. Однажды мы как раз пересекаемся с такой компанией: три пацана и две девочки. Выдумываем историю про призраков. Спорим, что они побоятся зайти. Обычно днём не бывает страшно, но пасмурность забирает весь свет, и в некоторых помещениях здания даже днём обычно темно. Но ребята соглашаются. В итоге выдерживают пятнадцать минут и выбегают из здания, пока мы с Германом валимся со смеху. А сколько воспоминаний связано с лесом...

С тоской переворачиваюсь на бок. Теперь ещё одно — Герман погиб в нашем лесу. В голове проносится мысль: а что если в его смерти и правда нет никакой загадки? Он так и не нашёл своё место. Помню, как однажды разговаривали на эту тему. Я спросила, смог бы он пойти на такой шаг, или побоялся. Герман признался, что не раз задумывался о подобном, но вряд ли сможет когда-нибудь взять на себя такой грех. И что подумают мама и папа? Им будет очень больно. Тот Герман, которого я знаю, всегда ставил чужие чувства выше своих. Всегда. Мог ли он настолько измениться спустя десять лет?

Я вспоминаю об угрозах и требовании покинуть город. Мог ли этот человек приложить руку к гибели Германа? И сейчас он нацеливается на меня. Кто-то влиятельный, кто-то опасный. Чем дальше я здесь нахожусь, тем сильнее убеждаюсь, что этого человека будто покрывают власти. Вопрос лишь в том, где он скрывается. Может, член правительства? Или бывший военный? Кто-то из полиции? Если даже и так, то по званию он должен быть выше Олега. Тот, у кого повсюду глаза и уши. Кто пользуется влиянием, связями и ничего не боится.

Если это правда, то дело куда серьёзнее обычного любительского расследования из чувства вины. Это выше всех нас. Не знаю, что ещё получится раскопать, но обязательно сделаю это достоянием общественности. И тогда за дело возьмутся другие люди. Надеюсь, у них получится положить конец череде загадочных исчезновений. Я ещё даже не начинаю писать статью, но уже чувствую, что она вызовет ощутимые последствия.

15. Следующий шаг

Спустя время слабо слышу телефонный звонок. Я всё ещё лежу на кровати среди горы писем. Не заметила, как задремала. Зевая, нащупываю мобильник и не глядя подношу к уху, ожидая услышать Алису. Но из трубки на меня с ходу орёт слащавый голос, напоминающий оперного певца, только этот голос неприятно слушать:

— Арсенева, ты решила довести меня до нервного срыва? Или всё это лишь дурацкая шутка?

Мне требуется минута, чтобы сообразить. Устало запускаю пятерню в волосы, затем провожу ладонью по затёкшей шее.

— Здравствуйте, Арсений Игнатович! — здороваюсь я, скрывая раздражение. — Что случилось?

— Ты правда спрашиваешь меня, Лера? — возмущается он. — А что могло случиться? Разве что я только прочитал белиберду, которую ты мне прислала!

— А что не так со статьями?

Я зеваю и сажусь, устраиваясь поудобнее. Мимоходом бросаю взгляд на часы. Я проспала примерно пару часов. Странно, что Алиса до сих пор не позвонила.

— С первой статьёй всё в порядке! — голос главного редактора постепенно успокаивается и приобретает свою привычную приторность. — Обзор самых запоминающихся летних фестивалей, подведение итогов... Всё прекрасно, я утверждаю! А вот на второй чуть не заснул. Ты серьёзно? — в трубке раздаётся какой-то шум, напоминающий помехи. Затем Синяк начинает цитировать. — Если столкнулись с проблемой трещин на помидорах, но употреблять их в ближайшее время не планируете, есть способ сохранить продукт до нужного момента. Просто засыпьте трещины солью и можете забыть, что такое плесень! — теперь его голос вновь срывается на крик. — Что это за ерунда, Арсенева? Нахваталась лайфхаков из интернета? Не могла хотя бы выбрать самые интересные?

— Я просто пыталась быть оригинальной... — начинаю оправдываться я, но он перебивает.

— Ничего не хочу знать! Всё нужно переделать! В этом наборе текста нет твоей индивидуальности и эстетики, которые ты обычно вкладываешь в свою работу. Один бред!

— Возможно, это потому что у меня обычно другая направленность? — раздражаюсь я. — Могу писать хорошо только о том, что мне интересно!

— Ты должна писать хорошо на ЛЮБУЮ тему! Это твоя работа! — верещит Синяк, и тут я начинаю жалеть, что вообще затеяла этот спор. — Не заставляй меня жалеть, что назначил тебе премию! Даю последний шанс всё переписать до завтра!

Я начинаю представлять, как сижу за ноутбуком и кропотливо выбираю самые выигрышные советы для домохозяек среди лучших способов избавиться от надоедливой пыли и рабочей организацией распорядка уборки. Почему-то от этой картины становится плохо. И я решаюсь рассказать Синяку о своих планах на будущую статью. Зная его слабость к сенсациям, это должно сработать.

— Послушайте, Арсений Игнатович, а что, если я скажу, что готовлю сенсацию для будущего выпуска? — пускаю в ход свой козырь и стараюсь придать голосу соответствующую загадочность: всё как он любит.

Главный редактор на мгновение теряется, но быстро берёт себя в руки:

— Если это попытка отлынуть от работы...

— Ни в коем случае! — решительно перехватываю инициативу я. — Так уж сложилось, что мои дела в Мортиморе переплетаются с работой. Изначально я не планировала об этом писать, но обстоятельства изменились.

— И что за сенсация? — недоверчиво осведомляется он.

Я задерживаю взгляд на письмах: почему-то чувствую себя каким-то предателем или бескомпромиссной карьеристкой. Конечно, родители Миланы Солнцевой с нетерпением ждут эту статью. Это может помочь оживить дело о пропаже их дочери. Но использовать это, чтобы избежать скучного задания... По крайней мере, стоит потратить освободившееся время с пользой. И никак иначе.

— Пока не знаю насколько это серьёзно, — задумчиво объясняю я. — Но пахнет правительственным заговором.

— Неужели? — я прям вижу перед глазами, как Синяк блаженно откидывается на спинку мягкого стула и воображает взлёт продаж журнала "Потерянное поколение" и всеобщий ажиотаж. — Ты в этом уверена? Если это так, то мне даже трудно представить какую шумиху мы поднимем этим разоблачением!

— Дайте мне ещё пару дней, и я смогу дать конкретный ответ! Даже если до заговора не дотянет, моя статья определённо заслуживает внимания.

— Ладно, посмотрим! — соглашается мужчина. — Передам статью о домохозяйках Алине. Жду от тебя отчёт через два дня! Всё, давай, мне ещё нужно дозвониться до Алины.

— До свидания, Арсений Игнатович!

Сочувствую бедной Алине, но почему-то знаю, что ей эта статья удастся намного лучше. Надеюсь, она идёт на поправку. Мы потеряли связь с момента моего отъезда. Чтобы компенсировать это, спрашиваю в мессенджере как у неё дела. Позднее она пишет, что всё хорошо, но с работой туго. Даже на больничном не дают спокойно полежать. Тут уже мы обе надеемся, что скоро это закончится.

Отложив телефон, я убираю письма. Потом опять смотрю на часы и решаю первой позвонить Алисе. К счастью, выясняю, что у них всё хорошо. Просто забыла позвонить. Игорь ещё спит. Сама она поела, разобрала вещи и теперь отдыхает. Мы немного поговорили, а потом я со спокойной душой покидаю комнату. Заглядываю к родителям. Оба дремлют под включенный телевизор. Стараясь не шуметь, захожу на кухню и делаю себе чай.

Ночью без Алисы мне почти не спится. Не хватает её тепла, которое успокаивало меня после кошмаров. В таганрогской квартире у нас разные комнаты, но за эти несколько дней я так привыкла спать на одной кровати, что теперь беспомощно ворочаюсь до самого утра.

Первая половина дня тянется долго. Встаю очень рано, утратив надежду поспать хотя бы пару часов. Привожу себя в порядок, а между тем с кухни уже доносится аппетитный аромат бекона. Сегодня мама охотно разговаривает со мной. Обе делаем вид, что даже не ссорились. Но она подробно спрашивает обо всех планах на день. Я терпеливо объясняю. Стараюсь относиться с пониманием: всё-таки они переживают.

С отъездом Алисы Леди начинает проявлять ко мне больший интерес. Я делюсь с ней беконом, пока мама не видит, и всё время почёсываю за ухом. Она прям млеет на глазах. Мне нравится чувствовать её поддержку. Конечно, я лишь выдумываю, но в этих жалостливых карих глазах есть какое-то понимание моих внутренних переживаний.

Дождавшись полудня, готовлюсь выезжать. С печалью думаю о своём джипе. Меня немного пугала мысль передвигаться пешком по городу, где в любом переулке может скрываться опасность. Но отец любезно предложил пользоваться его машиной. Правда, перед этим взял обещание беречь её как зеницу ока.

Я желаю им обоим хорошего дня и выхожу во двор, где пахнет сиренью и сыростью. В гараже обнаруживаю девятку малинового цвета. Перед выездом немного прогреваю двигатель. В салоне очень холодно, но чисто. Чувствую сладковатый аромат мёда. Иногда папа перевозит пчелиные соты. Его хороший знакомый занимается разведением пчёл. В какой-то степени это их общее дело.

В Мортиморе есть всего шесть школ разной направленности. Одной из них является Гимназия с углублённым изучением математики и иностранного языка. Я окончила вторую школу, и если бы Милана и Оля учились там, всё было бы значительно проще. Я до сих пор могу найти любую аудиторию с закрытыми глазами, помню каждую лазейку. Хотя за десять лет всё могло поменяться. И я теперь уже вряд ли узнаю родную школу.

Мой путь лежит в центр. Первая школа находится недалеко от парка. Туда ведёт прямая дорога с тротуаром, на который глядит спортивная площадка, огороженная высоким металлическим забором. Всё как на ладони, и я паркуюсь на другой стороне дороги возле какого-то магазинчика с тканями. В запасе есть время, поэтому не спешу выходить из машины.

Листаю новостную ленту в мессенджере. Периодически посматриваю на площадку. Стараюсь не думать о том, что сегодняшний день может принести неудачу. Не факт, что Оля Стронциева захочет выходить на площадку именно сегодня, или вообще пришла в школу. Весь мой план зависит от нелепых случайностей.

Время ползёт к половине второго, а никаких подвижек я не наблюдаю. Но вскоре замечаю, как на площадку вываливаются несколько учеников. Стараюсь не привлекать к себе внимание, выхожу из машины, пересекаю дорогу. Лицо обдаёт неприятным холодным ветром. Непроизвольно поправляю шарф.

Какое-то время брожу по тротуару рядом с забором. Делаю вид, что кого-то жду, не забывая демонстративно поглядывать на часы. А сама незаметно выискиваю среди учеников знакомые приметы. Рыжие волосы. Россыпь веснушек, напоминающих солнечные лучики. Но среди детей её нет.

До моих ушей долетают детские голоса и смех. Ребятишки облепили шведскую стенку. Девочки взобрались на самую верхнюю перекладину, и теперь сидят, болтая ногами в воздухе. А мальчишки лазают по лестницам и перекладинам, будто хотят продемонстрировать свои умения.

Я воровато оглядываюсь по сторонам. Тут и там шныряют прохожие, но пока я для всех невидимка. Повезло, наверное, родиться женщиной: наблюдать незнакомого мужчину, ошивающегося рядом со школьной площадкой, было бы подозрительнее.

Несколько раз прохожу вдоль забора в поисках бреши, но, видимо, попасть туда возможно только с парадного входа. Делать нечего — иду туда. Постараюсь прошмыгнуть незаметно. Заодно проверю качество охраны.

Нахожу приоткрытые ворота и протискиваюсь в щель, вызвав при этом тихий, но противный скрип. Случайно касаюсь металлических прутьев: холодные и влажные. Мимходом отмечаю, что за территорией школы явно ухаживают: все опавшие листья убраны, а клумбы цветут.

Быстрым шагом пересекаю газон, утопая подошвой в вязкой грязи. Проходя мимо окон, стараюсь немного нагибаться, чтобы кто-то из персонала случайно не заметил раньше времени. Через минуту без происшествий попадаю на спортивную площадку. Решительно двигаюсь в сторону ребятишек.

Они замечают меня ещё до того, как я успеваю подойти. На первый взгляд все ровесники пропавшей Миланы. Возможно, знают её подругу и помогут сэкономить время. Дети сразу перестают смеяться. Недоверчиво рассматривают меня. Девочки при этом тихо перешёптываются.

— Всем привет! — мило улыбаюсь я. — Простите, что отвлекаю! Я тётя одной из учениц, Оли Стронциевой. Никак не могу её найти. Подумала, может вы её знаете?

— Знаем! — подтверждает одна из подружек, не заподозрив подвоха. — Она, наверное, до сих пор в столовой. Могу показать дорогу!

— Может, лучше приведёшь её сюда? — прошу я и указываю на свои сапоги. — Я уже всю грязь истоптала, пока сюда добиралась. Да и не хочется опять возвращаться в здание.

К несчастью, мою актёрскую игру подвергают сомнениям. Мальчик с короткими светлыми волосами с вызовом выступает вперёд. Грозный не сломавшийся голос звучит просто очаровательно.

— Что-то Вы не похожи на её тётю! — недоверчиво хмурится он. — Я знаю её родственников. Так что рассказывайте, что Вам от неё нужно, дамочка?

Я подавляю смешок, вызванный серьёзностью его тона. Объяснять что-то маленьким детям, конечно, не собираюсь, но и отказываться нельзя. Иначе они не помогут. Немного поразмыслив, прихожу к самому надёжному варианту.

— А если каждому дам по сотке, приведёте ко мне Олю? Без вопросов и доносов только! — гордо выпрямившись, предлагаю я. — Просто хочу с ней поговорить пару минут и уйду. Можете сами проследить потом.

Ребятишки всерьёз задумываются над заманчивым переложением. Первой принимает решение девочка, которая до этого предлагала помощь. Она аккуратно спрыгивает на землю и поднимает на меня взгляд:

— Сейчас сбегая за ней!

Едва она двигается с места, как встречает светловолосый мальчик.

— Погоди-ка! — и поворачивается ко мне с протянутой ладонью. — Деньги вперёд!

Невероятно! Я усмехаюсь, но всё же покорно достаю кошелёк и даю каждому по купюре за молчание. Довольная школьница убегает в здание, а я опасливо посматриваю на окна. В любой момент меня могут заметить и прогнать. А то и вовсе вызвать полицию. Только бы успеть поговорить с подругой Миланы...

Через пятнадцать минут ученица возвращается вместе с рыжеволосой девочкой. Я тут же узнаю черты лица по фотографии. Оля пребывает в лёгком недоумении. Видимо, спешила, если судить по небрежно запахнутой куртке. Чёрная юбка достаёт до колен. Разноцветный рюкзак болтается на одном плече.

— Здравствуй, Оля! — вежливо обращаюсь к ней я. — Меня зовут Лера, я знакомая родителей Миланы. У тебя найдётся минутка поговорить?

Как только она слышит имя подруги, и без того большие голубые глаза становятся ещё больше. На детском лице отчётливо отражаются все эмоции. Я опасаясь, что она не захочет говорить, но, к моему облегчению, девочка согласно кивает.

— Хорошо, — я бегло озираюсь и замечаю местечко возле дорожки для кросса. —

Давай отойдём чуть подалее.

Вместе мы двигаемся по асфальту. Друзья Оли остаются у шведской стенки и с интересом наблюдают. Оля молчит. Я ничего о ней не знаю, но отмечаю, что она производит впечатление не по годам умного и рассудительного человека.

— Прости, если тебе неприятно об этом говорить! — заранее извиняюсь я. — Но ты единственная кто может помочь. Вы были лучшими подружками.

— Верно! — девочка разворачивается и прислоняется спиной к мокрому забору. — Почему только сейчас пришли?

— Собираюсь написать статью об этом случае, — я начинаю задумчиво смотреть вдаль. — Признаться, до недавнего времени ничего не знала. Оказалось, никто толком тоже ничего не знает. Я подумала, может, ты что-то видела или слышала в день её исчезновения. И просто побоялась тогда рассказать.

Оля недоверчиво бросает на меня взгляд. Затем опускает на истоптанную траву под ногами. Я чувствую исходящую от неё неуверенность.

— Родители запретили рассказывать! — сухо признаётся она. — Сказали, что я всё выдумываю.

Сердце начинает биться быстрее, предвкушая важную информацию.

— А что именно они назвали выдумкой?

Девочка неопределённо пожимает плечами. Я опускаюсь на корточки и заглядываю ей в глаза, пытаюсь расположить к себе и вызвать доверие.

— Ты скучаешь по Милане? — мягко интересуюсь я.

— Да! Без неё школа уже не та.

Участливо киваю и произношу как можно убедительнее:

— Эта статья может помочь раскрыть правду о том, что с ней произошло. Думаю, Милана застуживает этого, и чтобы о ней помнили. Пригодится любая мелочь.

Оля тяжело вздыхает и поворачивается ко мне спиной. Бледные пальчики цепляются за забор. Я выпрямляюсь и даю ей время подумать. К счастью, она нарушает тишину довольно быстро.

— Я сама толком ничего не видела! — бесцветным тоном рассказывает она. — Я задержалась в классе, а Милана сказала, что будет ждать у школы. У неё болела голова, и она хотела подышать воздухом.

— Так, и что произошло когда ты вышла из школы?

Оля вдруг смотрит на меня. Я вижу отчётливый страх. Те события явно оставили сильный отпечаток. Если её родители правда запретили об этом говорить, это была колоссальная ошибка. Девочке явно не помешает проработать проблему с детским психологом. И не менее важна поддержка близких людей. К сожалению, многим взрослым проще делать вид, что всё хорошо. Надеются, что само пройдёт и забудется.

Мне становится мерзко от подобных мыслей. Надеюсь, что сама никогда не буду вести себя с Алисой подобным образом.

— Её нигде не было! — тихим голосом произносит Оля. — Я нашла только брошенный пакет со сменкой.

— Значит, ты не видела похитителя?

Она медлит с ответом. Видимо, до сих пор сомневается, что мне можно доверять, либо боится нарушать запрет родителей. Почему-то мне кажется, её что-то очень сильно напугало в тот день. Вновь опускаюсь на корточки, чтобы наши глаза были на одном уровне. Тянет

обнять, но беспокоюсь, что для неё это будет слишком сложно. Всё-таки я незнакомый человек, как и тот кто похитил Милану.

— Ты можешь мне доверять! — мягко убеждаю я. А потом добавляю как бы между прочим. — Знаешь, я и сама за последние дни столько странностей здесь увидела, что готова поверить во что угодно. И обещаю не выдавать тебя, если так не хочешь расстраивать родителей.

Кажется, это помогает. Оля начинает рассказывать. Я прислушиваюсь, чтобы расслышать каждое слово.

— Я... я видела, как она садится в машину. — тихо произносит она.

— Добровольно?

— Д-да... вроде. Я окликнула её, но Милана не услышала. Но ко мне повернулся тот человек, к которому она садилась.

Я непроизвольно наклоняюсь поближе и спрашиваю практически шёпотом:

— А ты успела рассмотреть этого человека?

Мы похожи на двух подружек, которые обсуждают свои секреты. Меня удивляет то, что никто из полиции не взял во внимание такую важную информацию. Тут только два варианта: либо зацепка привела в тупик, либо Оля ничего не рассказывала полиции. Родители могли запретить, и тут я их понимаю: так они пытаются защитить дочь.

— Он был очень странный! — задумчиво описывает Оля, вспоминая детали. — Помню, что очень высокий, во всём чёрном. У него был какой-то рисунок на шее, но я не успела рассмотреть. Потому что он посмотрел на меня, и я увидела его глаза... Они были очень страшные.

— Страхные? — переспрашиваю я.

— Да... Как у монстра!

Я замечаю, что она начинает дрожать, и понимаю, что не стоит заходить слишком далеко. Я и так хожу по тонкому краю. Если у неё начнутся из-за меня ночные кошмары или панические атаки, я этого себе не прощу. Вероятно, детская психика перевернула воспоминания таким образом, что похититель запомнился как какой-то монстр. Это нормально. В каком-то смысле он и является таковым. Но деталь про татуировку может пригодиться: не у каждого такое встретишь.

— А ты можешь описать его машину? — интересуюсь я, в надежде дополнить картину.

Оля качает головой:

— Чёрная. Это всё, что я помню. Он посмотрел на меня и тут же уехал. Остался только пакет со сменкой. Я его подняла. Думала, Милана просто забыла.

— А она предупреждала, что собирается с кем-то уехать?

— Нет. Она вела себя как обычно. К тому же мы собирались остаться на школьный кружок. Поэтому я удивилась, но решила, что она его знает, раз сама села. Ещё и обижалась, что уехала не попрощавшись. Какая ж глупая я была!

— Что ты! — я ласково касаюсь её плеча. Моя догадка подтверждается: Оля непроизвольно вздрагивает. Тогда я спешно убираю руку. — Любой на твоём месте поступил бы точно так же!

— Но я так ничего и не рассказала! — по её щекам скатились первые слёзы. Оля раздражённо смахивает их рукавом куртки и зло глядит на меня. — Родители сказали, что полицейские помогут. Я только им рассказала, но в итоге Милану так и не нашли! И никто об этом не говорит, даже в школе!

Ясно, значит, полиция всё-таки в курсе! Я стараюсь как-нибудь её утешить:

— Эй, не плачь, всё нормально! Главное, что ты сейчас решилась рассказать. Иногда в самых сложных и запутанных делах новые детали появляются спустя долгое время. Твои слова обязательно помогут ускорить процесс.

— Но Милана ведь не вернётся, правда? — шмыгнув носом, спрашивает Оля.

Я прикусываю губу, глядя в покрасневшие глаза. Мне так хочется её утешить и обнадежить, но не хочу лгать. Прошло слишком много времени, и Милана вряд ли до сих пор жива. Но как сказать об этом ребёнку, который винит себя в произошедшем?

— Мне очень жаль! — с тяжёлым сердцем выражаю сочувствие я. — Главное, постарайся сама быть осторожней. Не подходи к незнакомцам.

— Уже! — со вздохом бурчит ученица. — Теперь не выхожу из школы, пока мама не приедет.

Вполне разумная осторожность, пока виновника не поймают. Где-то внутри кольнуло чувство вины из-за того, что вынудила её прийти. Я коротко смотрю по сторонам, словно проверяю наличие опасности. А потом с лёгкой улыбкой обращаюсь к Оле:

— Давай тогда я провожу тебя до дверей школы и лично прослежу, чтобы ты без происшествий зашла внутрь?

Она согласно кивает. Напоследок всё же добавляю:

— И ещё, Оля, понимаю, что тебе страшно, но попробуй поговорить с родителями о своих чувствах. Возможно, они не знают, как тебе тяжело. Не стоит нести этот груз молча.

— Не знаю, — пожимает плечами девочка. — Не думаю, что они поймут.

У меня тоже есть сомнения. Но не мне судить незнакомых людей. Пусть хотя бы знают о наличии проблемы.

Немного подумав, роюсь в карманах и достаю листок с номером Олега. Из сумки извлекаю ручку, старательно перечёркиваю номер, а на обратной стороне пишу свой.

— Вот! — протягиваю его Оле. — Если возникнут какие-то проблемы, любые, просто позвони, и я постараюсь помочь.

Она впервые за это время улыбается и с благодарностью прячет мятый листок в рюкзак. Потом я провожаю её до дверей. Когда мы собираемся покинуть площадку, её друзья тут же бегут и накидываются с вопросами. Мне приятно, что они так беспокоятся за свою подругу. С улыбкой наблюдаю, как она всё объясняет.

В итоге они нас отпускают и возвращаются к стенке. Когда мы проходим под окнами здания, Оля неожиданно цепляется за мою руку. Я удивляюсь, но с готовностью сжимаю холодную ладошку, согревая своим теплом. Прощаюсь с ней возле дверей и жду, пока она скроется за ними. Бледное личико при этом приобретает утраченные краски. Достаточно всего пары слов и простых действий, чтобы поддержать ребёнка. Вроде бы мелочь, но так много значит.

С тоской покидаю территорию школы, надеясь, что у неё всё будет хорошо. Я потратила здесь почти пол часа, и никто из персонала меня не заметил. Охрана так себе. Поправляю на плече сумку и начинаю переходить дорогу, где на обочине меня ждёт папина девятка.

Неожиданно выскакивает неизвестная машина и на огромной скорости несётся прямо на меня. Я едва успеваю отскочить назад и валюсь на мокрый тротуар. Машина, не сбавляя скорость, пронесётся в миллиметрах от меня. С визгом двигателя, исчезает так же неожиданно, как появилась. Не успеваю запомнить номера или рассмотреть водителя, но отчётливо помню, что это был чёрный ниссан альмера с тонированными окнами. Уж не его

ли видела Оля год назад? Должно быть, совпадение.

Рядом доносится голос незнакомой женщины, но я не обращаю на неё внимания.

— Куда только несётся, окаянный! — ругается на всю улицу незнакомка. Затем помогает мне подняться. — Ты в порядке, дочка? Может, скорую вызвать? Этот ирод едва тебя не переехал!

Я вежливо отнекиваюсь, а сама борюсь с приступом внезапной тошноты. Неизвестная машина лишь подтверждает подозрения о том, что за мной следят. И, похоже, они только что пытались меня убить.

16. За гранью реальности

В прострации добираюсь до машины и заваливаюсь в салон. Что дальше? Может, пока меня не было, испортили тормоза или заложили взрывчатку? Устало опускаю голову на руль. Прохладная поверхность помогает вернуть здравый смысл.

Будь это так, они не пытались бы меня только что сбить. Не глупи, Лера, и не паникуй!

Дрожащими руками достаю из кармана сигареты. Курю прямо в салоне, потому что страшно выходить на улицу. Приоткрываю окно, чтобы дым не задерживался. Меня всю колотит, и дрожь не проходит даже спустя несколько минут. В таком состоянии нельзя вести машину, но и пешком не могу идти.

Через короткий промежуток времени вновь тянусь к пачке, и только после второй выкуренной сигареты меня начинает отпускать. Сердцебиение постепенно замедляется, приходя в норму для человека, который только что получил двойную дозу никотина.

Я смотрю на улицу, воспринимая город как врага. Хуже всего осознавать, что если за мной следили с самого начала, они знают, что я делала возле школы. Надеюсь, Оля не пострадает. На всякий случай задерживаюсь и уезжаю только, когда она благополучно садится в белую десятку. Не успеваю толком рассмотреть женщину за рулём, но по рыжим волосам предполагаю, что не ошибаюсь.

Руки сами выбирают маршрут и направляют машину к полицейскому участку. Всю дорогу пытаюсь себя отговорить, но что толку? Если меня вновь попытаются прикончить, об этом должны знать.

На ходу набираю номер Олега и прижимаю мобильник к уху при помощи плеча. Продолжительные гудки сопровождают меня на светофоре. Дозвониться не выходит.

Дьявол! Надеюсь, он на работе.

Полицейский отдел располагается прямо напротив здания Культурного центра где-то поблизости от автостанции. Можно сказать, здесь встречаются два разных мира, которых отделяет друг от друга лишь широкая дорога. По-хорошему отделанный центр смотрится выигрышно на фоне простого строения, единственной отличительной чертой которого является большая сине-белая табличка над входом.

На какое-то время я даже засматриваюсь на белые колонны и мраморные статуи, подчёркивающие предназначение центра. В архитектуре прекрасно отражена эпоха Возрождения. Эпоха, которая стала синонимом культурного прорыва, толчком к просвещению и развитию человечества. Объёмные формы, смелые решения. Здесь мы отмечали выпускной в девятом классе. Кажется, что прошла целая вечность. Но до сих пор не могу выкинуть из головы красоту и габариты помещений центра.

Но я сворачиваю к противоположному зданию, готовясь выпить нечто более приземлённое нежели искусство. Перед тем, как зайти внутрь, пробую ещё раз набрать знакомый номер. Опять безуспешно, а ведь мне хочется говорить именно с ним.

Почти сразу попадаю в дежурную часть. Останавливаюсь у турникета. За огромным бронированным стеклом замечаю сразу трёх сотрудников: дежурный, его помощник и ещё кто-то. На просьбу переговорить с конкретным сотрудником, мне предлагают написать заявление. Я с тоской смотрю на белый лист, не желая напрасно тратить время.

— Послушайте, я не планирую писать заявление! — пытаюсь объяснить ещё раз. — Просто подскажите, где я могу найти Олега Китова?

— В свободное от работы время! — сухо отчеканивает дежурный, направив на меня безразличный взгляд. — Все обращения и личные приёмы ведёт участковый, а не патрульно-постовая служба!

Но я понимаю, что не могу никому довериться. Возможно, зря вообще пришла. Следовало ехать домой и попробовать дозвониться до Олега. Страх заставляет меня действовать необдуманно. Есть ли гарантия, что местный участковый не покрывает преступления, связанные с делом Миланы Солнцева? Разве я могу кому-то рассказать всё, что знаю?

— Гражданка, Вы либо пишите заявление, либо уходите! — настоятельно предлагает дежурный.

Я молча возвращаю чистый лист А4 и шариковую ручку. Затем потерянно вываливаюсь на промозглую улицу. Как-то странно звенит в ушах. Я практически не слышу посторонние звуки. Шум машин, свист ветра, сработавшая сигнализация где-то вдалеке — всё звучит как-то приглушённо, будто через толстое стекло. По учатившемуся сердцебиению и прерывистому дыханию понимаю: я испытываю что-то вроде панической атаки. Обеспокоенно гляжу по сторонам, но зрение мутнеет. Вижу какие-то круги перед глазами и размытые очертания фонарей и зданий. Желудок скручивает от гадкой тошноты.

Вибрация телефона приводит меня в чувство. Достаяю его из сумки, едва не уронив на асфальт, и отвечаю на звонок. Тело покрывается холодной испариной. Странное наваждение проходит не сразу, так что я пока туго соображаю.

— Алло, звонила? — касается моего уха тягучий баритон Олега. — Целых два раза. Это рекорд!

Свободной рукой потираю висок, пока тошнота не начинает отступать.

— Д-да... — сдержанно отвечаю я. — Ты сейчас в участке?

— Ага, у тебя что-то случилось? Голос странный.

— Нужно поговорить! — вместо ответа признаюсь я.

Мужчина задумчиво вздыхает. Я радуюсь короткой передышке. Приходится опереться на ближайший фонарный столб.

— Давай через пол часа в Квинси? — наконец, предлагает Олег. — Прости, раньше никак. Это самое ближайшее от меня заведение. Или ты пешком?

— На машине! — я сразу нахожу глазами закусочную на противоположной стороне. До неё максимум двести метров. — Буду ждать там.

— Отлично, тогда до встречи!

Я медленно ковыляю через тротуар, но застываю у бордюра. Прежде, чем перескочить через дорогу, внимательно гляжу по сторонам снова и снова. Сердце колотится как бешеное. Меня одолевает страх, что нападавший попробует закончить начатое. Но не прямо же у полицейской части...

Перебегаю через пешеходный переход с такой скоростью, словно за мной гонится стая диких слонов. Страх незаметно вытесняет слабость и дурноту. Теперь я быстрым шагом направляюсь к закусочной.

Внутри становится немного спокойнее. Я оглядываюсь по сторонам и отмечаю, что это очень маленькое заведение. Чаще всего покупатели берут еду на вынос. Но есть и несколько маленьких столиков.

Подхожу к витрине и делаю вид, что выбираю будущий заказ. Вижу разнообразные салаты, картофельное пюре, котлеты, отбивные. С другой стороны от кассы замечаю

пирожки, сырники, пончики и чизкейки. Небогатый выбор напитков красуется на плакате позади сотрудницы закуской.

Есть совсем не хочется, но заказываю двойной эспрессо и сырник. Жду у кассы, пока делается заказ. Непроизвольно поглядываю на окна, словно ожидаю увидеть виновника моего страха. Стараюсь дышать через нос и делать глубокие вдохи, пока насыщенный кофейный аромат заполняет лёгкие.

Через десять минут занимаю первый попавшийся столик с готовым заказом. Задумчивоковыряюсь вилкой в тарелке. Охота позвонить Алисе и узнать как прошёл первый день в школе. Но опасаясь, что голос выдаст моё состояние. В итоге, просидев над дымящимся стаканом ещё какое-то время, всё же набираю номер. Важно переключиться на что-то хорошее хотя бы на пару минут.

Алиса, судя по всему, рада моему звонку. Следующие пятнадцать минут я слушаю рассказ об этом дне, насыщенный красками и сравнениями. Она хвастается, как успели соскучиться подруги. Но угодила прямо на контрольную по математике. Правда, учительница разрешила в этот раз не писать, поскольку тема новая. Радуется, что пока обходимся без двоек.

Спрашиваю про отца и слышу только хорошее. Игорь обещал сегодня сводить её в кинотеатр. А потом купят целое ведро мороженого и будут объедаться дома под видеоигры. Я не возражаю, но напоминаю про уроки. Оказывается, Игорь чуть ли не сам выполнил за неё домашнее задание, чтобы скорее освободить время для отдыха. Алиса рассказывает об этом с таким восторгом, что мне не хочется душнить. Ладно, пусть по-максимуму развлекаются, пока меня нет. Тем более, завтра у Алисы танцы: успеет провести время с пользой.

Когда успеваем наговориться, желаю ей отлично провести время, не забыв добавить, что люблю. Убираю мобильник в сумку и при этом замечаю, что страх отступил. Разговор с Алисой помог мне взять себя в руки. Это единственное, что кажется мне настоящим: слышать её голос, который отзывается в самом сердце.

В закускую пару раз заходят незнакомые люди, чтобы взять с собой чего-нибудь перекусить. Но я уже не пугаюсь и почти не обращаю внимания. Это прогресс.

Олег приходит, когда мой кофе уже остывает. Я не могу скрыть облегчение. Улыбаюсь в ответ на приветливую улыбку. Рабочая форма сразу привлекает взгляд, но только не сотрудницы. Видимо, полицейские не редко сюда заходят. Олег берёт по-быстрому кофе и падает на противоположный стул.

— Привет, незнакомка! — в привычной манере произносит он и делает добротный глоток. Видимо, это прозвище скоро ко мне приестся. — Так о чём ты хотела поговорить?

Переходит сразу к делу. Значит, у нас не так много времени. Наклоняюсь ближе к нему. Не уверена, что о таких вещах стоит здесь говорить. Радуется, что посетители не задерживаются.

— Примерно час назад меня пытались сбить насмерть! — сухо выкладываю я, приняв решение не ходить вокруг да около. Странно, но сейчас, когда я говорю об этом вслух, происшествие уже не кажется таким уж страшным.

Олег поперхивается напитком и судорожно кашляет.

— Прости, что? — осипшим голосом переспрашивает он.

Я кратко описываю недавние события. Знаю, что ему не понравится, чем я занималась. Вижу это в рассерженных голубых глазах, в которых отражаются блики от люстр. Прямой

нос морщится от напряжения.

— Какого чёрта, Лера? — сердится одноклассник. — Я же просил...

— А я не послушалась! — перебиваю я. — Полагаю, у нас нет времени на споры. Много работы?

Он отводит взгляд, скрывая промелькнувшие эмоции. Что это, беспокойство? Неужели его правда волнует моя безопасность? Я смотрю на свой стаканчик с кофе. Глупо так думать. Всё-таки не поленился прийти вчера рано утром, проведать, предупредить...

— Почему не написала заявление на этого урода? — проигнорировав, спрашивает Олег. Чисто для галочки: сам знает почему.

Но я всё равно отвечаю:

— И что это даст? Следаки год не могут найти преступника! Моё заявление просто затеряется среди бумажек. Хотя, возможно, моя жертва даст смачный толчок, и они начнут хоть что-то делать.

— Не говори так! — бесцветным тоном просит собеседник.

Я так и не понимаю, что конкретно его задело: дурные высказывания о коллегах или шутка про мою смерть. В любом случае я лишь пожимаю плечами. Судорожно сжимаю стаканчик и незаметно для самой себя выплёскиваю часть кофе на прохладную столешницу.

— Лучше скажи: чёрный ниссан альмера, тонированные стёкла — знакомо? Фигурировал в деле Миланы Солнцевой?

Внимательно слежу за реакцией, всматриваясь в лицо с оливковым оттенком кожи. Стараюсь не упустить ни одну деталь, ни малейшую перемену в поведении.

— Лера...

— Отвечай! — мой голос полон наглости и решительности.

Чувствую, что копался в деле. Пусть не пытается увильнуть. Я устала быть терпеливой и понимающей: не после того, как меня чуть не переехал автомобиль. Не могу теперь думать о ком-то другом. Пусть не отвечает, но я хотя бы попытаюсь добиться правды.

Олег кладёт на столешницу руки, сцепив длинные пальцы. Выглядывает на меня исподлобья.

— Ты права! — наконец, уступает он. — Похожее описание указано в отчёте.

Я победно выпрямляюсь. Подо мной скрипят ножки стула.

— Тогда какого хрена? — вопрошаю я. — Есть характеристика машины, есть показания свидетеля. Почему виновника не поймали?

— Не тебе задавать подобные вопросы! И точно не в мой адрес! — раздражается одноклассник. — У нас тут не интервью! Я вообще не имею права обсуждать с тобой подобные вопросы. Считай, подловила и сама догадалась. Теперь лучше сбавь обороты!

Я примирительно киваю, но пыл не угасает. Поэтому стараюсь надавить на жалость.

— Олег, меня ведь правда могли убить! — напоминаю я с холодным расчётом. — Тебе не кажется, что я заслуживаю знать хоть какую-то информацию? Ты сам знаешь, что заявлять бессмысленно. И я не могу доверять никому из отдела. Ты единственный, кому я хочу довериться. Пожалуйста...

В моём голосе столько мольбы и горечи, что он тяжело вздыхает. Каким-то странным образом я могу воздействовать на него и активно этим пользуюсь.

— Насчёт машины, — приглушённым голосом поясняет Олег. — Скорей всего, затруднение состоит в отсутствии точных характеристик. Свидетельница не могла дать развёрнутое описание. Даже про тонированные окна в отчёте нет ни слова. — он внезапно

прокашливается, словно не может решить, стоит ли добавлять что-то ещё. Но всё же решает посвятить. — Я расспрашивал об этом деле начальство — отнекиваются. Говорят, дело заморожено за недостатком улик.

Пока я обдумываю его слова, он добавляет:

— Если напишешь заявление, это правда может помочь! Отыщут преступника по горячим следам. Вдруг это действительно тот самый?

Не хочу рассуждать о подобных вещах вслух, но непроизвольно начинаю язвить:

— Правда веришь, что твоё начальство его не покрывает?

Ожидаю праведного гнева, но получаю молчание. Олег безразлично отпивает из стаканчика. Потом неспешно ставит его на стол. Проглатывает так громко, что я отчётливо слышу. Затем обращается ко мне:

— У тебя нет оснований так думать!

— У меня нет оснований доверять кому-то в этом городе! — упрямо откидываюсь на спинку стула и скрещиваю руки. — Надоело говорить об одном и том же! Я просто хотела рассказать. И если меня всё-таки прикончат, ты будешь знать кого искать!

— Это не смешно, Лера! — осаживает меня Олег. — Не стоит с этим шутить! Если обратишься в отдел, я могу попробовать убедить начальство приставить к тебе патруль. Они арестуют преступника, если он попытается вновь навредить тебе. Чёрт, я лично вызовусь тебя охранять!

Его обеспокоенность трогает меня, и я отвожу взгляд, скрывая лёгкий румянец. Не знаю, как у него это получается, но рядом с ним я постепенно теряю прежнюю уверенность. Хочется поверить, что кто-то и правда может меня защитить. Но потом я напоминаю себе, что это будет лишь тормозить меня в достижении заветной цели. Поэтому делаю всё, чтобы негласно продемонстрировать независимость.

— Охрана больше пригодится Оле Стронциевой! — вздыхаю я. — Она может пострадать из-за меня.

— Ты тоже можешь пострадать, если не перестанешь лезть в это дело! — бархатный голос становится жёстче и наполняется силой. Но почему-то меня больше не бесит его упрямство. Наоборот, внезапно осознаю одну пугающую вещь.

— Как и ты! — шепчу я. — Замкнутый круг. Или хочешь, чтобы я позволила тебе рисковать своей жизнью?

— Это моя работа! — цедит сквозь зубы Олег, явно теряя терпение. — Позаботься лучше о себе, Лера!

Эта статья тоже своего рода моя работа. Я возложила на свои плечи обязанность осветить это дело и обязана довести это до конца. Из тупика нам явно не выйти, поэтому я залпом допиваю холодный эспрессо и тяжело выдыхаю.

— Раз это твоя работа, то постарайся ничего не запороть! — сухо роняю напоследок я. — Поймай подонка до того, как он успеет добраться до меня. Буду очень благодарна!

Бросив последний взгляд на сжатые от напряжения мужские пальцы, покидаю закусочную. Почему-то у меня остался неприятный осадок. Сама не знаю чего хотела добиться этой встречей. Предупредить, что на меня совершили покушение? Или выяснить побольше деталей? Стоило тогда рассказать и об угрозах, и о том, что за мной давно следят. Нет, пожалуй, я не до такой степени доверяю Олегу! Всё, что могла рассказать, я уже выложила.

Возвращаюсь домой в смутных ощущениях. Всю дорогу постоянно гляжу в зеркало

заднего вида, чтобы не пропустить возможную слежку. Подъезжая к Роще, заставляю себя перестать излишне паниковать. В конце концов, неизвестные и так знают мой адрес. Только бы не попытались навредить родителям... Мрачно размышляю, как поход в полицейский участок может повлиять на их следующий шаг. Что если теперь они захотят как-то отплатить? На всякий случай спешу поскорее добраться до дома, чтобы проведать родителей.

К счастью, с ними всё хорошо, но лица у обоих обеспокоенные. Услышав мои шаги в прихожей, оба выходят встречать.

— Тебя долго не было! — подмечает мама, и я сразу улавливаю скрытый контекст. Мол, мы уже начали опасаться, что с тобой что-то случилось.

Почти. Мам, что-то и правда могло случиться.

Неожиданно мне хочется разрыдаться и обнять её. Хочу услышать успокаивающее баюканье, в которое преобразуется её дивное пение. Как в детстве, когда я чего-то боялась или получала ссадины. Мама усаживала меня к себе на колени, крепко обнимала и начинала тихо петь, поглаживая мои волосы. И сейчас я так отчаянно хочу вновь ощутить прежнее чувство безопасности. Тогда я точно знала, кто может меня защитить, и с кем мне будет спокойно.

Но я сдерживаю себя. Теперь подобная поддержка стала непозволительной роскошью. Я хочу показать свой страх. Снова и снова убеждать их уехать. Но не могу. Уже привыкла быть постоянно сильной. С тоской понимаю, что больше так не могу. Пора уезжать. Подожду до завтра, заеду ещё раз к семье Солнцевых за недостающими материалами для статьи, расскажу о том, что удалось выяснить. Буду писать издалека. При необходимости буду уточнять детали по телефону.

— Завтра еду домой! — сообщаю я сдавленным голосом. Надеюсь, это поможет убрать мишени с их спин. Но тут я думаю о том, какие последствия могут возникнуть после публикации статьи. Может, всё-таки не стоит рисковать...

Моя новость их шокирует.

— А как же машина? — удивляется папа.

Я пожимаю плечами. Уже успела забыть о ней.

— Не знаю... Потом заберу! — бормочу я. — На работе аврал.

Конечно, они понимают, что дело не в работе. Чего стоит только мой испуганный вид, с которым я явилась. Но для них это в любом случае хорошие новости. Вижу, как посветлели лица.

— Вот и правильно, Лера! — подбадривает меня мама. — Я уж боялась, что не одумаешься! Давай-ка я сама закажу тебе билет на автобус. Доедешь с ветерком, несколько дней погоняешь на общественном транспорте, а потом мы сами пригоним тебе машину. Заодно и Алису повидаем.

Какой чёткий план! Не удивлюсь, если отрепетированный. Я устало киваю, принимая поддержку. В конце концов, разве не этого я хотела?

— Только заказывай на вечер! — прошу я. — Днём ещё нужно закончить дела.

Мама тут же убегает в комнату за телефоном. Папа награждает меня светлой улыбкой, выражая согласие с моим решением. Потом я остаюсь одна. Уже позднее, за ужином, оба родителя пребывают в приподнятом настроении, чего нельзя сказать обо мне. Меня тяготит осознание, что я так и не продвинулась в расследовании. А теперь убегаю с пустыми руками, как последняя трусиха. Они добились своего, все они! Теперь записи Германа влекут меня в

разы сильнее. Начинаю задумываться, не попытаться ли завтра вновь убедить Елизавету Аркадьевну разрешить взглянуть на его личные вещи.

— Значит, ты отказалась от затеи написать статью? — как бы между прочим спрашивает мама.

Давно уже не припоминаю на её губах такой широкой улыбки, что говорит о её фальшивости. При общении с Алисой она совершенно другая. Отвечаю честно:

— Вовсе нет, я собрала все необходимые материалы, а писать буду уже в Таганроге.

Родители обмениваются встревоженными взглядами. У мамы дрогнула рука, и вилка с громким скрежетом царапает тарелку. И вот она по обыкновению поджимает губы.

— Ты уверена, что это хорошая идея? — начинает давить она. — Лера, я беспокоюсь, что потом у тебя могут возникнуть проблемы.

— Например? — раздражаюсь я, но мысленно добавляю, что сама прекрасно знаю об этом.

— Полиция разве дала согласие обнародовать детали дела? — подхватывает отец, хотя обычно всегда принимает мою сторону. Но не в этот раз.

Чувствуя нападение со всех сторон, раздражённо кладу вилку и поднимаюсь со стула. Поочерёдно смотрю на каждого.

— У меня всё под контролем, ладно? — огрызаюсь я и ставлю в разговоре точку. — Решение принято, и вы меня не переубедите!

Ухожу в свою комнату, чтобы побыть немного в одиночестве и подумать. Слышу жалобное поскуливание Леди со стороны кухни. Она будто тоже меня осуждает. Видимо, все сговорились против меня.

Пока лежу на кровати, закутавшись в плед, не могу отделаться от мысли, что подставляю всех своей будущей статьёй. Никогда ещё мне не доводилось испытывать столько сомнений. Все отговаривают, ни один не встанет на мою сторону. Но почему тогда мне кажется, что я поступаю правильно? Могу сделать что-то хорошее не только для своей карьеры, но и для семьи пропавшей девочки. Нет, я не могу их подвести и забыть об обязательствах, как другие журналисты!

Ночью меня вновь мучают кошмары. Я вижу страшный лес, стаю летучих мышей, и какого-то огромного монстра. В этот раз он пытается убить меня. Я бегу по лесной тропе, истекая кровью, и ощущаю спиной горячее дыхание.

Просыпаюсь в холодном поту посреди ночи. Тяжело дышу, выравнивая дыхание. До меня не сразу доходит осознание, что я всё ещё в своей комнате. Никто меня не тронет.

Провожу рукой по лицу, затем убираю назад влажные волосы. Вдруг замечаю фигуру на краю кровати и едва сдерживаю крик. Следом меня парализует ужас, ведь в темноте я умудряюсь рассмотреть его лицо. Это Герман. Безжизненные зеленоватые глаза глядят прямо в мою душу.

17. Отчаяние

Я отрываю от него взгляд лишь на долю секунды, чтобы схватить со стола мобильник. Когда зажигаю экран и направляю тусклый свет в дальний конец кровати, она пуста. Герман исчез. Теперь я даже не уверена, что видела его. Но я соскакиваю на пол и оббегаю всю комнату. Даже выглядываю в коридор. Нет никаких следов пребывания постороннего в доме. Из другой комнаты доносится мирное сопение родителей. Аккуратно заглядываю к ним, чтобы убедиться, что над ними не нависает высокая фигура. Всё спокойно.

В смятении возвращаюсь в постель. Немного подумав, встаю и проверяю оконную раму на предмет взлома. Всё в порядке, окно наглухо закрыто. Осторожно крадусь в прихожую и проверяю дверной замок. И тут обнаруживаю, что дверь не заперта. Забыли закрыть или всё-таки кто-то находился в доме? Но ведь это невозможно: я ничего не слышала. Действительно ли это был сон...

Я заваливаюсь на бок и укутываюсь с головой в одеяло. Как в детстве, когда по ночам становилось страшно. Это была моя крепость, надёжное укрытие от страшных монстров. Мечусь в беспокойстве до самого утра.

Едва мрачные улицы Мортимора начинают понемногу светлеть, как я прекращаю бесполезные попытки провалиться в сон. Бесшумно иду в ванную, чтобы не разбудить родителей. Скидываю с себя пижаму и бельё. Закидываю в стиральную машину. Встаю под прохладный душ и надолго застываю, как статуя. Позволяю воде проходить через меня и смывать надоевшую усталость.

Как бы я ни старалась оставить ночные переживания во вчерашнем дне, мысли постоянно возвращаются к Герману. Я закрываю глаза и вижу его лицо, надёжно скрытое полумраком. Сон наяву такой реалистичный, что я невольно задумываюсь о его правдивости. Нет, это невозможно! Герман мёртв, проводилось вскрытие. Он не мог просто восстать из могилы и заявиться ко мне домой. При этом выглядеть таким живым, если не считать глаз. От них у меня до сих пор мурашки по коже.

Немного придя в себя, тщательно моюсь, будто это поможет обновиться не только физически, но и эмоционально. Затем выключаю воду, закутываюсь в полотенце и иду в комнату, пока с мокрых волос на пол капает вода. Надеваю первое, что попадает под руку: тренировки и безразмерный тонкий джемпер из мягкой и немного блестящей ткани. На кухне выпиваю два стакана холодной воды. Есть не особо хочется, поэтому возвращаюсь к себе и достаю ноутбук.

Усаживаюсь поудобнее на кровать и начинаю искать информацию. Это кажется мне безумием, но я прокручиваю в голове слова бабульки у церкви, которая работает там сторожем. Она убеждена, что злые сущности существуют. Об этом меня заставляют задуматься и странности, произошедшие в течение недели. Почему только сейчас? Я прожила здесь семнадцать лет. Никогда со мной не происходило ничего необычного. А тут чуть ли не каждый день.

Пальцы начинают барабанить по клавиатуре. Ищу статьи о демонах и вампирах, читаю много бредовой информации. Мифологический персонаж или вампир. Имеет много разных названий в зависимости от культуры. В славянской мифологии вампиров называли упырями или вурдалаками. Заложный покойник, встающий по ночам из могилы. Нападает на людей и скот. Румынская и молдавская мифология окрестила этих существ стригоями. Считалось, что

в стригоя превращались пов*шенные люди или заложные. Убур в вайнахской мифологии и ветал в индийской. Есть ещё множество разных трактовок.

Во всех источниках и культурах вампир предаёт кровопийцей, опасным для человека злым хищником. Люди давно интересовались смертью и в то время сами представляли, что происходит с душой человека после смерти. Упыри причислялись к мертвецам, которые не могли обрести покой после кончины. Есть много разных причин: само****тво, гибель по вине другого человека, неправильно проведенный погребальный обряд.

После тщательного изучения славянского вампиризма Ян Л. Петровски (профессор славянских языков и литературы) пришёл к выводу, что это явление зародилось на Балканах. Примерно с IX века упоминания о вампирах возникли в результате противостояния между дохристианским язычеством и христианством. Свой вклад в формирование сказаний о вампирах внесли и дуалистическая религия вместе с богомилством. Их корни уходят прямиком в Иран. А возникли в Македонии ещё в X веке. В итоге феномен вампиризма сохранился лишь в виде элементов популярной демонологии.

Демонология? Мне становится любопытно, как много людей всецело посвящают жизнь изучению демонологии. Является ли это основной их профессией, кто за это платит. Даже не ленюсь проверить информацию. Термин используется по аналогии с современными научными направлениями как в оккультизме, так и в научно-исторических работах. Например, к известным демонологам относятся знаменитые Эд и Лоррейн Уоррен. Супруги ввели моду на паранормальное ещё в XX веке. Их история легла в основу многих фильмов ужасов.

Демонология составляет списки, в которых классифицирует злых демонов, устанавливает иерархию и происхождение. Если смотреть на проблему с научной точки зрения, в этом есть определённый смысл. Всё равно как если изучать триасовый период и динозавров, которых мы никогда не видели и вряд ли увидим. Но это часть культуры, ушедшей эпохи. Увлекательно восстанавливать по кусочкам картинку прошлого, проводить исследования, узнавать что-то новое. Но не использовать как возможность заработать на доверчивых людях.

Я опускаю крышку ноутбука, так и не обнаружив ответы. Да и что я хотела найти? Меня одолевает тревога. В конце концов, срываюсь с места, переодеваю тренировки на джинсы, небрежно приглаживаю волосы. Накидываю верхнюю одежду и покидаю дом до того, как просыпаются родители. Лишь Леди проводит меня печальным взглядом. Помешкавшись, ненадолго вывожу её справиться дела. А потом выбегаю на дорогу.

Плетусь по обочине в распахнутом пальто, пока промозглый ветер продувает меня насквозь. Сегодня я без машины, и плевать, если кто-то попытается опять переехать. Кажется, я уже достигла своего пика: мне нужны ответы. Прикуриваю прямо на ходу, щёлкнув зажигалкой. Трясу пачкой, в которой барахтаются две последние сигареты. Подумав, захожу в первый попавшийся магазин. Ещё успею бросить. Сейчас необходимо хоть что-то, способное удержать меня в рамках реальности.

Я иду через весь город в ранних утренних красках, если так можно описать мутноватую серость однородного неба. Вместе с дыханием вырывается горячий пар, который быстро остывает в холодном воздухе. Я потеряна, одинока и очень устала. Покорно веряю себя врагам: делайте что хотите, нападайте или сбивайте! Возможно, вашим тайнам действительно не стоит всплывать наружу! Но если вы меня не остановите, сегодня я обязательно докопаюсь! Именно этим я сейчас занимаюсь. Тем, что нужно было сделать с

самого начала.

Мне требуется целых пол часа, чтобы преодолеть расстояние от дома родителей до улицы, где жил когда-то Герман. Когда-то... Прошло чуть больше недели, но я отчего-то ощущаю на плечах минувшие годы и даже столетия. Так давно, так грустно.

На детской площадке меня встречают знакомые вороны. Кажется, будто они никогда не покидают это место. Сидят и наблюдают. Может, они и являются моими преследователями? Я вижу их повсюду в городе. Даже чаще, чем голубей, что действительно странно.

Поднимаюсь к домофону и набираю нужный номер. Громкие гудки, но никто не подходит. Пробую дважды и трижды. Могу просто сдать, но остаюсь возле двери, пока кто-то из соседей не откроет. Наугад набираю разные квартиры. В один момент везёт: открывает какая-то пенсионерка. Я взлетаю по лестнице на пятый этаж и начинаю стучать в дверь. Про звонок напрочь вылетает из головы.

Барабаню так, что начинает болеть ребро ладони. Сама не знаю откуда во мне столько злости, но изливаю её в каждом ударе до тех пор, пока с той стороны не поворачивается замок. Елизавета Аркадьевна удивлена внезапным визитом. У меня создаётся впечатление, что она намеренно не открывала. Ждала, пока уйду. Но своим настойчивым стуком я могла поднять на уши всех соседей. Что ж, очень жаль её разочаровывать!

— Лера? — доносится из слегка приоткрытой двери знакомый голос. — Что ты здесь делаешь?

Я медлю несколько секунд. Злость, которая струится по моим венам, готова излиться вместе с грубыми словами. Но я сдерживаю себя. Всё-таки это неправильно. Стараюсь напустить на себя вежливость.

— Простите, Елизавета Аркадьевна, мне очень нужно с Вами поговорить! — мой голос дрожит, как у маленького напуганного ребёнка.

Женщина явно не понимает чего я от неё хочу. Наша последняя встреча закончилась плохо, и она до сих пор не отошла. Если судить по хмурому взгляду исподлобья и поджатым губам. Но сейчас мне плевать. Я хочу лишь одного: покопаться в записях Германа. Пока их не выкрали, не уничтожили. Пока у меня есть возможность найти объяснение странным событиям.

— Ты разве не поняла, что я сказала в прошлый раз? — сухо отзывается Елизавета Аркадьевна. — Тебе больше не рады в этом доме!

Я прислоняюсь к двери, едва не вваливаясь в прихожую. Теперь она вынуждена прикрыть дверь, оставив для меня лишь никчёмную полоску мрака. В подъезде светлее, чем в квартире.

— Прошу, это очень важно! — я не успеваю заметить, как отступает злость, сменяясь горьким отчаянием. Горечь остаётся на языке и звучит в словах. Она же раздражает слизистую глаз, норовя вызвать слёзы. — Вы можете сколько угодно отрицать правду и ненавидеть меня: я это уважаю и не собираюсь вываливать на вас новые проблемы. Но позвольте просмотреть вещи Германа. Пожалуйста!

— Ты пьяная что ли? — с раздражением осведомляется Елизавета Аркадьевна. — Заявилась в такую рань, да ещё в дверь ломишься! И требуешь впустить тебя в таком состоянии?

— Вы меня знаете: я не причину вреда!

— Знала. Лет десять назад.

Я без понятия, как ещё могу её убедить. Сказать правду — единственное, что мне

остаётся.

— Перед смертью Герман влип в опасную историю! — сглотнув слюну, говорю я. — Он собирал информацию, которая может касаться влиятельных людей. Мне удалось выяснить не так много, но теперь сама нахожусь в опасности. Мне угрожают. Записи Германа, возможно, единственные могут помочь. Пожалуйста, поймите!

— То, во что ты влезла, Лера, является исключительно твоей проблемой! — противится женщина. — Не наговаривай на Германа! Он был лучшим человеком из всех и никогда не стал бы заниматься ничем подобным.

— Если позволите, я могу это доказать!

— Не надо ничего доказывать! — её голос срывается на крик. — Я знаю своего мальчика! Уходи, куда не навлекла беду и на нас! Уезжай из города. Глядишь, никто не тронет! Почему ты до сих пор здесь?

Я едва не задыхаюсь от возмущения:

— Потому что могут пострадать люди...

— Или всё-таки собираешься писать статью? — её глаза сужаются, когда она всё понимает по моему взгляду. — А ты всё не успокоишься...

— Она будет не о Германе! — оправдываюсь я, но не успеваю пояснить.

— Пошла прочь, стервятница! — вопит Елизавета Аркадьевна. Её лицо багровеет от злости. Я вижу это даже в полумраке квартиры. — Я не позволю наживаться на нашем горе! Ты ничего не получишь от Германа! Ещё раз заявишься сюда и потом будешь объясняться перед милицией!

Она так резко захлопывает дверь, что меня обдаёт потоком проспиртованного сквозняка. Меня вдруг начинает бесить, как они поганят память о сыне. Я, которая несколько дней назад с пониманием относилась к горю безутешных родителей, теперь закипаю от отвращения. Ярость овладевает телом, и я с досадой ударяю по стене рядом с дверью. Так сильно, что обдирается кожа.

Спускаюсь на первый этаж, громко топя и бормоча проклятия. Но злость не изменит того факта, что я остаюсь ни с чем. И всё же не собираюсь останавливаться. Я пулей вылетаю из подъезда, губами убирая выступающую кровь из ободранной раны. Пусть я не узнаю, кто мне угрожает, но могу раз и навсегда поставить точку в вопросе о сверхъестественном. Теперь я решила, что никуда сегодня не поеду. Вместо этого возьму машину и попытаюсь выяснить, действительно ли Герман мёртв. Отчёты могли подделать, всё вокруг может оказаться обманкой. Только мне понадобится лопата.

К ночной вылазке начинаю готовиться заблаговременно. Родителям ничего не говорю. Придумываю отмазку, что остаюсь по другим причинам. Они, естественно, не в восторге. Но, после бессмысленных попыток меня отговорить, ожидаемо сдаются. Мне даже немного стыдно перед ними: все мы хотим, чтобы этот кошмар закончился. Пусть они ознакомлены с деталями лишь косвенно, но вполне справедливо определяют уровень опасности. Мама даже дозванивается до автостанции, чтобы перенести бронь билета на завтра. Наверное, у меня получится успеть.

Ближе к восьми мой телефон вдруг оживает. Точно уверена, что это не Алиса: с ней я успела поболтать пару часов назад. Остаются мошенники или оператор сотовой связи. Ни то, ни другое. На экране высвечивается номер Олега. На мой взгляд, немного поздновато для звонков. Может, Елизавета Аркадьевна всё же донесла? С подозрением принимаю вызов.

— Алло?

— Привет, Лера! Ты где?

Я делаю затяжку и выпускаю сигаретный дым прямо на протестующий воздух. Приглушённые тени окружают меня со всех сторон, но яркая вывеска гипермаркета светит прямо в лицо. Спиной чувствую прохладу машины, на которую облакачиваюсь. Правда, Олегу говорю совсем другое.

— Привет, дома! — ровным голосом стелю я, казалось бы, невинную ложь. — Устала очень сегодня.

— Нам нужно поговорить! — переходит к делу он. — Сможешь в ближайшее время?

— А что такое?

Мужчина явно не слишком хочет обсуждать это по телефону. Но всё же поясняет:

— Удалось кое-что выяснить по тому делу. Думаю, тебе будет интересно. Но это не телефонный разговор!

Никакой конкретики, будто опасается, что нас могут прослушивать. Это настораживает, и я поддаюсь напряжению. Наверное, дело серьёзное. Оглядываюсь на машину, где на заднем сиденье лежат купленные только что фонарик и садовые перчатки. Лопату удалось найти в сарае. Крайне необычное снаряжение для поездки по городу. Задумчиво гляжу на время.

— Слушай, это может подождать до завтра? — интересуюсь я. Меня разбирает любопытство, но страх передумать завершать начатое оказывается сильнее. Я и так постоянно придумываю предлоги на протяжении этого дня.

— Ну, я могу заехать ближе к полудню, — задумчиво предлагает одноклассник. — Нормально будет?

— Да, конечно!

— Мы ведь думаем об одном и том же? — на всякий случай уточняет он.

— Наверное.

У меня потеют ладони несмотря на холод. Не так-то просто держать лицо, когда сама невольно начинаю прокручивать в голове различные теории и считаю минуты до завтрашней встречи. На мгновение даже задумываюсь, чтобы заехать на минутку к нему. Но если Олег что-то заподозрит, моим планам, скорей всего, придёт конец.

И тут, как гром среди ясного неба, он задаёт прямой вопрос:

— Что ты задумала?

Дьявол! Как я себя выдала?

— Ничего! — невинно оправдываюсь я и решаю на скорую руку набросать прикрытые. — Работой просто завалили. Нужно в ближайшее время внести правки в статью, иначе босс меня убьёт!

— Чтобы ты променяла важную информацию, которой так долго добивалась, на статью... — с подозрением растягивает Олег. Но в итоге сбавляет обороты, что меня очень радует. — Очень важная, должно быть, статья!

А ведь он прав! И когда только успел так меня изучить... Решаю закончить разговор, пока не вызвала ещё больше подозрений.

— Слушай, Олег, мне правда пора! — с сожалением говорю я. — Завтра поговорим.

— Давай, удачи со статьёй!

Он отключается как раз в тот момент, когда из магазина вываливается компания пьяных мужчин. Видимо, заходили за добавкой. Проходя мимо, не оставляют меня без внимания. Я

лишь косо наблюдаю, как они отсыпают лесть и свистят. Молча обхожу девятку и прячусь в салоне. К счастью, шумная компания тут же теряет ко мне интерес и проходит мимо. Что ж, им же лучше! А то прямо руки чешутся схватить лопату и нанести пару отрезвляющих ударов по наглым рокам. Так, нужно собраться!

Поворачиваю ключ зажигания, переключаю передачу и ныряю в объятья ночного Мортимора. Причём, в прямом смысле. Здесь нет огней мегаполиса и многочисленных неоновых вывесок. Фонари и то не везде горят. Лучше всего освещён центр. Но мне нужно дальше. Выбираю дорогу, которая ведёт на шоссе.

Несколько раз попадаются одиночные встречные машины. Хуже всего ездить после шести вечера, когда большинство жителей возвращаются домой с работы. Тут и множество машин на дорогах, и куча пешеходов. Зато спустя два часа улицы спокойны и практически пусты. Все давно дома, доедают остывающий ужин и перебираются в комнату смотреть телевизор. И дети давно забраны из школ и детских садов. Гуляют в основном подростки, да можно местами встретить собачников. Люди в большинстве боятся подступающую зиму, не любят холод. А я люблю спокойствие. Особенно сейчас. И благополучно доезжаю до кладбища.

Останавливаюсь подальше от парковки. Здесь где-то должен быть смотритель. Не очень хочется попасться в самом начале. В идеале меня вообще не должны заметить. Беру снаряжение, не забывая запереть машину. У отца нет автоматической блокировки, поэтому приходится всё делать в ручную.

Фонарь пока не включаю, иду в темноте. Заходить с парадного входа опасаясь. Ныряю в проход между ближайшими и деревьями и какое-то время двигаюсь под их сенью. Можно сказать, иду вдоль незримой границы кладбища. Стараюсь не думать о пугающих надгробиях, которые в темноте напоминают чьи-то фигуры. Через несколько минут убеждаюсь, что нахожусь достаточно далеко от дороги, и рискую включить фонарик. Только, чтобы освещать себе путь: направляю точно к себе под ноги.

Путь до могилы Германа занимает больше времени, чем в прошлый раз. Но я радуюсь, что уговорила тогда себя приехать. Не приходится искать его по всему кладбищу. Я точно знаю куда идти. Поднимаю луч фонарика на кривоватую табличку. С последнего раза ничего не изменилось. Меня сковывает ужас от осознания того, что мне предстоит сейчас делать.

Внезапно на верхушку кола приземляется крупная ворона и издаёт громкое "кар". Я вздрагиваю и сердито гляжу в её до жути осознанный глаз, которым она рассматривает меня. Громкие взмахи крыльев разрывают тишину. Она будто пытается мне помешать или что-то вроде того. Раздражённо сгоняю её лопатой, и ворона мчится в темноту.

Прости меня, Герман...

С неприятным чувством надеваю новые перчатки на покрасневшие от холода руки. В последний раз бросаю извиняющийся взгляд на надгробную табличку и не без труда выдираю деревянный кол. Аккуратно кладу его на расстоянии, чтобы не запачкать потом землёй.

В этот момент на вершинах деревьев поднимается ветер. Он раскачивает их, беспокоит моих пернатых спутников. Целая стая ворон взмывает в воздух по всему кладбищу и проносится у меня над головой. Что это, опасное предзнаменование? Какое-то время неподвижно прислушиваюсь к пугающим звукам, но потом заставляю себя продолжать. Работа предстоит нелёгкая. Не стоит тратить время попусту.

Включенный фонарик оставляю на ближайшей облезлой скамейке так, чтобы луч был

направлен на меня. Конечно, глаза уже привыкают к темноте. Я вижу достаточно хорошо, но так немного спокойнее. Будто это мой карманный ангел-хранитель.

Наконец, начинаю копать. Лопата без труда погружается в сырую землю. Частые дожди знают своё дело. И температура не настолько низкая, чтобы почва замерзала. Но копать предстоит на глубину двух метров. На первый взгляд кажется, что не слишком глубоко. Но через несколько минут мышцы начинают уставать. Не привыкла я к такому грубому труду. Стиснув зубы, продолжаю копать, скидывая комы земли рядом с растущей ямой.

Незаметно вокруг меня вырастают высокие земляные кучи. Перчатки уже стали чёрными от грязи. Устало вытираю со лба пот, оставляя размытый грязный след. И на пальто уже страшно смотреть. К сожалению, не подумала брать с собой одежду для выкапывания могил. Дьявол, что я делаю?! Выкапываю труп лучшего друга...

Но усталость вытесняет любые сомнения. Я уже слишком близка. Наконец-то лезвие лопаты с глухим стуком натывается на что-то твёрдое. Оставляю её снаружи, а сама опускаюсь на колени в глубокой яме и руками стряхиваю землю с крышки гроба. Такой простой, из самых дешёвых.

Пальцы тянутся к краю крышки, готовые открыть. Но тут я медлю. Страх врывается в сознание и парализует привычным способом. Готова ли я увидеть разлагающийся труп Германа? Или больше опасаясь обнаружить пустой гроб? Представляю, какой обезумевшей я сейчас выгляжу. И до конца не могу поверить, что решилась на такое. Но зачем? Он мёртв! Пора перестать искать оправдания... Но не зря же приложила столько усилий.

Задержав дыхание, с усилием открываю крышку гроба, готовая почувствовать отвратительный смрад разлагающейся плоти. Но тут мои глаза округляются, увидев только мягкую белую обивку. В пустой гроб скатываются маленькие комочки земли.

Что это значит? Неужели я была права? И Герман жив или стал чем-то иным... Не в силах больше сдерживать дыхание, я позволяю земляному запаху проникнуть в лёгкие. Не ощущаю никакой вони. Такое чувство, будто гроб изначально закопали пустым.

Меня охватывает паника, когда я медленно начинаю осознавать то, что вижу перед собой. Всё это обман: его смерть и похороны. И результаты вскрытия? Могли ли неизвестные перезахоронить его тело, чтобы скрыть доказательства своей вины? Но кто мог знать, что я надумаю выкопать тело лучшего друга? Или предусмотрительность на будущее?

Какая-то часть меня склоняется к тому, что никто его не эксгумировал. Вдруг он и правда приходил ко мне прошлой ночью... Этот взгляд был таким реалистичным. И оставшееся затем ощущение чьего-то присутствия. Не могло всё это привидеться...

Понимаю, что сейчас не время обдумывать открытие. Пора узнать, что будет проще: закапывать, или откапывать. Позже решу, что делать с этой информацией. Небрежно поднимаюсь на ноги, чувствуя, как благодарны онемевшие мышцы. Тянусь к краю ямы, думая, как проще будет выбраться на поверхность.

Внезапно кто-то ударяет меня по голове моей же лопатой. За глухим звуком следует ослепляющая боль. Я падаю на крышку гроба, теряя сознание. Последнее, что я вижу, это несколько размытых человеческих фигур, нависающих над ямой.

18. В лесу

Приходя в себя, я чувствую металлический привкус крови на языке, за которым следует пощипывающая боль. И когда только успела прикусить себе язык? Почти сразу начинается пульсирующая головная боль. Такая сильная, что доходит до чувства тошноты. С трудом приподнимаю руку и касаюсь дрожащими пальцами затылка. Боль усиливается в несколько раз. На пальцах остаётся липкая кровь.

Дьявол... Может, смотритель кладбища так приложил? Увидел предполагаемого расхитителя могил и сделал первое, что пришло в голову. Надеюсь, хоть скорую вызвал! Но если я нахожусь в больнице, то почему тогда так темно и больно? Тут на ум приходит самая очевидная и пугающая мысль — мой преследователь! Решил разобраться? Но разве я не должна быть уже мертва?

Пытаюсь пошевелиться, превозмогая боль. Сквозь пелену слёз рассматриваю очертания тёмного помещения. Кажется, до сих пор стоит ночь. Сколько часов я была без сознания? Головная боль не проходит, но вскоре я постепенно прихожу в себя. Возвращается чёткое зрение и способность двигаться. Тошнота усиливается: я с трудом удерживаю внутри себя давний ужин. Не хотелось бы сидеть в луже отвратительной субстанции.

Как только более-менее прихожу в себя, начинаю лихорадочно анализировать и искать выход из того, что имею. Руки и ноги не связаны: это хорошо. Меня перетащили в какой-то дом и оставили лежать на холодном полу без света и одеяла. Конечности едва не коченеют от холода. Вероятно, пролетел не один час.

Оглядываюсь по сторонам и сразу замечаю дверь, рядом — окно. Через него вижу кусочек тёмных деревьев. Значит, я до сих пор в лесу. Точно не в Мортиморе. Может, в пригороде? Там дома повсюду окружает лес.

Адреналин струится по венам. Это придаёт мне сил. Неуклюже поднимаюсь, стараясь сохранять тишину. Затем крадусь к двери. Несколько раз дёргаю засов — заперто с другой стороны. Было бы глупо надеяться на обратное. Дверь прочная, но очень старая: дерево начинает гнить. Если постараться, можно выбить. Но не уверена, что мне хватит сил. И это может сразу привлечь внимание похитителя.

Бросаюсь к окну и жадно выглядываю наружу, прижимаясь окровавленными ладонями к грязному стеклу. Кругом лес, и это точно не окраина Мортимора. Вообще не узнаю эти места. Опускаю взгляд на обшарпанную раму старого образца, с которой слезает белая краска. На подоконнике виднеются дохлые комары и мухи. Понятно, что хозяева помещения не особо следят за порядком. Такое можно встретить только у нас на даче, но я не вижу других домов и грядки. Скорей всего, меня притащили в лесничий домик. Слышала, что такие встречаются в наших окрестностях. Многие уже давно заброшены.

Растерянно отлипаю от окна, оставив кровавые отпечатки. От паники сердце бешено стучит в груди, притупляя головную боль. Озираюсь по сторонам в поисках чего-то полезного. В дальнем конце комнаты виднеется лестница. От мысли, что на втором этаже может находиться похититель или комната пыток, я начинаю паниковать ещё сильнее. Лишь с огромным усилием заставляю себя успокоиться. Истериками делу не поможешь! Больше ничего не вижу, разве что старый табурет в углу. Ничего, что можно как-то использовать.

Опомнившись, хлопаю себя по карманам. Телефон исчез. Сумку оставила в машине. У меня нет никаких шансов даже, если выберусь отсюда. В темноте легко заблудиться, а я и

вовсе не знаю эти места. Днём так же буду блуждать. Начинаю ругать себя, что лучше бы осталась дома. Стоило встретиться с Олегом и оставить эту глупую затею. Тогда мне не пришлось бы проходить сейчас через этот кошмар.

Если ничего не делать, мне в любом случае конец. А так хоть попытаюсь. Не долго думая, бегу к двери и пытаюсь выбить. Выкладываюсь на полную. Несколько сильных ударов причиняют большой ущерб моему плечу. Тогда хватаю тяжёлый табурет и несую к двери. Не получится так, то потом попробую разбить окно. Будет сложнее вылезти, но зато невысоко падать. Надеюсь, под окном не растут кусты крапивы или репейника.

Едва замахваюсь увесистым табуретом, как снаружи отпирается засов. Вместе с открывающейся дверью моё лицо обдаёт порывом ледяного ветра. Успеваю заметить незнакомую женщину в странной одежде. Медлю лишь секунду, поскольку она начинает громко выкрикивать чьё-то имя. Я налетаю на неё с табуретом, намереваясь просто сбить с ног и выиграть для себя немного времени. Но тут его перехватывают сильные мужские руки и без труда отпихивают меня в глубь комнаты. Незнакомец вырывает из моих рук импровизированное оружие и отбрасывает в сторону. Я инстинктивно пячусь, но он тут же хватается за плечи и с силой опрокидывает на пыльный пол. Не успеваю рассмотреть его лицо, но взгляд цепляется за темнеющую татуировку на шее. Пазл потихоньку складывается.

Мужчина, придавливая меня к полу одной ногой, вдруг достаёт из кармана какой-то предмет. Успеваю сообразить только, когда кожу на шее прокалывает тонкая игла. Резко дёргаюсь, но он уже сам вытаскивает пустой шприц. Что мне только что вкололи? Испуганно прижимаю руку к месту инъекции.

— Иди скажи хозяину, что девчонка очнулась! — властным голосом обращается незнакомец к застывшей в дверях женщине. — Я пока тут покараулю.

Она молниеносно подчиняется и быстро оставляет нас наедине. Хозяин? Внезапно всё обретает смысл в виде назревающей теории. Странные люди, одиночный дом посреди леса, похищения и убийства — за этим стоит не один серийный убийца, а целая секта ублюдков. Похоже, живой мне отсюда точно не выйти...

Я поднимаю глаза на высокого мужчину. Он стоит ко мне боком и глядит на дверной проём. Но я точно знаю, что если попробую хотя бы пошевелиться, он тут же меня остановит. До распахнутой двери, которая так и манит, пробежать вряд ли успею. И не знаю сколько людей замешаны в похищении. Будь у меня хоть малейшие шансы сбежать, они не стали бы так небрежно оставлять пути открытыми.

Пока я размышляю, в дом заходит ещё один мужчина в странном балахоне, напоминающим одеяние путников из фантастических фильмов. Но больше всего моё внимание привлекает его лицо. Как только мужчина подходит ближе, я понимаю, что уже где-то видела его. Кажется, в школе. Иногда к нам приходили разные люди и проводили лекции о профессиях, важных событиях и памятных датах. По-моему, это какой-то историк. В городе его уважают. Но тогда он был моложе. Сейчас с трудом узнаю из-за отросшей белоснежной бороды: каждый волосок тщательно причёсан и уложен. Чем-то напоминает Санту из рекламы про сотовую связь. Её частенько крутят по телеку. На груди замечаю амулет в виде спирали и помещённым внутрь крестом. Та же метка была на одной из жертв. Возможно, и на других.

Вот я и встретилась с главным кукловодом!

— Вот мы и встретились лицом к лицу, Валерия! — произносит он, будто повторил за моими мыслями, с интересом рассматривая меня. — Много же проблем ты успела

доставить!

— Кто Вы? — вырывается у меня.

— Быков Леонард Сергеевич! — с готовностью представляется незнакомец. Брови невольно приподнимаются. Он будто ждёт, что я узнаю. И не ошибся.

Теперь я точно вспоминаю! Такое необычное имя сложно забыть. Помню, как после лекции в школе некоторые ученики посмеивались, переделывая его в "леопард" и "нарик". Больше всего смешных прозвищ придумал Олег. А нам с Германом понравилась лекция. Леонард Сергеевич умел расположить к себе и достаточно интересно рассказывал тот материал, который учителя повторяли нам каждый год в преддверии Дня Победы.

Поверить не могу, что такой, казалось бы, добрый и влиятельный человек может оказаться монстром. Теперь я с недоверием смотрю в белёсые глаза и жалею, что в своё время заступалась за него перед одноклассниками.

— Что за вещество мне вкололи? — первым делом спрашиваю я, опасаясь самого худшего.

— Ах это, — небрежно спохватывается старик. — Об этом можешь не волноваться. Поможет тебе успокоиться и не делать опрометчивые поступки.

— Лекарство от тревожности? — вдруг вырывается у меня.

Он не отвечает, лишь одобрительно улыбается. Наверное, то же самое, что принимает мама, и что я обнаружила в доме Солнцевых. Разве что при внутривенном введении эффект всегда наступает быстрее и выраженнее.

— Так, значит, это Вы стоите за всеми исчезновениями, профессор? — осведомляюсь я, намеренно подчеркнув обращение как показатель влиятельности. Кандидат исторических наук, философ, преподаватель истории и серийный убийца?

— Рад, что ты меня помнишь, Валерия! — с улыбкой признаётся он. — Это говорит не о твоей феноменальной памяти, а о моей способности затрагивать сердца и умы.

Чёртов нарцисс! Делает шаг ко мне, и я невольно вжимаюсь в пол.

— Отпустите меня! — требую я, но голос больше напоминает мольбу.

Леонард Сергеевич опускается на корточки и заглядывает в мои глаза. Теперь я отчётливо ощущаю странный металлический запах от его дыхания и ни с чем его не спутаю — это кровь.

— К сожалению, я не могу, дорогая! — по-отечески мягко сочувствует он. Затем шепчет. — Сегодня ты умрёшь!

При этих словах у меня перехватывает дыхание, словно ядовитая змея обвивает горло тугим кольцом, сужая захват. Но почему-то почти сразу начинаю воспринимать эти слова как что-то должное, без излишней паники. Видимо, препарат начинает действовать. Улыбнувшись при виде моей реакции, профессор удовлетворённо поднимается, отряхивает грязь с балахона и идёт за табуретом. В этот момент я соскакиваю с пола и со всех ног несусь к двери. Но тело слушается плохо. Все движения какие-то заторможенные. До моих ушей доносится спокойный голос старика:

— Уладь это!

И мужчина с татуировкой двигается за мной. Успеваю выскочить за порог, но тут дорогу заслоняет женщина, которую я уже недавно видела. На её лице отпечатано отражение моего страха. Подозреваю, что ей тоже не по себе от происходящего. Пытаюсь её оттолкнуть, но незнакомка намертво приросла к земле и вцепилась в меня цепкими пальцами, как только я попыталась свернуть в сторону. У меня не хватает сил бороться.

Дальше меня хватают мужские руки и оттаскивают обратно в помещение. Я даже не кричу, не пытаюсь смотреть по сторонам. Мой взгляд прикован к её лицу в немом вопросе — за что? Женщина испугано провожает меня взглядом. Она мне не помощник. Здесь у меня не может быть союзников.

Меня грубо возвращают на ненавистный пол в центре комнаты. При этом получаю пару предупредительных ударов в живот. Но я и без них вряд ли смогу повторить такой подвиг. Конечности слишком отяжелели.

После распоряжения профессора, мужчина отходит к двери и закрывает с той стороны, где начинается свежий воздух и запах свободы. Леонард Сергеевич остаётся со мной наедине, но его марионетка сторожит снаружи и в любой момент вмешается, если я попытаюсь что-то предпринять.

Старик усаживается на табурет, закинув ногу на ногу. Эта поза и каждый жест напоминают, что это он здесь хозяин положения. Складывает пальцы веером и изучающе глядит на меня, будто он мой профессор, а я ученица. Невольно вспоминается, как после лекции в школе я подошла, чтобы задать вопрос. Тогда он смотрел на меня точно так же: те же прищуренные довольные глаза, та же загадочная полуулыбка. Мне было плевать на вопрос, это было лишь предлогом подойти. Понравился чем-то, несмотря на возраст. Как же глубоко я заблуждалась!

— Ну что, Валерия, как насчёт небольшого урока истории перед смертью? — без какого-либо сожаления предлагает Леонард Сергеевич.

— Пошли вы все! — в гневе выпаливаю я. — Немедленно отпустите меня!

— Хороша! — с придыханием констатирует он. — Могла бы много полезного для нас сделать. Не стоило тебе лезть в наши дела, ох не стоило! Тебя ведь предупреждали, непонятливая моя!

Я иронично усмехаюсь, устремив на него презрительный взгляд:

— Так дохлая мышь — ваших рук дело? И сбить меня пытались тоже вы?

— Видишь! — он рассекает воздух указательным пальцем. — Самой интересно! Не сможешь устоять перед любопытством, порода у тебя такая.

Собираюсь уже ответить, но в помещение вдруг заглядывает мужчина с татуировкой.

— Хозяин, они пришли! — докладывает он.

— Замечательно! Пусть заходят! — улыбается профессор. А потом поворачивается ко мне. — У меня для тебя сюрприз!

В помещение входят два нерешительных человека, в которых я быстро признаю своих родителей. Мама с покрасневшими от слёз глазами хватается за папину руку. Я впервые вижу его таким собранным и серьёзным. В первые мгновения я едва сдерживаю крик отчаяния, полагая, что их ждёт та же участь. Но их поведение начинает настораживать. Они не смотрят на Леонарда Сергеевича, будто прекрасно его знают. Не пытаются узнать, что происходит. Просто смотрят на меня, даже не торопятся подойти.

— Мама? Папа? — испуганно шепчу я. С трудом начинаю осознавать происходящее. Перед глазами всё становится туманно. — Что происходит?

— А это, моя дорогая, — бодро объясняет профессор, — и есть убийцы твоего Германа!

19. За минуты до смерти

— Я не понимаю!

В ушах звенит, от чего головная боль вновь напоминает о себе. Но я уже не обращаю внимания. Беспомощно вглядываюсь в лица родителей. Не знаю, как реагировать на заявление профессора. Это ведь полная чушь!

— В их защиту могу сказать, что они лишь неофиты! — добавляет Леонард Сергеевич. — Их задачей является выполнять приказы. Но как же далеко ты была от истины, Валерия! Рыться в архивах, серьёзно? Могла бы просто прийти ко мне и задать вопросы. Знаешь ведь, что я замечательно разбираюсь в истории Мортимора.

О тебе я и не вспоминала до этой ночи! Гнев отпечатывается на моём лице и делает черты более резкими, враждебными. Но что-то не даёт слететь этим словам с губ. Быть может, страх разозлить старика и ускорить предстоящее убийство.

Но тут меня внезапно осеняет — я видела его совсем недавно в библиотеке. Тот импозантный мужчина, который проходил мимо читального зала с библиотекаршей. В тот момент мне казалось, что он даже не заметил меня. Да и я не обратила должного внимания. Не признала давно знакомые черты лица.

— Он лжёт? — сглотнув несуществующую слюну, обращаюсь к родителям. Они напряжённо молчат. И тогда я срываюсь на крик. — Отвечайте!

Голова тяжелеет. Очень туго соображаю. Видимо, мне вкололи двойную дозу неизвестного препарата. Невольно подаюсь вперёд, но тело плохо слушается.

Мама вновь начинает плакать и скрывает лицо за носовым платком. Отец виновато отводит взгляд. Я едва сдерживаюсь, чтобы не подойти и хорошенько встряхнуть их обоих. Им повезло, что сейчас я слишком слаба. Злость перекрывает другие эмоции.

— Подождите снаружи! — небрежно приказывает профессор моим родителям. — Сейчас только помешаете ей соображать.

— Хозяин... — осмеливается возразить мама, но быстро умолкает.

Меня передёргивает от этого слова. Поверить не могу, что они подчиняются этому ублюдку!

— Как вы могли...

Не могу даже вообразить, как это возможно. Хочу прочитать хоть толику объяснений на их лицах, но перед глазами уже всё плывёт.

— Мы предупреждали тебя, Лера! — внезапно вмешивается отец. — Просили уехать. Почему ты такая упрямая?

— Хватит! Убирайтесь! — рявкает старик.

Им остаётся только подчиниться. Я опускаю взгляд в пол, не в силах смотреть на удаляющиеся размытые спины. Меня корбит от их предательства. Или это реакция на препарат? Неужели этот старик прав? Разве они могли кого-то убить? Особенно Германа! Слышу спокойный голос:

— Надеюсь, теперь у меня получилось достаточно тебя заинтересовать, чтобы ты захотела услышать с чего всё началось!

Как будто у меня есть выбор! По тону понимаю, что ему это нравится: чувствовать себя творцом истории и властелином других судеб. Ему всегда нравилось преподавать, он рассказывал историю с осязаемым удовольствием. Ту же самую страсть я улавливаю и

сейчас. Моё молчание он расценивает за согласие и начинает говорить.

— Давай перенесёмся в прошлое на восемьдесят один год назад! Со временем молодое поколение всё меньше придаёт значение памяти героям, что очень зря. Память и уважение — всё, что у нас осталось. Тех, кто защищал нашу родину до последней капли крови и сражался в тылу, осталось очень мало. Я появился уже позднее, но мои родители являлись ветеранами войны. Благодаря ним и моей бабушке, я до сих пор с пониманием и уважением отношусь к заслугам Красной армии и простого народа. Трудно представить, Валерия, на что тогда способны были пойти люди ради защиты своих родных! Разве сейчас народ способен так сплотиться? Это ваше поколение зумеров, или как вы их там называете? Этим людей ничего не волнует!

Профессор делает небольшую паузу, давая мне возможность обдумать его слова. Но я лишь мерю его презрительным взглядом.

— Всё началось с того, что во вторую Мировую войну немцы вторглись на территорию Советского Союза, — не унывая, продолжает Леонард Сергеевич. — К середине октября сорок первого года немецкие танки подступали к Таганрогу. Их путь пролегал через Мортимор, а тогда это был даже не город, а такой маленький посёлок, где среди сосен стояли лишь несколько домов. Все мужчины ушли на фронт. Остались только старики, женщины и дети. И среди этих женщин была моя бабка, Ангелина Петровна Быкова. На тот момент она была беременна пятым ребёнком. Муж погиб на фронте. Ей предстояло одной поднимать пятерых детей. В этот период люди мало задумывались о будущем. Мечтали только продержаться хотя бы ещё один день. Наши земляки были загнаны в ловушку. Ангелина Петровна не могла больше наблюдать, как страдают её дети. Когда самый младший из четверых, Алексей, скончался буквально за несколько часов до наступления войск, она должна была попытаться сделать хоть что-то. Остальных сыновей оставила соседке и отправилась в леса поискать хоть что-то съедобное. Там-то она и наткнулась на немецких оккупантов. Они напали на неё, наплевав на беременность, избили, обесчестили и оставили умирать среди гниющей листвы. У бабушки случился выкидыш. Ребёнок появился мёртворождённым прямо там, в лесу. Она истекала кровью, но до последнего двигалась назад, даже когда приходилось ползти из-за нехватки сил. Не могла оставить детей, хоть и понимала, что всё равно не защитит. Такой сильной она была! И вот, среди старого орешника и вымахавших до небес дубов, Ангелина Петровна повстречала её, королеву мёртвых!

Я, которая до этого момента безучастно сверлила взглядом пыльный пол, вдруг поднимаю глаза на его лицо: мрачное, сосредоточенное, но без намёка на розыгрыш. Напротив, старик говорит об этой странной королеве с таким благоговением, что я невольно сама начинаю её опасаться.

— Ты веришь в новую жизнь после смерти, Валерия? — с придыханием спрашивает профессор, вгоняя меня в ступор. — И это не просто жизнь, а власть и могущество над слабым видом. Ещё один дар — бессмертие!

— Вы безумец! — сквозь зубы цежу я. Понимаю, что разговор продлевает мне жизнь, но с каждой секундой меня сильнее парализует отчаяние. Я одна против неизвестного количества людей. Здесь же мои родители, которые могут пострадать из-за меня, или, напротив, собственноручно оборвут мою жизнь, если им прикажут. Становится ещё страшнее от этой мысли. — Вы все безумные!

Леонард Сергеевич лишь усмехается:

— Ты можешь назвать безумным любого в этой резиденции, но только не меня. Скоро поймёшь почему! Давай вернёмся в сорок первый год! Бабушка позднее рассказывала, что в тот момент в лесу подумала, что за ней явился ангел смерти. До такой степени величественной, прекрасной и устрашающей была королева. У неё были такие острые длинные клыки, что она запросто могла убить её прямо на месте. Королева мёртвых спала вот уже более ста лет, пока её не потревожили вражеские войска, вторгнувшиеся в леса. Голодная, одичавшая, она за много километров почувствовала запах человеческой крови и явилась за первой жертвой. Но что-то заставило её передумать. Полагаю, она почувствовала мужество, которое помогало бабушке держаться. А ещё увидела мёртвое дитя у неё на руках. Это пробудило в королеве ярость по отношению к тем, кто совершил злое деяние. И она пощадила Ангелину, предложила сделку взамен на спасение города. Бабушка согласилась, не раздумывая. Терять ей уже было нечего.

Королева перебила часть немецких войск ещё на подступах к Мортимору. У них не было шансов даже с внушительным арсеналом. Она была прекрасна, молниеносна и очень сильна. Каждая капля крови делала её только сильнее. В итоге немецкие оккупанты были вынуждены сменить маршрут и обходить Мортимор стороной. Они так и не пересекли границы города ни разу за годы войны. Вдоволь насытившись кровью, королева излечила Ангелину своей кровью. Вместе они стали основателями нашего домена.

— Домен? — сухо переспрашиваю я. — Так Вы называете свою секту?

Начинаю догадываться, что все исчезновения были осуществлены с целью жертвоприношения. Очень сложно воспринимать бредни старика, но я точно знаю, что он правда не безумец. Жажда власти ему не чужда. Трудно представить, что он наплёл своим последователям, чтобы они соглашались на такие преступления. Но разве стоит оно того? Невольно появляется желание разобраться. И потянуть время. Шансов мало, но вдруг меня найдут.

— Ты используешь слишком радикальное понятие, Валерия! — возражает профессор. — Мы больше, чем какая-то обособленная группа. В моей власти находится весь город и люди, которые там живут.

— Но о вашем существовании никто не знает! Вы просто остаётесь в тени.

— Так и должно быть! — старик меняет положение ног, устраиваясь поудобнее. — Королева желала создать что-то особенное, и наша семья ей в этом помогла. У города появилась защита от незваных недругов, пропитание, ресурсы. Мортимор начал постепенно процветать и разрастаться. Взамен от нас требовалось лишь поставлять кровь. Каждый цикл жертв имеет особенное значение. Королева является не просто повелительницей всех мёртвых, она предстала перед нами в виде божества, которому необходимо поклоняться. Иначе она заберёт всё, что мы имеем. Самые преданные и трудолюбивые получают дар бессмертия. Это высшая награда в нашем домене. К этому и стремятся неофиты. Моя задача их направлять по пути милости королевы.

— Вы не слишком похожи на бессмертного! — язвлю я, сжав пальцы. Подавляю желание доползти до пыльной стены и опереться на неё. Сидеть становится слишком тяжело. Сквозь пелену вижу сгущающиеся тени над нашими головами: очень пугающие и реалистичные галлюцинации.

— Я уже не молод, но полон сил и здоровья благодаря служению королеве! — не соглашается Леонард Сергеевич. При этом белесые глаза блестят дьявольским огнём. Но я-то знаю, что всё это чушь, и нет никакого бессмертия. Это лишь метод контроля над

людьми. — О большем и не мечтаю!

— Но как можно было согласиться на такое? — недоумеваю я. — Убивать невинных людей?

Профессор непринуждённо пожимает плечами.

— Всё не так страшно, как тебе кажется, Валерия! — произносит он. — Цикл жертв повторяется только каждые сорок лет. Это не так много. Всего двенадцать человек ради благополучия остальных. И не надо смотреть на меня такими большими глазами, дорогая, люди гибнут каждый день! Большинство этих смертей бессмысленны, а тут хоть идут на правое дело!

Чтобы укреплять твои позиции среди последователей! Тут до меня внезапно доходит:

— Как много людей в сговоре с вами?

— Достаточно.

— И кто-то в правительстве покрывает ваши дела?

Мой собеседник не стремится к ответу.

— Излишнее любопытство и привело тебя к этому исходу, Валерия! — подмечает Леонард Сергеевич. — Даже несмотря на твою скорую смерть, я не стану раскрывать имена. У меня хватает поддержки во всех отраслях. Подкупить можно кого угодно. Люди слишком падки на власть и богатство.

Мне становится так гадко, что не могу больше спокойно оставаться на месте. Не удивительно, что делами пропавших людей не занимаются должным образом. Кому вообще в Мортиморе можно верить? Как быть обычным мирным жителям, не способным себя защитить? Они ведь даже не подозревают...

— Просто ответьте... — обессиленно вопрошаю я. — За что детей?

Леонард Сергеевич хмурится, словно и сам не одобряет подобного. Но когда отвечает на вопрос, в его голосе не слышится недовольство:

— Мы стараемся не трогать мортиморцев и нацеливаемся на туристов. Причем, не только в этом районе. Охота ведётся по всей области в относительной доступности от побережья. Иначе люди могут начать что-то подозревать. Но когда не хватает жертв, цикл обязательно необходимо завершать. Тогда приходится выбирать из наших земляков. Из неблагополучных семей. Девочку из семьи Солнцевых предложила Марина. Это не было моим решением.

— Марина? — силюсь вспомнить, слышала ли это имя.

— Стронциева, — добавляет профессор.

— Мать подруги Миланы? — вырывается у меня.

Я вспоминаю рыжеволосую женщину за рулём белой десятки. Она определённо не произвела на меня впечатление человека, способного совершить такое зло. А потом как ни в чём не бывало притворяться, что всё хорошо, пока её дочь, Оля, грустит по пропавшей подруге. Во всяком случае, девочке ничего не угрожает. Если, конечно, однажды не поставит под угрозу их тайны. Но этого вряд ли стоит ожидать в ближайшие годы. Кажется, теперь начинаю понимать как связывает некоторых людей таинственное лекарство без маркировки. Видела его у мамы, а Солнцевым дала Марина Стронциева. Получается, сектантов пичкают какими-то таблетками. Вероятно, чтобы было проще их контролировать.

— Оставалось найти последнего человека, — продолжает старик. — Марина описала их ситуацию: живут небогато, в основном обособленно. Вокруг мало соседей. Родители много работают, особенно мать. Девочка частенько выглядела неопрятно. Им было некогда

заниматься дочерью. Утрата столь невинного создания для меня невосполнима, но она принесла огромную пользу городу.

— Её кровь на Ваших руках! — выдавливаю сквозь сжатые зубы я. Стараюсь не обращать внимания на жутковатые тени. — Вы социопат!

— Ты вряд ли сможешь понять, Валерия! — вздыхает профессор. Поясняет терпеливо и уважительно, будто помогает разобраться в учебном материале. — Ты привыкла делить всё на чёрное и белое. К счастью, меня не заботит твоё одобрение. Признаюсь, я впечатлён твоим чутьём. Не поверила никаким доказательствам. Даже жаль будет тебя убивать!

— Как убили Германа? — рычу я. — Его Вам тоже было жаль?

Леонард Сергеевич не удерживается от улыбки. Я вновь будто бы чувствую кровь и спрашиваю себя, может ли он употреблять её, воображая себя бессмертным. Меня тошнит только от этой мысли.

— Будем честны, твоему другу я сделал настоящее одолжение! — усмехается старик. По глазам вижу, что ему ни капли не жаль. — За столько лет он так и не нашёл своё место в жизни. Оттого и стал лезть в наши дела. Это его и погубило.

— Но ведь могила была пуста! — выпаливаю я, сдерживая ярость. Прихожу к выводу, что моя теория оказалась правдой. — Вы перезахоронили его тело?

— Умная девочка! Заслужила пятёрку! — довольно подмечает профессор. — Я решил перестраховаться. При участии независимых экспертов было рискованно предполагать, что получится повторно поколдовать над отчётом. Рано или поздно ты могла захотеть добиться законной эксгумации, чтобы доказать свою теорию.

Я нервно сглатываю:

— Где он сейчас?

Леонард Сергеевич небрежно махнул рукой:

— А, закопали где-то в лесу! Через день после твоего приезда в Мортимор.

Ярость, переполняющая меня изнутри, вдруг исчезает, уступив место горечи. Больно думать о том, что Герман закопан в неизвестном месте. Совсем один. Возможно, по этой причине так часто являлся ко мне во снах. Может ли его душа искать таким образом помощи и успокоения? Даже не верится, ведь всё выглядело так, будто ничего ещё не кончено. И в какой-то момент я начала надеяться, что он каким-то образом вернётся ко мне. А теперь мне будто второй раз разбивают сердце.

Вспоминаю отчёт и волнующие ранее вопросы.

— У него были следы на шее... Как от укуса. Откуда они? — спрашиваю я, невольно нащупывая последнюю надежду.

Старик всё так же охотно отвечает, словно только и ждал возможности похвастаться перед кем-то своими достижениями:

— Это часть ритуала. Пусть он не стал частью цикла жертвоприношения, но мы чтим традиции и используем те же методы. Как и нанесение меток. Это знак королевы.

Их я тоже помню. Крест внутри спирали, кельтская символика. Значит, меня ждёт то же самое. И моё тело обнаружат с этой же меткой, прокусанной шеей и признаками суи**да. Либо вообще никогда не найдут.

С тоской думаю об Алисе, и как хорошо, что я додумалась отправить её домой. Не переживу, если с ней что-то случится. Но как хочу обнять ещё хоть раз... Она даже не подозревает, что вот-вот останется без меня. Терзаюсь, что тоже не уехала вместе с ней. Катилось бы оно всё пропадом!

— Ты можешь задавать любые вопросы! — благосклонно разрешает профессор, когда моё молчание начинает его утомлять. — Я готов предоставить тебе всё на блюде. Ты заслужила благодаря своей сообразительности!

Либо чтобы потешить твоё эго! С этими психопатами всё понятно. Не могу понять другое. Наверное, после Германа это самый важный для меня вопрос. Стараюсь не думать о нём, ведь так или иначе мы скоро увидимся на том свете.

— Как мои родители согласились вступить в вашу секту? — спрашиваю я. Они вырастили меня, давали поддержку, заботу, помогли встать на ноги. Я неделю прожила с ними под одной крышей и ни разу ни в чём не заподозрила. Доверяла свою дочь. Неужели я настолько слепа?

Леонард будто ждал этого вопроса.

— По той же причине, что и все остальные! — поясняет он. — Я до сих пор веду просветительскую деятельность в Мортиморе. Видел их несколько раз на открытых мероприятиях. С твоим отъездом им стало одиноко и скучно жить. Искали чем себя занять. Летом можно работать на даче, но а зимой абсолютная пустота. Я неплохо умею читать людей и предположил, что они подойдут для служения домену. Как видишь, не ошибся! Жажда покровительства очень скоро ослепила их. Жертвоприношения, конечно, пугали. Но, вступив в домен, обратного пути уже нет: либо служение, либо позорная смерть. На страхе можно построить целые империи.

— Я хочу с ними поговорить! — требую я, не веря его словам. — Этому должно быть какое-то объяснение... Они не могли убить Германа! Почему Вы приказали именно им?

— Чтобы доказали свою верность! Это был особенный заказ, и ты сама понимаешь почему. И они не подвели! — усмехается старик. — Можешь сама у них спросить. Артур, приведи двух неофитов!

Я вздрагиваю, когда распахивается входная дверь. На улице темно, но мне в глаза ударяет яркий свет. Долго жмурюсь, пока он не исчезает. Смутно вижу, как внутрь заталкивают моих близких. Они мешкаются, боятся смотреть мне в глаза. А я лишь обессиленно гляжу на их лица.

Леонард Сергеевич медленно поднимается с жёсткого табурета. Вместе с этим тени с потолка опускаются ниже, едва не поглотив его голову. Краем глаза замечаю, как блеснул амулет в форме спирали с крестом. Его лицо остаётся мягким, но я вижу какой страх он наводит на своих подчинённых. Оба моих родителя белые как полотно.

— У вас есть десять минут! — предупреждает он, вроде бы и не думая, что они попытаются мне помочь. — Я пришлю Артура, когда придёт время! — на мгновение поворачивается ко мне. — Это последний дар для тебя, Валерия! Увидимся по ту сторону.

С этими словами он проходит мимо Артура, мужчины с татуировкой на шее, и покидает помещение, оставив меня в смешанных чувствах. Эти одолжения, которые он делает, воспринимаю как насмешку и показатель превосходства. Но выглядит так, будто он пытается таким образом искупить вину передо мной за то, что планирует забрать мою жизнь.

Я так сбита с толку полученной информацией, что не осознаю, что мы остались втроём даже, когда мужчина с татуировкой громко захлопывает дверь. Мамина рука дёргается в мою сторону, но она так и не двигается с места. Больше не плачет, но внешним видом напоминает мертвеца.

Я не нахожу в себе силы заговорить с ними. У меня столько вопросов, меня переполняет такая злость, но не могу выплеснуть это наружу. Веки тяжелеют. Хочу просто лечь и закрыть

глаза. А когда всё же пересиливаю себя, вместо обвинений и ярости с моих губ срывается жалобное:

— Мама, папа... Что вы наделали?

Теряю самообладание и пускаюсь в слёзы, припадая к полу. Внезапно маска стойкости слетает, смытая горячими слезами. Не могу остановиться, лишь бесконечно всхлипываю и хватаю ртом воздух, пока моё тело дрожит в лёгких конвульсиях. Пот градом стекает по спине. Всё это не кажется мне настоящим. Будто страшный затянувшийся сон.

Они не выдерживают и одновременно подбегают. Падают на колени рядом и прижимают к себе, глядят по спине, пытаются успокоить. Хочу оттолкнуть, но не выходит. Каждое их касание обжигает ядом. Мне противно принимать поддержку от них, но так сейчас в этом нуждаюсь! Мне страшно, я вконец запуталась. А, может, мне это лишь мерещится? И я вижу и чувствую то, чего сама в тайне желаю.

— Пожалуйста, отпустите меня! — сквозь рыдания молю я. — Подумайте об Алисе!

Оба вздрагивают, словно их ударяет током. Но потом продолжают жалеть.

— Мы позаботимся о ней, Лера! — сдавленно обещает мама. — Она будет далеко от этого кошмара.

— Нет! — вырывается у меня. — Не смейте даже приближаться к ней! Я запрещаю!

— У тебя нет выбора! — с горечью возражает отец. — Поверь, нам так же тяжело. Но иначе нельзя.

— Как вы могли? — я поднимаю заплаканные глаза на их лица. — Расскажите мне всё! Я должна услышать!

— Лера...

— Это единственное, что вы можете для меня сделать!

Они обмениваются разбитыми взглядами. Отец едва заметно кивает. Я слабо скидываю их руки, возвращая самообладание. Молча жду более-менее внятных объяснений. Не хочу даже думать о том, что меня ждёт.

— Что ты хочешь знать? — спрашивает мама, избегая прямого взгляда.

— Зачем вам всё это?

Её губы начинают дрожать. Это не только страх, но и, кажется, реальное сожаление. Но мне теперь плевать. Здесь не может быть оправданий. Тем более, если их руки уже в крови.

— Мы... не знали, что всё будет так серьёзно! — пытается оправдаться мама. — А когда узнали, было слишком поздно.

— Хотите сказать, вас не предупредили? — скептически интересуюсь я, не веря каждому слову.

— Перед вступлением объясняли в общих чертах! — добавляет папа. — Мы никогда не стали бы частью преступной группировки! Нам обещали семью, ковен, как бы сказать. Это даёт право посещать закрытые мероприятия, узнавать что-то новое, даже путешествовать. Наша жизнь утратила былой смысл, когда ты уехала в Таганрог. Мы были уже на грани развода. А хозяин... — увидев мой взгляд, он поправляется, но понижает голос. — Леонарод Сергеевич дал нам новый смысл для дальнейшей реализации потенциала. Думали, у нас всегда будет выбор.

— Так завели бы лучше ещё одного ребёнка! — выпаливаю я, собираясь с мыслями. — Почему я не была в курсе ваших проблем?

— Не хотели тебя тревожить! Ты пыталась устроить собственную жизнь: училась, встретила любовь. Куда тебе было до наших проблем!

— Я бы поддержала! Сделала хоть что-то! Кто знает, может, не пришлось бы становиться пособниками в убийствах!

Мама невольно закрывает рот ладонью, услышав последнее слово. Тяжело, наверное, смириться с этой ролью.

— Мы планировали накопить денег и переехать подальше! — поясняет отец. — Кто ж знал, что на деле придётся отдавать все ценности в казну хозяина. Взамен он обеспечивал хорошим урожаем благодаря милости королевы.

Старик неплохо устроился вместе со своим семейством! Обманом вытягивает из людей деньги, заставляет подчиняться, ещё и пичкает препаратами. Впрочем, как любой типичный глава сектантов.

— Вы правда верите в эту чушь? — пытаюсь найти хоть каплю здравого смысла. — Он же просто больной!

— Мы видели доказательства во время ритуала посвящения! — возражает мама. — Хозяин испил нашу кровь и поделился частичкой своей силы. У отца грыжа прошла, которая мучила его уже пять лет. А у меня улучшилось зрение. Помнишь же, в очках постоянно была раньше во время чтения? Теперь всё хорошо вижу.

— Это самовнушение! — упрямо заявляю я. Голова идёт кругом. — Он не умеет исцелять!

— Можешь не верить, вот если бы своими глазами увидела... — она обрывает фразу, как бы вспоминая о моей скорой смерти. Подавляет слёзы. — Если продолжим служить, получим больше могущества и силы. Как его ближний круг.

— Сколько вас всего?

— Хвататет. Хозяин и его приближённые. Потом идут наложницы, от которых у хозяина родились наследники. И мы, неофиты. Есть ещё посвящённые, они не участвуют напрямую. Лишь получают оплату за помощь.

Не могу даже представить сколько людей втянуты в эти преступления. Мне противно слышать об этом. Если только смогу выбраться, то не успокоюсь, пока каждый из них не окажется за решёткой!

Но самой больной темы не касаюсь до последнего. Когда произношу следующие слова, глаза вновь становятся влажными от слёз.

— А что насчёт Германа... — бесцветным голосом уточняю я, хоть и боюсь улышать ответ. Сглатываю болезненный ком. — Это правда?

Мама больше не сдерживает слёзы. Её руки дрожат, как у наркоманки. В глазах отца читаю сожаление.

— У нас не было выбора! — с трудом отвечает он. — Нельзя нарушать приказ.

Мои руки дрожат, и это уже вряд ли от введённого препарата.

— Вы убили невинного человека! — начинаю срываться на крик.

— Мы не хотели...

Подавляю приступ злости. Тяжело выдыхаю:

— Как это случилось?

— Тебе не стоит знать...

— Я хочу знать, что вы за звери! — требую я. Время уже на исходе. У меня даже в мыслях нет пытаться бежать, ведь нигде не буду в безопасности. Даже самые близкие люди причиняют боль. Куда мне теперь бежать?

— Это случилось в лесу! — опустив глаза, шепчет отец. — Нам было велено сделать в

соответствии с правилами. Мы были не одни. Вряд ли смогли бы сами спастись... Я повалил его на землю и душил до тех пор, пока он не перестал двигаться. Мы... испили кровь, как и должно быть. Потом помощник помог обставить, будто он сам... Заранее подготовили верёвку. Ну и... хозяин потом позаботился, чтобы из отчёта о вскрытии убрали всю компрометирующую информацию. Никакого упоминания об улицах и следах борьбы. Осталось лишь самое незначительное.

— Но почему не убрали информацию об укусе? — не понимаю я. — Тогда у меня не возникло бы, наверное, вопросов.

Отец покосился на дверь и понизил голос:

— Хозяин гордится каждой жертвой. Предпочитает оставлять для общего доступа какую-то особую деталь. Как бы личную подпись. Да и раньше никто не придавал этому значения. Столько жертв уже было! Все поверили официальной версии. Ты тоже должна была поверить.

— Да... — всхлипывая, добавляет мама. — Зря я тебе сообщила о его смерти! Просто... не могла смириться с мыслью, что всё так случилось. Да и вы были так близки.

— Тебя, значит, совесть замучила? — рычу на неё я. Меня мутит от мысли, что они попробовали его кровь. Если верить отчётам, тогда Герман был ещё жив... От этого становится ещё тошнее. Я смотрю на них безумными глазами и вижу только лики убийц. — Вы тоже сумасшедшие!

— Лера...

Такое банальное объяснение для всех таинственных исчезновений, но так больно ранит. Лучше бы убрали меня ещё в самом начале. Возможно, я бы предпочла никогда не узнать правду о том, кто на самом деле убил Германа. Да, приказ был отдан профессором, но оборвали невинную жизнь руки близких мне людей. Как это мерзко! Кстати, об убийствах... Я всерьёз задумалась, почему от меня не избавились раньше.

— Это вы следили за мной всё это время? — догадываюсь я.

— Мы были с Алисой, честно! — качает головой мама. — Первое время даже не знали, что хозяин на тебя нацелился. А когда ты рассказала о своих замыслах, всё поняли. Не смогли переубедить. Он посылал за тобой других неофитов. Мы пытались убедить его оставить тебя, если ты уедешь. Он вроде даже согласился. А потом мы узнали, что он поручил тебя Артуру. Это его приближённый, хозяин привлекает его только для радикальных заданий.

Я вижу раскаяние, но это ничего не меняет. И всё же они моя последняя надежда выбраться отсюда живой. Пересиливаю себя ради Алисы и ради всех невинных людей, которые находятся в опасности, и даже не подозревают об этом.

— Сейчас уже не имеет значения то, что вы делали! — шепчу я. — Прошу, помогите мне! Не позволяйте этому психопату убить меня! Докажите, что правда раскаиваетесь.

На секунду в их глазах мелькает сомнение. Этого может оказаться достаточно, если надавить. Но вдруг открывается дверь, и я вижу безэмоциональное лицо приспешника профессора.

— Пора вести девчонку! — сухо заявляет Артур.

Сквозняк холодит влажные щёки. Родители покорно замирают, избегают смотреть на меня. От них помощи можно не ждать, но я не собираюсь сдаваться. Уставшая и одурманенная препаратом, поднимаюсь на ноги и бегу к лестнице. Плевать, что загоняю себя в очередную ловушку. Забаррикадируюсь внутри, буду бороться до последнего.

Перед глазами всё движется. Я чудом пробираюсь по лестнице, не слетев вниз. Мужчина с татуировкой пронесется мимо моих родителей и ловит меня на последней ступеньке. Я ору и выбираюсь. Он дважды ударяет меня по лицу, выпаливая гнусные слова. Мама отворачивается, чтобы не видеть. Они просто позволяют ублюдку увести меня.

Он выталкивает меня на улицу. Я так отчаянно сопротивляюсь, что не сразу замечаю происходящее снаружи. Увиденное парализует меня.

Старый коттедж располагается на просторной лесной поляне. Пахнет сосновыми иглами: аромат разбавляет едкий дым от костра. Пока меня тащат к широкой самодельной платформе у скрюченного дерева, мой взгляд мелькает по множеству лиц. Все они являются последователями профессора. Одеты в такие же странные балахоны. На шеях висят амулеты с кельтским символом.

Артур толкает меня спиной к стволу дерева. Чувствую, как во время удара саднит кожу. У меня уже не остаётся сил шевелиться. При помощи сообщника, который, судя по всему, тоже предназначен для грязной работы, связывает мне руки толстой верёвкой, перекинув её через ствол. Всё равно не оставляю попыток вырваться, но кисти намертво обездвижены. По платформе расставлены жуткие чёрные свечи, заключающие меня в смертоносный круг. Под ними виднеются метки клана. Внутри круга начерчена пентаграмма — символ бафомета.

Вижу Леонарда Сергеевича, на лице которого танцуют призрачные тени. Белоснежная борода неестественно выделяется в темноте. Небо ещё не начинает светлеть. Мы в глуши, где никто не услышит мои беспомощные крики. Даже не пытаюсь храбриться, но и умолять о пощаде не собираюсь. Что-то мешает трезво оценивать ситуацию — я будто нахожусь в прострации.

Профессор неспешно всходит на платформу. Кругом стоит такая тишина, что я отчётливо слышу шелест его балахона и треск поленьев. Все органы чувств обостряются под действием адреналина, разгорячающего кровь. Сжимаю пальцы, которые уже начинают неметь. В ужасе наблюдаю, как старик приближается и водружает мне на голову венки из цветков вербены. Ощущаю сладковатый запах с лимонной отдушкой, но он меркнет перед запахом смерти, исходящей от моего почти состоявшегося убийцы. Трясу головой, надеясь стряхнуть это убожество, но всё тщетно. Среди незнакомых лиц замечаю ту самую — с медно-рыжими волосами. Вопреки всему происходящему её лицо остаётся спокойным, что разжигает во мне огонь ярости. С таким же безразличием она вынесла приговор несчастной Милане Солнцевой?

В отчаянии дёргаю руками, пока верёвки проедают кожные покровы. Леонард взмывает в воздух ритуальный нож. Острое лезвие с нетерпением поблёскивает, готовое рассечь человеческую плоть. Слышу властный голос, которому внемлют все присутствующие. Похоже на латынь. Получается разобрать только имя "Лилит".

Обессиленно расслабляю мышцы, не находя в себе силы бороться дальше. Молча жду конца, пока щёки щиплет от едких слёз. Нахожу взглядом бледные лица родителей. Пусть хоть что-то привычное останется со мной перед смертью: что-то кроме бесконечного страха.

Лидер сектантов направляет нож лезвием ко мне и двумя быстрыми движениями перерезает вены на запястьях. Его приспешники тут же подставляют медные кубки, куда стекает кровь. Видимо, эти жалкие крохи достанутся неопитам. Теперь окровавленное лезвие направляется к моей шее, ознаменовав решающий момент. Я закрываю глаза и молча жду, когда оружие полоснёт с нестерпимой болью.

Вдруг слышу чудовищные вопли. Затем в воздух поднимаются многочисленные визги.

Начинается паника. Очередная галлюцинация? Приоткрываю отяжелевшие веки и сквозь пелену слёз вижу, как неестественно быстрая человеческая фигура пронесется от одного сектанта к другому. После нескольких секунд они падают замертво. Люди в панике начинают разбегаться. Но неизвестное существо настигает каждого.

Я испугано приподнимаюсь насколько позволяет верёвка. Пытаюсь взглядом отыскать родителей. И вот, к ужасу для меня, монстр налетает на убегающую маму и с яростью вгрызается в её шею. Кажется, её крик навсегда отпечатывается в моём сознании. А папа уже мёртв. Натыкаюсь на перекошенное от ужаса лицо. Замечаю на шее рваную рану, из которой фонтаном хлещет кровь, пока, издав последние булькающие звуки, не выплёскивается полностью, впитываясь во влажную землю.

Профессор рядом со мной стоит застывшей фигурой. Его глаза становятся огромными от ужаса. Похоже, страх парализует его. Он не может двигаться и туго соображает. Когда от рук неизвестного монстра погибает последний сектант, старик словно обретает способность двигаться. Пошатываясь, он сходит с платформы и опускается перед ним на колени. Бросает нож и поднимает к нему дрожащие руки.

— О, великая Лилит, пощади своего верного послушника! — взывает он надрывным голосом. — Я служил много лет во славу твоих милости и покровительства! Прими эти жертвы в знак подношения...

Договорить он не успевает, поскольку в этот момент неизвестный в мгновение настигает его и с ожесточением впивается в плоть. Слышу протяжные вопли, но они уже не такие выраженные. Кровь продолжает стекать из вскрытых вен. Я едва сохраняю ясность сознания.

За мгновения до предполагаемой смерти вижу, как тряпичной куклой опрокидывается мёртвый профессор, а нападавший теперь поворачивается ко мне. Сморгнув слёзы, я вдруг чётко различаю зеленоватые глаза на осунувшемся и неестественно бледном лице. С подбородка стекает свежая кровь. Нас окружает кровавая баня. Возможно, мне всё это мерещится, но, чёрт возьми... Кажется, это Герман.

20. Старый друг

Мои видения похожи на сон. Я вновь и вновь вижу кровавые сцены в лесу. Только на этот раз мои руки не связаны. Я вижу, как сверхъестественное существо убивает сектантов. Знаю, что могу попробовать остановить это безумие. Но не хочу. Эти люди забрали так много жизней, посчитав, что могут вершить чужие судьбы. Стиснув зубы, наблюдаю как обезумевшие от страха и боли глаза становятся стеклянными. Пока монстр вдруг не переключается на моих родителей. Мамин крик сводит меня с ума.

Я прихожу в себя в неизвестном месте. Непривычный яркий свет на какое-то время ослепляет меня. Часто моргаю, пока не начинаю привыкать. Чувствую слабо выраженный запах дезинфицирующих средств. Пытаюсь пошевелиться и обнаруживаю, что вся утыкана проводами и приборами, считывающими показатели организма. Рядом с кроватью стоит подставка для капельницы. Прозрачная жидкость из упругого пакета медленно капает по трубкам в вену. Ослаблено поворачиваю перебинтованные кисти. Понемногу возвращаются болевые ощущения.

Перевожу взгляд на другие пустые кровати, белоснежные тумбочки и большие окна без штор. Похоже, я нахожусь в больнице. Но как это возможно? Мне не могло привидеться: раны на запястьях настоящие и такие болезненные. Из-за слабости и действия лекарств плохо соображаю. Не успевает пройти и несколько минут, как я вновь отключаюсь и проваливаюсь в сон.

Позднее ко мне заглядывает дежурный врач в идеально выглаженном белом халате. К тому моменту я успеваю немного вздремнуть. Меня осматривают, спрашивают о самочувствии. Врач объясняет, что я потеряла много крови. Требовалось срочное переливание. Помимо, есть небольшое сотрясение мозга из-за ушиба, но это не должно вызвать никаких серьёзных осложнений. Сейчас мне капают физраствор из-за обезвоживания. Потом он задаёт разные вопросы, чтобы убедиться в отсутствии нарушений памяти. Сообщает, что в моей крови были обнаружены следы пентотала, обладающего выраженным психотропным действием. Если конкретней, то он блокирует болевые ощущения и вызывает спутанность сознания. Нарушается способность критически мыслить, появляется дезориентация. Значит, многое из того, что происходило со мной в лесу, могло попросту привидеться. Эффект очень мощный. Скорей всего, последователям секты давали что-то другое...

Убедившись, что всё хорошо, врач предупреждает о том, что со мной хотят побеседовать полицейские, как только буду готова. Я соглашаюсь, несмотря на слабость и сонливость. Чем скорее я расскажу о злодеяниях секты, тем лучше. Мало ли от меня захотят избавиться прямо в больнице. Даже не уверена толком в том, что произошло.

Врач предлагает перенести разговор на завтра, но я настаиваю на своём. Уже через пару минут в палату заходит полицейский. Как только подходит ближе, узнаю его лицо. Эти бронзовые кудри и васильковые глаза: красные из-за недосыпа, но всё такие же прекрасные. Он смотрит на меня с таким смешным беспокойством, что я невольно улыбаюсь. Улыбка получается вялой, с трудом могу управлять мышцами. Олег застывает у дальнего края кровати. Не решается подойти ближе. Видимо, впервые не знает, что ему делать.

— Чего стоишь и ворон считаешь? — хрипло проговариваю я. Едва получается шевелить губами. Мою речь трудно разобрать.

Одноклассник подставляет стул поближе ко мне и садится, весь напряжённый как струна. Сцепляет ладони, исподлобья поглядывает на меня.

— Заставила же ты меня понервничать! — очень тихо признаётся он. Не ощущаю осуждение или обиду, только обеспокоенность. — Как ты?

— Всё супер! — хриплю я. Бросаю вялый взгляд на дверь. — Твой напарник снаружи или один пришёл брать показания?

Олег раздумывает, стоит ли отвечать. Напряжённые плечи едва заметно дрогнули. Нехотя, явно с трудом поясняет:

— На самом деле я не по работе. Просто это был единственный способ оставаться рядом... Ну, знаешь, убедиться, что ты выкарабкаешься.

Тут я не нахожу что ответить. С трудом верится, что он мог провести все эти часы в больнице из-за меня. Но усталый вид и покрасневшие глаза вполне могут служить подтверждением. На моих бледных щеках появляется живой румянец. Меняю тему, пока не успела превратиться в помидор.

— Как я здесь оказалась?

Силюсь вспомнить хоть что-то, но на месте многих событий остаются пробелы. Последнее, что я помню, это как молниеносная фигура убивает Леонарда Сергеевича. Помню блеск зеленоватых глаз, и что в темноте мне почудился Герман. Но ведь это не может быть правдой. Это лишь результат воздействия препарата.

— В четыре утра мне пришло странное СМС с твоего номера, — отвечает Олег. По его тону понимаю: он надеется, что я смогу заполнить пробелы. Частично так и есть. — Там были координаты. Повезло, что я человек не ленивый, решил проверить. И то только потому что знаю тебя. Легко можешь вляпаться в неприятности.

— Кажется, я потеряла телефон! — вспоминаю я.

— Значит, у тебя появился какой-то доброжелатель! — задумчиво предполагает мужчина. — Мне изначально показалось странным это место. Пришлось напрячь мозги. Вбил координаты в гугл картах. Но там выдало чисто километры леса. Только когда наложил зону координат на карты генштаба, то увидел нужную точку. Пришлось по-старинке искать. Благо ориентиры указаны на карте: с разбросом в пару километров отыскал небольшой ручей, какой-то овраг и овальную возвышенность. А там сторожка. Вернее, переделанная в коттедж. Сразу видно.

— Ого, я бы не смогла разобраться! — слабо восторгаюсь я, насколько хватает сил.

Олег небрежно махнул рукой, принижая свои заслуги:

— Я тут не хвастаться пытаюсь, а попросить чисто на будущее, чтобы заранее предупреждала, когда взбрёт в голову по опасным местам шастать. Не меня, того кто рядом будет. Чтобы примерно знали, где искать. А то любопытство до добра не доводит. То, что я там увидел, в кошмарах долго сниться будет.

Нервно сглатываю несуществующую слюну в пересохшем горле. Мне и самой кажется, что не смогу теперь отделаться от этого кошмара.

— Что там произошло? — спрашиваю я в надежде узнать, видел ли он что-то необычное, кроме растерзанных тел.

Олег морщится, вспоминая неприятные подробности.

— Может, лучше ты мне расскажешь, что помнишь? — предлагает он. Непроизвольно начинает хрустеть костяшками пальцев, как бы сбрасывая напряжение. — Я увидел гору трупов. Нашёл тебя уже без сознания. Ты была в критическом состоянии, так что особо

осматриваться не стал. Но из того, что увидел, предполагаю какие-нибудь сатанинские ритуалы. Сейчас место преступления уже оцеплено, но я пока не в курсе подробностей.

— Много времени прошло?

— Шестнадцать часов. Если честно, боялся, что не доведётся вновь отвечать на твои бесконечные вопросы, будто это ты у нас коп.

За улыбкой он пытается скрыть осязаемый страх. Симпатичная ямочка делает его лицо таким невинным, что мои пальцы невольно отрываются от простыни и тянутся к его руке. Мужчина осторожно переплетает наши пальцы. С готовностью, словно сам этого хотел. Вместе с этим дарит мне ощущение надёжности и чувство безопасности. Точно знаю, что пока он рядом, никто не попытается заставить меня замолчать. Поэтому так спокойна и едва удерживаюсь от погружения в сон. Почему-то рядом с Олегом не страшно засыпать. Это прикосновение длится лишь несколько секунд. Потом мы расцепляем руки и делаем вид, что этого не было.

Затем сбивчиво рассказываю, как угодила в самую гущу событий. Умалчиваю только о раскапывании могилы. Сейчас это не существенно, но лучше ему не знать. Решаю соврать, что просто решила навестить могилу своего друга. А там меня вырубили и перевезли в лес. Перечисляю все имена, о которых только удаётся вспомнить. Подробно пересказываю разговор с профессором. Упоминаю и о возможном соучастии со стороны полиции и правительственных органов. Надеюсь, меня не упекут за решётку из-за клеветы, ведь доказательств их причастности у меня нет, как и конкретных имён.

Олег слушает, не перебивая, лишь хмурит брови. Полагаю, у него нет причин сомневаться в моей искренности. На моменте расправы притворяюсь, что у меня амнезия. Не уверена, что стоит рассказывать правду. Я и сама ничего не понимаю.

— Как думаешь, что могло там произойти? — спрашиваю я.

— Всё, что угодно! — разводит руками полицейский. — Подробнее скажут эксперты. Наверное, напал какой-то оголодавший зверь. Может, медведь? Шум мог его привлечь. Не похоже, что убить всех этих людей мог обычный человек.

Я тоже так думаю. Это был точно не человек.

— Но то, что ты рассказала, это... вау! — невесело подмечает Олег. — Я до сих пор в шоке! Быкова Леонарда Сергеевича многие знают. Кто бы мог подумать, что он окажется социопатом.

— Значит, ты мне веришь? — с надеждой спрашиваю я.

— У меня нет причин сомневаться в твоих словах! — мягко произносит мужчина. — Разве что твоё состояние: сотрясение мозга всё-таки. Плюс тебя накачали. Но кое-что и сам увидел. Ты лежала внутри сатанинской символики среди чёрных свечей. После такого трудно не поверить!

Я удовлетворённо киваю. Он верит! Теперь мне становится немного легче. Потом вдруг вспоминаю наш последний разговор.

— Ты и сам успел что-то раскопать? — напоминаю я.

Ожидаю, что не захочет рассказывать: мало ли, сейчас не до того. Да и, судя по потемневшему взгляду, ему неприятна эта тема. Олег с шумом выдыхает воздух: чувствую аромат больничного кофе.

— Да, тут дело серьёзное, но пока рано об этом говорить! — нехотя признаётся он. — Меня тогда накрыло просто, вот и хотел скорей поделиться. Но ты вроде как и сама уже знаешь. Пока копался в деталях следствия по делу Миланы Солнцевой, удалось наткнуться

на реальный отчёт по делу Германа Мартынова. Он явно не предназначался для посторонних глаз. И там описаны детали, которые навели меня на предположение, что кто-то в участке покрывает преступника. Теперь-то понимаю, что дело куда серьёзнее простой коррупции.

Одноклассник вдруг наклоняется ко мне и бережно накрывает мою руку. Заглядывает в глаза щенячьим взглядом. Моё сердцебиение учащается, о чём сообщает специальный прибор.

— Только, пожалуйста, не впутывайся в это! — просит он, кажется, без какого-либо умысла. Только ради моего же благополучия. — Здесь важна осторожность, иначе виновник попросту сделает то же, что и всегда: избавится от улики. Я сам разберусь, но постепенно. Хорошо?

То ли так действуют лекарства, но у меня нет желания спорить. Я слабо киваю, и он с облегчением отстраняется. Я вновь теряю его тепло.

— Среди вещей Германа может быть что-то полезное для доказательной базы! — предупреждаю я. — Мне так и не удалось проверить.

— Уже подумал об этом, но всё равно спасибо за наводку.

— Мои родители... — вдруг вспоминаю я. Произношу с трудом. — Ты должен знать, что они тоже были замешаны. Я этого не знала...

— Они тоже там были? — удивляется Олег. Поначалу я хотела сохранить это в тайне до последнего, но теперь мне кажется важным сказать. Ему точно можно верить. Я надеюсь. — Думаю, ещё не всех опознали.

— Они мертвы! — бесцветным голосом сообщаю я, будто это слово для меня ничего не значит.

— Мне очень жаль! — с горечью сочувствует он.

Я вновь киваю. Внезапно на меня накатывает паника.

— Моя дочь... — обрывисто бормочу я. — Нужно ей позвонить... Хочу убедиться, что она в порядке.

Олег молча достаёт из кармана телефон с разбитым защитным стеклом и отдаёт мне. Замечаю мутные красноватые разводы. Меня начинает мутить.

— Нашёл рядом с тобой. Разблокировать не смог. Постарался вытереть кровь.

— Спасибо! — отзываюсь я, пока добираюсь до списка контактов.

— Я тогда пойду. — Олег поднимается и неспешно возвращает стул на прежнее место. Потом поворачивается ко мне. — Поправляйся скорее! Потом домой?

Я согласно киваю. Он собирается уходить, но в дверях медлит. Неловко проводит ладонью по косяку.

— Мы ещё увидимся? — вдруг спрашивает он.

Я растерянно отрываю взгляд от мобильного и смотрю на смущённого одноклассника. На данный момент я и сама не знаю. Но нам обоим понятно, что мне придётся рано или поздно давать показания.

— Надеюсь! — отвечаю я, не найдя в себе наглость ответить более грубо.

— Тогда до скорого!

Олег выходит из палаты и аккуратно закрывает за собой дверь. А я уже слушаю невыносимые гудки. Волна облегчения расслабляет меня, как только слышу любимый голос. У Алисы всё хорошо. Значит, и я скоро буду в порядке.

Я бреду по лесу, раздвигая низко растущие ветви. Каждое движение рук отдаётся пощипывающей болью в запястьях. Холодный воздух замедляет жизнь на километры вокруг: едва не вводит живность в состояние анабиоза. Меня согревает лишь потрёпанное пальто. Не было времени заняться его чисткой. Если как следует потрясти, с него начинает сыпаться могильная земля. Местами въелись пятна засохшей крови. Не терпится уже избавиться от него, как только вернусь в Таганрог. Совсем скоро.

Впереди замечаю какое-то движение. До ушей долетает трепет крыльев. На ветку лысеющего клёна в двадцати метрах от меня взгромождается стройная ворона. Несколько мгновений молча смотрим друг на друга. В темноте плохо получается её рассмотреть, но я отчётливо вижу осознанные глаза-бусинки. Затем ворона громко каркает и срывается с ветки. Проносится дальше, колыхая листья кончиками крыльев. Я покорно слеую за ней.

Не думала, что когда-нибудь захочу вернуться сюда вновь. Особенно, если учесть, что прошли всего сутки. Но мне на удивление не страшно. Решительно слеую знакам, полностью доверяя интуиции.

Ещё с того момента, как ушёл Олег, я точно знала, что не стану отлёживаться в больнице. Выписывать меня в ближайшие дни, естественно, не собирались. Поэтому на ночь глядя ушла самовольно, подписав все отказы. Ноги сами потащили меня в лес. Слабость ещё не прошла, поэтому пришлось потратить на дорогу больше времени, чем хотелось бы. Не знаю, что планирую найти, но должна проверить.

Вслед за вороной сворачиваю с тропы и пробираюсь через толстый слой гнилой листвы. Где-то в кронах деревьев встрепенулась целая стая. Со всех сторон доносится многократное требовательное карканье. Значит, по идее, я на верном пути. Дорогу эту знаю, поэтому пока не нервничаю. Мы с родителями истоптали эти тропы вдоль и поперёк в поисках грибов. Вспоминая уверенную спину отца в камуфляжной куртке, ведущую нас в глубину леса, боль сдавливает горло тугим канатом. Я шла по его следам: высокие резиновые сапоги оставляли большие отметины на влажной листве и в грязи. Мама, как обычно, замыкала шествие, присматривая за мной. Я постоянно оглядывалась и ловила её улыбку, которая была теплее даже солнечных лучей.

Трепет крыльев выдёргивает меня из воспоминаний, оставляющих болезненные следы на щеках в виде быстро остывающих дорожек слёз. Небрежно вытираюсь рукавом и задираю голову вверх. Со всех сторон меня окружают высоченные сосны. Здесь мы с родителями собирали много маслят. Теперь мои ноги топчут грибы, которые едва вижу в темноте. Высоко, под кронами, трепещет множество маленьких существ. На меня осыпается одиночная хвоя. Приглядевшись, различаю в них летучих мышей. Застыв, слушаю их стрекочущий писк. Удивительно: никогда прежде не приходилось наткаться на целую стаю, ещё и в нашем лесу. Но вот они, маленькие изворотливые твари, свисают по веткам и машут рваными крыльями.

Медленно прохожу дальше и стараюсь не привлекать к себе много внимания. Боюсь представить, что будет, если испугать целую стаю. Одиночная мышь ещё побоится нападать, но так они могут быть практически неуязвимы. Случайно раздавливаю угодившую под подошву шишку, подняв в воздух ленивый треск. Летучие мыши только сейчас обращают на меня внимание. Мимо проносятся несколько особей, но остальные пока остаются на ветках. Писк становится более громким и приобретает оттенок угрозы. Нервно сглатываю прежде, чем рискую двигаться подальше отсюда. Но иду в направлении, куда полетели одиночные мыши.

Они ведут меня в сторону оврага, либо я просто схожу с ума. Через овраг ни разу не ходила: ни с родителями, ни с Германом. Максимум прокладывали путь вдоль него, а потом возвращались обратно. Тут же поблизости и наше памятное дерево. Дальше точно не пойду. Доберусь до оврага и направлюсь обратно. Скоро утро. Как только начнёт рассветать, будет уже не так жутко.

Спустя пол часа деревья рedeют. Местами ещё проносятся летучие мыши, заставляя меня вздрагивать от трепета крыльев. Выхожу на знакомую равнину, сложенную рыхлыми породами. Всего несколько шагов, и могу рассмотреть темнеющую ложбину относительной глубины. За десять лет она успела зарости мелкими кустами и потонуть под слоем листвы. Одинокó прохожусь вдоль края обрыва, пока не дохожу до нужного дерева. Печально смотрю на этот скрюченный и тянущийся к земле ствол. Когда-то мы с Германом излазили здесь каждую ветку. Наверняка давние обломки ещё можно найти у выступающих наружу корней. Поистине необычное дерево. Такое же причудливое, каким я видела его десять лет назад.

Медленно касаюсь ствола, ощущая шероховатую слезающую кору. Где-то здесь Герман однажды нацарапал складным ножом наши инициалы. Просто "Л" плюс "Г". Без сердечек и прочей чепухи. Направив ладонь чуть выше, нащупываю линии букв. Знал бы он, как мне его не хватает...

Вдруг ощущаю спиной чей-то пронзительный взгляд. Испуганно замираю, так и не убрав руку со ствола. Не слышу шагов или дыхания, но твёрдо чувствую постороннее присутствие. Незаметно нащупываю в кармане пальто перцовый баллончик. Сжимаю пальцами, готовясь защищаться. Затем медленно отлипаю от дерева и поворачиваюсь к незваному гостю.

Первое мгновение не верю собственным глазам, а потом вдруг испытываю облегчение. На меня с расстояния взирают зеленоватые глаза. Одинокáя фигура, чьё лицо с трудом могу рассмотреть. Но сразу узнаю старого друга. Если это сон, значит, очень хороший. Герман не похож на самого себя, но я убеждена, что он не причинит мне вред. И не боюсь. Наоборот, хочу скорее его обнять. Но что-то парализует. Если это не снится, то я не ошиблась: он действительно жив и был рядом всё это время. Мой ангел-хранитель.

Делаю медленный шаг навстречу ему. Незаметно для самой себя расслабляю пальцы и выпускаю из рук баллончик. Он теряется где-то в листве. Но мне плевать. Герман стоит неподвижно, словно восковая фигура. Покрыв разделяющее нас расстояние, остаиваюсь в нескольких метрах от него. Теперь отчётливо вижу бледное лицо с тёмными пятнами, напоминающими трупные. Осунувшееся, с точёными скулами. Глаза на фоне выступают и визуальнó выглядят больше ещё и благодаря выраженным синякам под ними. Никогда не видела его таким похудевшим. Одет в тёмно-коричневый костюм. Пиджак явно великоват, небрежно расстёгнут. Почему-то у меня в голове проносится мысль, что в таком виде его хоронили. На шее темнеет борозда от верёвки в виде уродливого шрама.

— Герман... — практически бесшумно шепчу я. Непроизвольно поднимаю ладонь, будто хочу коснуться его. Пальцы немного дрожат.

Он молча рассматривает меня. В какой-то момент начинаю сомневаться, что он понимает или может пользоваться речью. Слишком уж отстранённый у него вид. Напоминает дикое животное, которое с осторожностью относится к повстречавшемуся грибнику. Но обязательно набросится, если почувствует угрозу. Поэтому я медленно опускаю руку, но не спешу отступить.

— Зря ты пришла. — наконец, произносит Герман.

Я слышу его голос, такой родной и близкий сердцу, что невольно начинаю плакать. Он звучит очень холодно и безжизненно, но мне плевать. Узнаю лучшего друга в каждом звуке. Это он, мой Герман! Стараюсь взять себя в руки, только не могу удержаться от громких всхлипов.

— Ты жив... Но как? — не могу понять. Наверное, всё-таки мне это снится. И я вот-вот проснусь на неудобной больничной кровати и буду до самого утра думать об этой встрече.

— Не совсем! — загадочно отвечает друг и предупреждает. — В лесу до сих пор опасно. Мимо него проносится ворчащая летучая мышь и скрывается в листве. Эти твари напоминают охранников или личных прислужников. Возможно, мне лишь кажется, но вроде они признают Германа, как своего.

— Ты ведь не причинишь мне вреда? — на всякий случай спрашиваю я. — Уже помогал.

— Больше не смогу. Пора прощаться.

Это известие заставляет меня нервничать. Забыв про осторожность, приближаюсь к нему. Не приходится касаться, чтобы ощутить холод, исходящий от мраморной кожи. С надеждой заглядываю в изумрудные глаза.

— Но куда ты пойдёшь? — неуверенно спрашиваю я. — Что вообще с тобой случилось?

Герман не меняется в лице, но замечаю едва уловимый блеск в чёрных зрачках. Он спокоен и отстранён. На руках и лице больше нет крови. Но на крыльях воротника рубашки замечаю несколько тёмных пятен.

— Сам не знаю. — отвечает одним словом сразу на два вопроса. — Проснулся в темноте без воздуха. Земля забивалась в рот и ноздри. Сам откопал себя. Так и обнаружил неестественную силу. Несколько дней бродил по лесу, пытаюсь обуздать сильную жажду.

— Жажду крови? — нервно уточняю я. — Значит, ты и правда обратился в вампира...

Сама чувствую, как пульсируют собственные вены. В какой-то момент даже опасаясь, что он захочет убить меня и разорвать плоть, как сделал это с сектантами. Но друг остаётся спокойным.

— Я не трону тебя! — успокаивает он, словно прочитал мысли. — То, что случилось... Мне, кажется, пока достаточно.

Знаю, что не тронешь. Не произношу это вслух, но передаю во взгляде. Не представляю как вести себя, ведь сталкиваюсь с подобным впервые. Теперь знаю, что он и сам растерян. Невольно напрашивается вопрос:

— Если ты здесь... значит, есть ещё тот, кто обратил тебя?

На всякий случай оглядываюсь по сторонам, будто выискиваю второго. Может, сектанты были не такими уж безумными? И загадочная королева мертвых существует? Кажется, теперь я готова поверить во что угодно.

— Я не знаю, Лера! — в голосе Германа появляется горечь. — Я долго оставался в тени и ни разу не встретил себе подобного. Поэтому лучше уходи, уезжай домой к дочери. И постарайся обо всём забыть.

Так он знает про Алису... Конечно, знает, ведь я не делала из этого особую тайну. Почему-то мне становится обидно из-за того, что живу полноценную жизнь, пока он вынужден страдать. Все эти годы сбивают меня с ног снежным комом. Виновата ли я на самом деле? Вряд ли, но так паршиво внутри.

— Я пыталась закончить твоё дело... — сбивчиво признаюсь я, словно оправдываюсь. Голос срывается из-за слёз.

— Знаю.

— Мне жаль... Прости, что молчала столько лет и что вовремя не помогла! — сквозь слёзы продолжаю я. — Тогда с тобой бы ничего не случилось...

— Ш-ш-ш...

В мгновение он оказывается рядом и бережно убирает с моей кожи слезинки. Я вздрагиваю от холодных прикосновений, но не хочу, чтобы он останавливался. Теперь он так близко, такой настоящий. Я рассматриваю светлые крапинки на зеленоватой радужке: как в юности, но тогда его взгляд не вызывал во мне такие чувства. От него пахнет могильной землёй. Никакой гнили или разложения, но запах специфический. Кажется, для меня он приятный.

— Герман... — шепчу я.

Вся дрожу, но решаюсь убрать с ровного лба прядь тёмных волос. Шелковистые на ощупь. А он просто всматривается в моё лицо.

— Закончи начатое! — тихо просит друг. — Понятия не имею, что за зло скрывается в этих лесах, но пора покончить хотя бы с одним. В моих записях найдёшь всё, что нужно.

— Поняла! Уже сообщила об этом надёжному человеку! — слабо отзываюсь я. Его пальцы скользят по моему запястью поверх бинта. На секунду взгляд темнеет, будто он сдерживает внезапный порыв. Потом глаза вновь зеленеют. — Что будет с тобой?

По его губам скользит тень улыбки:

— Полагаю, сделаю то, о чём давно мечтал — посмотрю мир. Как только разберусь с тем, как контролировать инстинкты.

— И будешь убивать людей? — почему-то эта мысль не пугает меня.

— Мне нужна кровь для поддержания сил. Жажду не получится долго сдерживать.

Я мрачно киваю, даже не задумываясь, кому в будущем предстоит стать его жертвами. Герман приподнимает подбородок, убирает руку. Между нами остаётся один шаг.

— В твоих силах это остановить! — предупреждает он.

— Каким образом?

Секундная пауза позволяет мне самой догадаться, и я с ужасом качаю головой.

— Убей меня! — на полном серьёзе предлагает друг. И даже тут особо не отображает эмоции. — Так я не смогу никому навредить.

— Откуда знаешь, что это возможно? — сдержанно осведомляюсь я.

— Не знаю. Вот и проверим.

Тут я нервно отступаю на шаг, потом ещё один. Мой голос дрожит вместе со мной:

— Нет... Даже не проси!

— Лера...

Повинуясь порыву, резко бросаюсь к нему и обхватываю холодное лицо. Герман пятится от неожиданности и накрывает мои руки ладонями. Я будто окунаюсь в ледяную прорубь. Сердце бешено колотится. Создаётся впечатление, что моё тепло обжигает его. Он без труда может меня оттолкнуть, как тряпичную куклу. Но он застывает, удерживая мои руки на своих скулах.

— Даже сейчас ты заслуживаешь жить намного больше, чем те уроды, которых убил! — твёрдо восклицаю я, удерживая его взгляд.

— Ты не можешь решать, кто больше заслуживает жить! — сухо возражает он. В этом весь Герман: что-то остаётся неизменным.

— Поэтому и не смей просить принимать сейчас такое решение! — упрямо заявляю я.

Мы молчим несколько минут, пока над нашими головами трепещут летучие мыши. Потом Герман отстраняется и бесшумно подходит к краю обрыва. Я следую за ним.

— Скоро рассвет! — подмечает он, рассматривая кусочек неба.

— Избегаешь солнца? — отзываюсь я, вспоминая фильмы о вампирах.

Он не отвечает, лишь смеряет меня коротким взглядом. Понимаю, что, возможно, никогда больше не увижу его. Но что я могу? Предложить остаться в лесу, помогать освоиться в новом мире? Могу даже выступить в роли донора, пока однажды не сорвётся и не прикончит. Даже сейчас согласилась бы на это без раздумий, но в моей жизни есть человек, которого не могу оставить.

— Не хочу вновь терять тебя! — сдавленно произношу я. — Теперь о многом жалею.

— Воспринимай меня как хороший сон! — предлагает Герман, поворачиваясь ко мне. — Скоро начнёт отпускать, как приятное послевкусие. Через месяц будешь иногда вспоминать. А через год и не вспомнишь. А вот я никогда тебя не забуду!

Забыть его? Разве это возможно? Тем более теперь: не каждый день повезёт встретить настоящего вампира. Если честно, для меня это вроде как не имеет значения. Не вижу за этим глубоким взглядом глаза монстра. Клыки тоже не выступают, но и они вряд ли спугнут. Вижу только Германа, самого близкого человека. Который всегда оберегал, как и я его.

— Я тоже тебя никогда не забуду! — обещаю я.

Он возникает прямо передо мной, за мгновение преодолев разделяющее расстояние, и прижимается холодными губами к моему лбу. Закрываю глаза, выпуская наружу одиночные слёзы. Поцелуй длится лишь секунды, но после ощущаю прохладный след.

— Прощай, Лера!

Его шёпот смешивается с хором листвы. Подаюсь вперёд и едва не падаю. Открываю глаза, беспомощно ищу Германа. Он исчез так же незаметно, как появился. Со мной остались лишь деревья, вынужденные сохранить тайну об этой встрече. Вместе с Германом пропали и летучие мыши. А я осталась совсем одна. Смахнув слёзы, медленно возвращаюсь к лесной тропинке. Ветер продувает насквозь, но дрожу я не от холода. Лишь сейчас задумываюсь, что ещё многое хотела бы спросить, но была слишком растеряна. Потихоньку светлеет небо.

21. Последнее письмо

Прошло два месяца. Всё это время пытаюсь научиться жить заново, не оглядываясь в глаза страху. Во многом помогла терапия. Кошмары снятся немного реже. Понемногу получается не думать целыми днями о травмирующих событиях.

В тот раз из леса я вернулась в самом разгаре утра. Первым делом выпила крепкий кофе в ближайшей кофейне. Позвонила в автосервис. Машина была ещё не готова. Возможно, так даже лучше. Вряд ли мне следовало в таком состоянии садиться за руль. Уехала в Таганрог на ближайшем автобусе, оставив груз проблем в Мортиморе. Предстояло ещё со всем разобраться: дать показания, поговорить с семьёй Солнцевых, заняться похоронами родителей. Даже была мысль навестить Олю Стронциеву. Она ведь тоже потеряла мать. Но не было сил, только не в тот день.

Пару дней была никакая. Босс едва не уволил. Не могла ему ничего объяснить. Но после того, как высказал всё, что думает, продлил отгул ещё на несколько дней. Даже Алиса начала всерьёз переживать. Я прекрасно понимала, что нужно как-то сообщить ей о трагедии, но сама до конца ничего не осознавала. Привезти её обратно в Мортимор на панихиду так и не решилась. Себя заставила вернуться только с трудом. Для меня стало неожиданностью, что кто-то без меня спланировал и организовал похороны. Оказалось, тётя Света. Олег сообщил ей о произошедшем. Правильно предположил, что для меня пока это всё слишком. И во время панихиды не отпускала мысль о том, заслужили ли они достойного прощания. Скоро весь город узнает об ужасных злодеяниях, к которым были причастны мои родители. Соседи не успокоятся, пока не переберут все сплетни.

В тот же день я побывала в полицейской части и в доме Солнцевых. В СМИ пока сохранялось затишье, но полиция планировала сделать официальное заявление. Среди вещей Германа удалось найти косвенные доказательства причастности к делам секты самого капитана полиции местного отдела. Это были фотографии, сделанные на старенький цифровой фотоаппарат. Герману удалось заснять капитана с Леонардом Сергеевичем во время конфиденциальной встречи в машине. Как позже выяснилось, они не часто пересекались. Поэтому застать такой момент было удачей. Улик оказалось недостаточно. В доме профессора тоже ни одной зацепки. Возможно, он где-то спрятал документы, связанные с запрещённой деятельностью, но пока полиции не удалось ничего найти. Они получили распечатку телефонных звонков Леонарда за последний месяц. Как оказалось, он трижды набирал номер капитана. Разговоры длились не больше трёх минут. Кроме того, покопавшись в делах капитана, удалось выяснить о необычных денежных поступлениях от профессора. Всего этого оказалось недостаточно, чтобы привлечь капитана к ответственности, но его сместили с должности и турнули из полиции.

Куда меньше повезло старшей медсестре неврологического отделения в больнице. Выяснилось, что лекарство без маркировки на самом деле является оланзапином. Это нейрорептик с широким спектром действия, угнетает нервную систему и снижает психомоторное возбуждение. Подобные препараты назначают для лечения в области психиатрии. Например, при шизофрении и биполярном расстройстве. Старшая медсестра неофициально закупала оланзапин в достаточных объёмах через свои связи. Этого хватало, чтобы снабжать всех последователей секты. Могу дать руку на отсечение, что они даже толком не знали, что принимают. Не удивительно, что со временем каждому начинало

казаться, что таинственная королева мёртвых исцелила все болячки. О побочных эффектах даже страшно думать. Полиция обнаружила достаточно доказательств, включая документацию о поставке товара и накопившуюся кругленькую сумму на счёте. Этих денег вполне могло хватить на новое жильё за городом, но, видимо, хотела заработать ещё больше. Медсестру уже взяли под стражу. Грядёт судебное разбирательство.

Остальным предполагаемым причастным удалось выйти сухими. Никто не оставлял за собой хвостов. Теперь только подлинные документы о делах внутри секты могут повлиять на дальнейший ход расследования. Я убеждена, что они есть. Наверняка у профессора хранятся компроматы на всех причастных, чтобы было легче контролировать их. Олег заверил, что будут дальше искать. За активное участие в раскрытии деятельности преступной группировки его вскоре досрочно перевели с ППС на должность опера. Теперь он официально занимается этим делом. Сейчас мы живём в разных городах: я в Таганроге, он в Мортиморе. Но часто общаемся в мессенджере, иногда созваниваемся.

Моя статья вышла вскоре после того, как я вернулась в Таганрог после похорон. Предварительно мы обсудили все детали с Солнцева. Они были безумно рады, что правда, наконец, раскроется, а виновники понесли наказание, пусть и недостаточное. Но я-то знаю, какой ужас сектанты испытывали перед смертью. Такое никогда не получится забыть. Статья была написана в память о Милане. Я посчитала, что так будет правильно. Ей была посвящена основная часть текста. И рядом красовался огромный портрет. Но не забыла и расписать злодеяния секты, включая упоминания всех участников.

"Потерянное поколение" вызвал настоящий общественный резонанс. Продажи взлетели на двести процентов. Только ленивый не обсуждал ужасные события, которые произошли совсем рядом. В Мортимор после такого зачастили журналисты и туристы. Алисе я объяснила ситуацию максимально мягко ещё до всей шумихи. Не стала подробно рассказывать о секте. Постаралась донести, что бабушка и дедушка просто оступились. К сожалению, рядом не было человека, который смог бы вовремя помочь. Это тяжело для нас обеих. Но я всегда готова поддержать её, даже если у самой внутри всё сводит от отчаяния. Особенно, когда первое время пресса испытывала ко мне повышенный интерес как к автору нашумевшей статьи и дочери сторонников секты. По настоянию Синяка пришлось дать интервью для телевидения, где я честно рассказала о своих мыслях по этому поводу. Признаться, если бы не Милана, то никто не смог бы загнать меня под объективы камер. Но я хотела ещё раз напомнить людям, как важно присматриваться к происходящему вокруг и беречь своих близких. Но меня больше стремились вывести на другие эмоции. Задавали много вопросов о родителях и Германе. Я перенесла эти моменты, как страшный сон. От повторных интервью наотрез отказывалась.

Постепенно, когда жизнь начала потихоньку налаживаться, я всерьёз задумалась о переезде. Даже в Таганроге больше не чувствую себя в безопасности. Подумываю о Москве. Для меня слишком оживлённый город, но спокойным городкам вроде Мортимора больше не доверяю. Даже обсудила это с Игорем. Естественно, он оказался рад возможности почаще видеться с дочкой. Но я решила пока не торопиться. Буду понемногу планировать, присматривать варианты. Если всё пойдёт хорошо, переедем в следующем году. Новогодние праздники подумываю провести вместе с Игорем. Заодно пойму, стоит ли давать шанс столице. Будет ли она когда-нибудь для меня настоящим домом.

Одним ноябрьским утром я отвезла Алису в школу. Сегодня непривычно промозгло.

Почему-то мне кажется, что это не просто так. На крышах домов за ночь напал первый снег. Чуть-чуть покрывает и землю. В обеденное время возвращаюсь домой из редакции за забытыми материалами. По привычке проверяю почтовый ящик, готовясь избавиться от горы макулатуры. И натыкаюсь на письмо. Какое-то время недоверчиво рассматриваю адрес отправителя. Латинскими буквами указано незнакомое имя Пауль Фишер. Письмо доставлено прямиком из Польши. Но этот почерк...

Руки начинают дрожать, когда я бросаю надоедливые рекламки и вскрываю конверт прямо на лестничной площадке. Начинаю медленно подниматься на нужный этаж и читаю прямо на ходу. Уже после первых строк не остаётся никаких сомнений в личности отправителя. Меня переполняет множество эмоций, включая волну облегчения. Герман жив. Он в порядке. И он только что прислал мне весточку.

Пробегаюсь глазами по строкам, а сама бесшумно плачу. Моё сердце болит от того, что его нет рядом. Но, закончив чтение, на моих губах появляется слабая улыбка. Я просто рада тому, что он живёт вопреки всему и не собирается топтаться на месте, убиваясь ненавистью к себе. По моему мнению, так и должно быть. А письмо я потом сожгла, потому что он попросил меня. Но перед этим ещё раз прочитала, надеясь сохранить в памяти каждое слово:

«Ты, ты и люди, которые окружали тебя, все вы не знаете, как ты была прекрасна. Бьют часы. Время. И, умирая, я в скорбный час расставания с жизнью всё-таки пою — слава Тебе» (Куприн А.И.).

Мне не познать больше простых человеческих радостей: вкус еды, мирный сон, горячий песок под ногами на пляже. Раньше я этого не понимал. Жаль, не умел ценить. Теперь же учусь компенсировать новыми перспективами. Видел твою статью и не могу не похвалить. Ты далеко пойдёшь, Лера, но разоблачение правительственного заговора навсегда останется одним из самых ценных твоих поступков. Не уверен, что люди Мортимора теперь в безопасности, но жизнь их явно станет во много раз легче.

За меня не волнуйся, как и за людей, встречающихся на моём пути. Я пока ещё только учусь, но начинаю лучше узнавать нового себя. Это помогает. Впервые за всю жизнь нахожусь так далеко от родного Мортимора, и мне на удивление хорошо. Для семьи навсегда останусь мёртвым, а для всего мира я теперь Пауль Фишер. Думаю, у меня будет достаточно времени, чтобы вжиться в новую роль.

Уже неделю нахожусь в Варшаве. Тебе понравился бы этот город. Случайно забрёл на Свентоянскую улицу в Мазовецком воеводстве. Остановился возле собора Святого Иоанна. Когда-то здание было полностью разрушено ещё во время Второй мировой войны, но затем была произведена полная реконструкция. Он выглядит так же, как и тогда. Но, знаешь, не смог найти в себе смелость хотя бы попытаться войти в собор. Что если мне теперь запрещено? Любая церковь отвернётся от меня: православная или католическая. Я теперь изгой. Не стал искушать судьбу и осквернять храм своим присутствием. Другие люди этого не заслужили.

Но этот случай заставил задуматься о том, какое предназначение я готов для себя избрать. Глупо тратить такую силу на развлечения и бессмысленные скитания. Буду учиться, а потом выберу для себя путь служения Господу издалека, не рискуя разгневать его своим видом. А именно помогать другим и нести хоть крупицу добра. Заодно постараюсь выяснить, есть ли ещё мне подобные, кроме обратившего. Кем бы он ни был. Для этих целей направляюсь дальше в Ватикан. Найду способ попасть в секретные архивы. Говорят, там хранится множество грязных тайн.

Знаю, ты удивлена этим письмом. Прошу уничтожить его сразу после прочтения. Пусть Герман Мартынов развеется вместе с пеплом. Думаю, если оно попадёт не в те руки, содержанию вряд ли придадут значение. Примут за бред сумасшедшего или обычную чепуху. Но пора оборвать последнюю нить. При жизни мне так и не хватило смелости провести её рядом с тобой. И даже после смерти я не могу посмотреть тебе в глаза и сказать о своих чувствах. Но хочу, чтобы ты знала, что всегда будешь занимать важное место в моём сердце. Возможно, у меня будет целая вечность, но я вряд ли когда-нибудь смогу тебя забыть.

С наилучшими пожеланиями,

твой мёртвый друг Герман»

Больше книг на сайте - Knigoed.net